

Чотаева Чолпон

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСТАНА**

Бишкек-2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. Теоретико-методологические подходы в исследовании государственности.

ГЛАВА 1. Цивилизационные теории и культурно-цивилизационные традиции в становлении государственности.

1.1. Материалистическая и культурно-историческая школы в современной исторической науке.

1.2. Культурно-цивилизационные традиции в формировании государственности восточных обществ.

ГЛАВА 2. Современные концепции этничности и этнический национализм в национально-государственном строительстве новых независимых государств.

2.1. Примордиалистские и конструктивистские теории в изучении этнонациональной проблематики.

2.2. Этнический национализм в национально-государственном строительстве новых независимых государств.

РАЗДЕЛ II. Этнокультурные аспекты национально-государственного строительства в суверенной Кыргызской Республике.

ГЛАВА 3. Этнический фактор в национально-государственном строительстве Кыргызстана.

3.1. Из истории национально-государственного строительства Кыргызстана.

3.2. Советская национальная политика.

3.3. Национальная политика и этническая ситуация в суверенном Кыргызстане.

ГЛАВА 4. Языковая политика в национально-государственном строительстве Кыргызстана.

4.1. Советская языковая политика.

4.2. Языковая политика и этноязыковая ситуация в независимом Кыргызстане.

ГЛАВА 5. Исламский фактор в формировании суверенной государственности Кыргызстана.

5.1. Особенности исламизации и роль ислама в досоветский и советский периоды.

5.2. Исламское возрождение и этноконфессиональная ситуация в суверенном Кыргызстане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ

Прошедшее столетие в научной литературе и общественной практике называют веком пробуждения этничности и национализма. Этнический и национальный факторы стали определяющими в системе общественных отношений на мировом, региональном, государственном и локальном уровнях.

С феноменом «этнического и национального ренессанса» столкнулись практически все страны мира независимо от географического положения и типа общественного устройства. Однако если в странах развитой демократии данный процесс происходит в основном в форме политических дискурсов и общественных движений, то в странах с трансформирующейся социально-экономической и политической системой этнические национальные противоречия нередко порождают острые конфликтные ситуации и даже войны.

«Этнический ренессанс» в Кыргызской Республике начался в конце 80-х годов XX столетия под влиянием общемировых тенденций и роста этнического самосознания народов СССР. Однако в Кыргызстане он имел свои региональные особенности, которые можно объяснить развитием двух разнонаправленных тенденций этнонационального развития.

С одной стороны, курс на демократизацию общественной жизни стимулировал актуализацию этнического самосознания, этнических чувств и этнокультурных традиций всех этносов страны, начиная от титульного этноса, кыргызов, до самых малочисленных этнических групп. Это проявилось в создании множества общественных объединений этнических общностей – национально-культурных и образовательных центров, фондов и т. д., деятельность которых была направлена на возрождение родного языка, популяризацию этнической истории и культуры.

С другой стороны, этновозрожденческие тенденции несли в себе негативный потенциал, препятствуя консолидации кыргызстанского общества и

интеграции этносов страны в общегражданскую общность. Так, были попытки политизации этничности и сепаратизма со стороны представителей узбекского этноса на юге Кыргызстана, которые требовали воссоединения с Узбекистаном. Поэтому, безусловно, данный этнодифференцирующий фактор вольно или невольно создает угрозу общенациональной безопасности страны.

Процесс национально-государственного строительства в Кыргызской Республике предполагает разрешение противоречия между политическим и этническим структурированием общества через оптимальное взаимодействие этнической и новой гражданской национальной идентичности. Данный процесс чрезвычайно сложен и неоднозначен. Наряду с успешной дээтнизацией в странах переселенческого капитализма – США, Канаде, Австралии – и ряде государств Западной Европы, возможен и совершенно иной итог нациогенеза и полигенеза, который наблюдается в других регионах мира, где актуализировавшаяся этническая идентичность превращается в национальную, что несет в себе угрозу как обществу, так и государству в целом.

После обретения Кыргызстаном государственной независимости среди научных кругов и общественности резко возрос интерес к истории, культуре и традициям кыргызского народа. Особое место среди растущих научных и общественно-политических интересов истории отечества занимают вопросы зарождения и развития кыргызской государственности.

Распад СССР перевел совершенно в другую плоскость, чем это было на протяжении веков, проблему государственного строительства на территории той части евразийского континента, которую прежде занимала Российская империя, а затем Советская держава как ее наследница. Для большинства бывших союзных республик, в данном случае стран Центральной Азии, государственный суверенитет стал фактом, перед которым они были поставлены Беловежским соглашением 1990 года и который им предстояло сделать отправной точкой в своем государственном строительстве.

Соответственно развитие государственности в Центральной Азии пошло по пути все более определенной и открытой ориентации на принцип титульной

этничности формирующихся властных структур. Этнический национализм представляется новой элите эффективным инструментом сплочения титульного этноса вновь образованного государства и интеграции вокруг него некоренной части населения. Данный процесс сопровождается кризисом общих экономических и социальных условий жизни молодых суверенных государств и, как следствие, слабостью предпосылок для интеграции общества на базе правовых гражданских законов и институтов, а также усиливающимися авторитарными тенденциями внутри государственной власти.

Исходя из вышесказанного, основной целью данного исследования является выявление и изучение факторов, способствующих процессу национально-государственного строительства в Кыргызской Республике, а также перспектив будущей интеграции народов Кыргызстана в общегражданскую кыргызстанскую общность.

Проблема, которая поднимается в данной работе, относится к числу малоизученных в современной гуманитарной науке. Автором впервые в отечественном обществоведении делается попытка комплексного подхода к изучению основных факторов формирования государственного строительства в Кыргызстане таких как этничность, язык и религия. Хотя многие исследователи в своих работах изучали этнические, языковые и религиозные проблемы в Кыргызстане в отдельности, однако комплексное исследование этих трех факторов в их взаимосвязи и взаимозависимости до сегодняшнего дня не предпринималось.

Другой отличительной чертой этой работы является то, что она охватывает широкий исторический диапазон: с раннего периода существования кыргызского этноса до формирования полиэтничного общества в Кыргызстане и современной этнолингвистической и этноконфессиональной ситуации, с первых лет исламской экспансии до современного исламского возрождения.

Данное исследование являет собой одну из первых работ, которая исходит из позиций нового исследовательского направления - синтеза

цивилизационного и формационного подходов. Предпринята попытка переосмысления понятийно-терминологического аппарата этнонациональной проблематики в контексте достижений мировой исторической науки. Автор использует и другие исследовательские принципы и методы, разработанные западными исследователями, для изучения современных этнонациональных процессов в постсоветском Кыргызстане.

В работе использован широкий спектр материалов, представленный целым рядом различных источников на кыргызском, русском, английском и арабском языках. Прежде всего, среди них необходимо отметить научные исследования и монографии, включающие работы известных западных специалистов, советских и постсоветских ученых.

В качестве источниковой базы были использованы многочисленные информационные и справочные материалы, в том числе сборники законодательных документов, официальные издания государственных учреждений и международных организаций.

Кроме того, источниками фактического и статистического материала для данной диссертации послужили данные официальной и экспертной статистики. Здесь следует особо выделить материалы первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года, которые позволили выявить и проанализировать этническую структуру населения республики, места их компактного проживания, динамику ее развития в досоветский, советский и постсоветский периоды.

Информативным и важным источником исследования также явилось авторское этносоциологическое исследование, проведенное весной-летом 2003 года в регионах республики. Этносоциологическое исследование было посвящено различным аспектам формирования языковой, этнической и религиозной идентичности народов, населяющих Кыргызстан, а также степени интеграции кыргызстанского общества.

Проблемы и противоречия современного этнополитического развития страны, выявленные автором в ходе исследования, будут стимулировать

инициирование и разработку законопроектов по вопросам обеспечения прав этнических меньшинств, сохранения и упрочения межнационального согласия в стране, ведь до сих пор в Кыргызской Республике не принят Закон о защите прав этнических меньшинств.

Кроме того, материалы проекта могут помочь структурам исполнительной власти, в частности органам местного самоуправления, выработать конкретные механизмы, способствующие интеграции кыргызстанского общества, а также формы и методы управления межэтническими отношениями.

Материалы и результаты диссертации будут способствовать популяризации среди населения республики, прежде всего молодежи, нового современного понимания терминов «этнос», «нация», «национальность», «этническая» и «национальная» идентичность, принятые в развитых демократических обществах.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ГЛАВА 1.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ТЕОРИИ И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1.1. Материалистическая и культурно-историческая школы в современной исторической науке

Два аспекта всемирно-исторического процесса

Логика всемирной истории выражена в общей направленности всемирно-исторического процесса. Она отражает единство, целостность исторического процесса, фиксирует определенную тождественность порядков, судеб различных стран и народов. Вместе с тем, реальная история человечества не сводится к одной всеобщности и одной сущности. Она представляет собой и конкретный процесс развития отдельных стран и народов, которые имеют свою историю и собственную судьбу. То есть, исторический процесс представляет собой картину бесконечного разнообразия, непохожести, уникальности исторических событий.

Взаимоотношение между этими двумя сторонами исторического процесса многозначно, между ними имеется определенное тождество и противоречие. Логика всемирной истории с ее устремленностью к единству и тождественности исторического процесса, с одной стороны, противоречит особенностям исторической конкретности. С другой стороны, специфика исторического процесса входит в противоречие с всеобщей логикой истории, с ее тенденцией запрограммировать реальные исторические закономерности в общие рамки и нивелировать их своеобразие и неповторимость. Однако противоречие указанной общей логики истории и специфики конкретных

исторических событий в жизни стран и народов нельзя понимать как разрыв их единства. Наоборот, само это противоречие является ничем иным как своеобразным специфическим выражением единой сущности всемирно-исторического процесса.

Итак, логика истории выражает общие тенденции и единую направленность всемирно-исторического процесса. Обращаясь к истории отдельных стран и народов, мы видим конкретные исторические особенности этой общей исторической картины мира. История на этом уровне раскрывается как многообразие возможностей и вариантов развития. Эта многовариантность конкретных исторических процессов не является беспредельной, а включена в определенные рамки общей логики истории¹.

Изучение взаимосвязи линейной логики всемирной истории и вариантности конкретно-исторического процесса чрезвычайно актуализируется в современных условиях, что связано с тем, что в течение ряда десятилетий в научной литературе и массовом сознании советского господствовала идея о однолинейности исторического процесса, в результате чего конкретно-исторические процессы рассматривались через призму линейности и однозначности. Более того, сама вариативность исторического процесса, возможность выбора своего пути развития понималась как нечто чуждое марксистско-ленинскому учению о закономерностях истории.

Критика учения К. Маркса об общественно-экономических формациях сводилась к следующим моментам. Прежде всего, вследствие претензии марксизма на абсолютную правильность и универсальность формационной парадигмы, которой должны следовать народы всех регионов мира и на любом этапе своего развития. Во-вторых, возражения оппонентов вызывал схематизм, линейное понимание всемирно-исторического процесса, при котором общественно-экономические формации следуют одна за другой согласно пресловутой пятичленной формуле, что, в свою очередь, приводило к

¹ См.: Барулин В.С. Социальная философия. - Ч. 1. - М.: МГУ, 1993. - СС. 242-246.

игнорированию и недооценке разнообразия и специфичности связей в конкретных исторических обществах.

Между тем, марксистско-ленинской концепции выбора путей общественного развития западные историки противопоставляли идею многовариантности исторического процесса, исходя из того, что каждая страна представляет собой в прошлом и настоящем конкретный и неповторимый вариант развития. Развиваемая на основе множественности возможностей и вариантов развития, концепция «равновеликих возможностей» пришла к выводу, что социализм не является исторической необходимостью, а представляет собой только один из вариантов исторического развития и должен быть поставлен в один ряд с другими возможностями, имеющимися у человечества. То есть, социализм признавался так называемыми «буржуазными идеологами» только одним из возможных параллельных с капитализмом путей развития общества, но никак не единственной реальной альтернативой капитализма.

Цивилизационный подход и материалистическая школа

Так возникло мнение о необходимости замены формационного подхода цивилизационным. Сторонники этой точки зрения выдвигают принцип понимания истории общества как смену и одновременное существование различных цивилизаций. В пользу этого принципа понимания всемирной истории выдвигают то обстоятельство, что цивилизация не связана с жестким выделением способа производства, как определяющего фактора развития общества. Она основана на более широком спектре факторов организации общественной структуры. При выделении цивилизации имеет место акцентирование духовных факторов в качестве основы развития общества. И наконец, цивилизационный подход способствует учету особенностей и разнообразия общественной жизни в большей степени, нежели формация.

В то же время, формирование и развитие цивилизационной теории происходило в рамках двух основных направлений: материалистического подхода и культурно-исторической школы.

Первое материалистическое направление, в рамках которого сформировались социальные науки, было призвано не только объяснить разнообразие того материально-предметного мира, который предстал перед человеком нового Запада, но и выявить закономерности феноменального развития индустриального общества, которое за короткий период с XVII века по XIX век коренным образом преобразило облик Западной Европы и поставило ее в авангарде всей мировой истории. Поэтому, естественно, что определяющим началом для этого направления стали материальное производство, экономика, способ хозяйствования и порожденные им производственные отношения.

При материалистическом подходе цивилизация рассматривается как более высокий уровень развития, выходящий за пределы «естественного» состояния общества, на котором оно преодолевает свою зависимость от природы и окружающей среды, как более сложное и многообразное общество, которому присущи производительный тип хозяйства, функциональная разделенность различных сфер жизни и некоторая системная организованность.

Это понимание цивилизации во многом восходит к работам известного американского этнографа Морган Л. Г., фундаментальный труд которого «Древнее общество» был издан в 1877 году. Морган различал два типа общества: примитивное общество, основанное на принципах общего происхождения и родства, и цивилизационное общество, для которого характерно развитие материальных производительных сил, разделение труда, появление частной собственности, раскол общества на классы и появление государства.

Данное понимание цивилизации Морганом было заимствовано К. Марксом и продолжено Ф. Энгельсом. Последовательный материализм привел не столько самого Маркса, сколько его продолжателей к формулированию

формационной теории, в которой история сводилась к восходящему «всемирному историческому процессу», возникающему на основе «диалектического взаимодействия» материальных производительных сил и производственных отношений. Цивилизация при этом стала побочной характеристикой «классового общества», достаточно важной в идеологическом плане, но не имеющей значения при анализе хозяйственных укладов, социальных отношений и политической борьбы.

Дальнейшее развитие материалистического подхода к изучению цивилизации получило у представителей французской школы историков, группирующихся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», основанного М. Блоком и Л. Февром в 1929 году. Эта школа способствовала преодолению «событийной» истории, повествующей о чередовании исторических событий, и созданию «синтетической», иначе говоря многомерной и разносторонней истории, в которую параллельно вовлечены многие страны и народы. «Синтетическая история» раскрывала различные стороны жизни народов: экономическую, социальную, политическую и культурно-психологическую, составившие четыре подсистемы. Совокупное взаимодействие этих подсистем и порождает целостную систему общественной регуляции, которую и можно определить как цивилизацию.

Высшим достижением школы «Анналов» считаются работы видного французского историка Ф. Броделя, в частности его 3-томное сочинение «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.». В данном сочинении определяющая роль в развитии цивилизации отводится материальной и экономической жизни общества. При этом материальная деятельность людей выявляется через ее вещевую и технологическую сторону, а отношения людей в процессе производства вообще выпадают из экономической и социальной истории. Цивилизация у Броделя предстает как некое пространство, как «культурно-географическая зона», некоторый

«ансамбль», в котором можно найти множество определенным образом упорядоченных элементов культуры².

Таким образом, материалистический подход основное внимание уделял материалистической стороне жизни общества и сводил духовные факторы к технологическому способу и типу производства. При материалистическом подходе цивилизация становится тождественна обществу, а иногда и формации.

Цивилизационный подход и культурно-историческая школа

Как реакция на недостатки материалистического подхода возникла культурно-историческая школа, в которой приоритетное значение отводится духовному фактору, поэтому ее именуют иногда школой «исторического идеализма».

В рамках культурно-исторической школы работали десятки и сотни ученых во многих странах мира. Общим для всех концепций этой школы является выделение «реально существующих, причинно взаимосвязанных и внутренне значимых организмов, отличных от всех смешанных культурных образований и малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и всех иных социальных групп»³.

Основателями данной школы стали трое известных ученых: Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби.

Идея культурно-исторических типов была впервые сформулирована русским ученым и естествоиспытателем Н. Данилевским. В своей концептуальной работе «Россия и Европа», впервые вышедшей в 1868 году в журнале «Заря», Данилевский отрицал монолинейную концепцию всемирно-исторического процесса и противопоставил ей свою теорию культурно-

² Сравнительное изучение цивилизаций. Под ред. Ерасова. - М., 1998. - СС. 26-32.

³ Sorokin P. Sociological Theories of Today. - L.; N. Y., 1996. - P. 177.

исторических типов. Он считал, что «только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами: древняя, средняя и новая история»⁴.

Согласно Данилевскому, цивилизация - понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает. Всего ученый насчитывал 12 культурно-исторических типов, или самобытных цивилизаций: египетскую, китайскую, ассирийско-вавилонно-финикийскую, индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, арабийскую, германо-романскую, мексиканскую и перуанскую, которые соответствуют великим лингвистико-этнографическим семьям. Каждая цивилизация в своем развитии проходит стадии становления, расцвета и гибели.

Вместе с тем, перечисленные культурно-исторические типы, которых Данилевский назвал «положительными деятелями в истории человечества», не исчерпывают всего круга явлений. В истории, помимо положительно-деятельных культурных типов, есть также «отрицательные деятели». Это, прежде всего, гунны, монголы, турки, которым досталась отрицательная историческая роль разрушителей угасающих цивилизаций. И наконец, третью группу составляют племена и народы, которые не достигли своей исторической индивидуальности и стали этнографическим материалом для самобытных цивилизаций, тем самым усилив их разнообразие.

Опираясь на свою концепцию культурно-исторических типов, Данилевский вывел пять законов исторического развития. Первый закон гласит, что каждый культурно-исторический тип имеет отдельный язык или группу языков, близких между собой. Второй закон объявляет политическую независимость необходимым условием всякой цивилизации. Согласно третьему закону, ни один культурно-исторический тип нельзя передать другому, тем не менее каждый тип вырабатывается при большем или меньшем влиянии

⁴ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М., 1991. - С. 33.

предшествовавших или современных ему цивилизаций. Четвертый закон утверждает: цивилизация только тогда достигает полноты и разнообразия, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие. И в пятом законе Данилевский сравнил ход развития культурно-исторических типов с жизнью многолетних однолетних растений, у которых период роста неопределенно продолжителен, а период цветения и плодоношения относительно короток. Период, в течение которого народы, составляющие культурно-исторический тип, цветут и плодоносят, то есть реализуют свою духовную деятельность во всех направлениях, ученый назвал периодом цивилизации.

Значительный вклад в разработку цивилизационной теории внес немецкий философ и историк О. Шпенглер. Именно ему принадлежит заслуга популяризации данной теории среди научных и общественных кругов Западной Европы. В своей работе «Закат Европы», изданной в 1923 году, почти 50 лет спустя после первой публикации книги Н. Данилевского «Россия и Европа», он также как и Данилевский подверг острой критике концепцию монолинейного развития исторического процесса: «вместо монотонной картины линейно-образной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на все протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания, чувствования и, наконец, собственная смерть»⁵.

Шпенглер выделил 8 культур: китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую, западную и культуру Майя. В качестве находящейся на стадии становления он упомянул русскую культуру. Все культуры, по мнению ученого, есть организмы. Поэтому каждая культура переживает возрасты отдельного человека, то есть имеет свое детство, зрелость и старость. Самый длительный этап – это детство, этап накопления сил. Второй

⁵ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. - Т. 1. - Минск, 1997. - С. 29.

этап – период зрелости. В этот период происходит выявление и осуществление всех возможностей, заложенных в душе культуры, а также создание духовных ценностей. На третьем этапе жизни культуры духовная жизнь постепенно начинает замирать, религия сменяется безбожием, искусство вырождается. Наступает эра сухого рационализма и материализма, культура становится цивилизацией. Переход от культуры к цивилизации означает скорое прекращение существования культурного организма. По мнению Шпенглера, Европа переживает последнюю стадию цивилизации и неизбежен ее скорый закат.

Шпенглер считал, что каждой культуре свойственен свой индивидуальный способ искусства, государственных образований, мыслей, чувствований, способ выражения религиозного сознания и иных явлений действительности. Поэтому каждой культуре присущ свой собственный стиль, а именно стиль этой культуры. Стиль – это судьба, он дается и его нельзя приобрести.

Идеи Данилевского и Шпенглера развил и возвел на качественно новую ступень английский историк А. Дж. Тойнби. На основе систематизации огромного фактического материала он написал 12-томный фундаментальный труд «Исследование истории», в котором рассматривал общественно-историческое развитие как круговорот сменяющих друг друга локальных цивилизаций.

Тойнби различал 21 цивилизацию в истории человечества: египетскую, андскую, китайскую, минойскую, шумерскую, майяскую, сирийскую, индскую, хеттскую, эллинскую, западную, православную, дальневосточную, православную русскую, дальневосточную корейско-японскую, иранскую, арабскую, индуистскую, мексиканскую, юкатанскую, вавилонскую.

Все цивилизации, по мнению Тойнби, представляют собой динамические образования эволюционного типа и в своем развитии проходят последовательные стадии генезиса, роста, надлома и распада. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но и не могут произвольно менять свое

направление. История цивилизаций представляет собой движение по улице с односторонним направлением. Ни одна из идентифицированных Тойнби двадцать одной цивилизаций не преодолела всю улицу до конца. Четырнадцать из них постигла беда, когда они нарушив правила, повернули вспять. Что касается тех семи цивилизаций, которые существуют и сегодня, то трудно сказать, которые из них в состоянии достичь конца улицы⁶.

Независимые цивилизации появились благодаря мутации примитивных обществ, а родственно связанные цивилизации – через отделение от предшествующих цивилизаций. Динамика цивилизаций связана с «законом вызова и ответа». Вызов исторической и природной ситуации побуждает цивилизацию к росту. Рост же происходит за счет творческого меньшинства, которое побуждает инертное большинство дать ответ вызову. Сначала активное меньшинство властвует силой своего авторитета, затем по мере утраты творческих способностей начинает опираться на материальные институты власти и прежде всего на силу оружия. В конце концов, неспособность господствующего меньшинства справиться с ситуацией и дать достойный ответ приводит цивилизацию к надлому.

До Нового времени все цивилизации являлись абсолютно замкнутыми универсами, однако затем происходит распространение экономической и политической систем западной цивилизации по всему миру, в результате которых многие государства современного мира, включая также существующие незападные государства, оказались членами единой мировой системы. Тем не менее, экономическая и политическая унификация никак не распространяется на культуру, которая глубже и фундаментальнее двух других аспектов. Если экономическая и политическая карты мира действительно почти полностью вестернизированы, то культурная карта и поныне остается такой, какой она была до начала западной экономической и политической экспансии. Таким образом, «тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития

⁶ Тойнби А. Постигание истории. - М., 1991. - СС. 11-13.

человеческой истории», считает Тойнби, неверен и «приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора». Поэтому и формула «древняя – средневековая – новая» история также неправильна, поскольку деление истории на «древнюю» и «современную» фиксирует переход от эллинской истории к западной, в то время как деление на «средневековую» и «современную» означает переход от одной главы западной истории к другой⁷.

Концепция С. Хантингтона

В 1993 году американский политолог С. Хантингтон опубликовал свою известную работу «Столкновение цивилизаций?», в которой также признал цивилизационную идентичность наиболее важной идентичностью в современном мире: «На Западе принято считать что нации-государства главные действующие лица на международной арене. Но они выступают в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории – это история цивилизаций»⁸.

Хантингтон характеризует цивилизацию как «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей»⁹. Цивилизации, согласно Хантингтону, определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, а также субъективной самоидентификации людей. Облик будущего мира будет формироваться в ходе взаимодействия 8 цивилизаций таких как европейская, североамериканская, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская. Различия между цивилизациями более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами.

⁷ Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М., 1991. - С. 27.

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?//ПОЛИС. - 1994. - №1. - С. 34.

⁹ Там же.

Хантингтон прогнозирует, что конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов и станет доминирующим фактором мировой политики. Конфликт между цивилизациями будет разворачиваться на двух основных уровнях. На макроуровне будут конфронтировать страны, относящиеся к разным цивилизациям. Соперничая из-за влияния в военной и экономической сфере, они стремятся утвердить собственные политические и религиозные ценности. На микроуровне в конфликт вступят группы, обитающие вдоль линии разлома между цивилизациями, которые будут вести борьбу за земли и власть друг над другом¹⁰.

Центральной осью мировой политики в будущем может стать конфликт между Западом и остальным миром. Реакция же незападных цивилизаций может принять одну из трех форм или же их сочетание.

Одним из крайних вариантов, известных в мировой политике, является курс на изоляцию с целью оградить свои страны от влияния других государств и устранение от участия в жизни мирового сообщества, где господствует Запад. Таковы примеры Северной Кореи, Бирмы.

Второй вариант развития - примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений этот вариант называется «вскочить на подножку уходящего поезда». По такому пути пошли Прибалтийские государства. Этот вариант активно поддерживался многими действующими политиками страны вплоть до второй половины 90-х годов XX столетия.

Третий вариант - создание некоторого противовеса Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять свои национальные ценности и институты - иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться¹¹.

¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? - С. 38.

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? - СС. 43-44.

Структура цивилизации

Российский исследователь Ю. Яковец представляет структуру цивилизации в виде пирамиды, которая по вертикали делится на пять основных этажей.

Основой, фундаментом пирамиды цивилизации служит человек, а точнее его семья, первичная ячейка общества. Именно в семье сохраняется и воспроизводится биосоциальный генотип человека, происходит смена поколений людей, формируются и удовлетворяются основные жизненные потребности, приобретаются знания и навыки. Но семья не исчерпывает содержания фундамента цивилизации. Речь идет прежде всего о человеке как индивидууме, личности, располагающей самобытным духовным миром, проходящей стадии своего жизненного цикла, впитывающей потоки информации и энергии от семьи, общества и отдающей эти потоки обратно в преобразованном виде.

Следующий этаж пирамиды цивилизации - технологический способ производства, выражающий совокупность используемых в обществе технологий, принципов и форм организации производства, средств производства, а также естественных производительных сил. При переходе из одной цивилизации к другой происходит смена технологического способа производства, используемого набора средств производства и форм его организации, разворачивается технологическая революция.

Далее следует экономический способ производства, строй экономических (производственных) отношений. Его основные элементы: структура воспроизводства; формы собственности (присвоения) средств производства и его результатов; способы распределения произведенного продукта между участниками воспроизводства, членами общества; способы обмена, циркуляции в обществе произведенных материальных благ; формы экономического управления, регулирующей и мотивационный механизм, побуждающий

отдельных работников, воспроизведенные единицы к наиболее эффективным результатам. Каждой цивилизации свойственны определенные соотношения элементов производства и отраслей, строй экономических отношений.

Очередной этаж пирамиды цивилизации - социально-политический слой. Он выражает сложную систему общественных отношений. К ним можно отнести следующие их основные виды: социальные, этнические, политические, государственно-правовые. Общеисторической закономерностью является постепенное усиление этой сферы, появление все новых видов и типов отношений.

Верхний этаж пирамиды цивилизации - духовный мир человека, общественное сознание. Это, прежде всего, область человеческого знания, которая приобрела со временем форму упорядоченного знания - науки. В духовную сферу входит также совокупность норм нравственности. Наконец, к общественному сознанию (духовному миру) следует отнести идеологию, выражающую мировоззрение человека, группы людей, политической партии, государства. Все сферы духовной жизни той или иной цивилизации тесно связаны между собой, взаимно переплетены, выражают определенную ступень в поступательном движении общественного сознания. В переходные периоды происходит радикальная «расчистка» духовной сферы: терпят крушение устаревшие научные парадигмы и утверждаются новые, меняются художественные стили, содержание, методы и организационные формы образования, обновляются этические нормы, вытесняются старые и формируются новые идеологические течения, религии и т. п.¹²

В горизонтальном разрезе цивилизация состоит из двух структурных элементов: нематериального и материального, каждый из которых неразрывно связан с другим и может быть понят только в контексте другого. Нематериальный фактор представляет собой своего рода аккумулятор и носитель стиля, образа жизни, поведенческих установок. Его базой является культура, психология и политика, а также господствующая религия данного

¹² Яковец Ю. В. История цивилизаций. - М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1997. - СС. 45-51.

общества. Этот фактор более статичен и является хранителем цивилизационных норм и принципов, привычек и представлений, как коллективных, так и индивидуальных, своего рода цивилизационную константу, существование которой и позволяет нам вообще говорить о цивилизации.

Второй структурный элемент составляет материальную, экономическую сторону, включая в себя производительные силы и в широком смысле производственные отношения. Материальный фактор более динамичен в отличие от первого. Его способность к трансформации выражается через этапы экономической эволюции, представляет собой историческое развитие в вертикальном разрезе. Он непосредственно связан с научно-техническим и технологическим развитием человеческого общества, его стремлением найти экономические и политические формы отношений, адекватные материальному прогрессу. Этот фактор универсален, также как универсальны технические достижения и технологические приемы, создаваемые и функционирующие с учетом физиологии человека, его усредненного природного окружения. Однако сама организация экономической жизни, то есть условия для реализации технических достижений в значительной степени зависят от нематериального фактора.

Взаимодействие между этими двумя структурными факторами или уровнями цивилизации имеет противоречивый характер. Нематериальная цивилизационная основа корректирует материально-экономическое развитие, притормаживая его и адаптируя под социокультурные императивы общества. Она является своего рода амортизатором резкости реформ в условиях перехода от одной социально-экономической системы к другой¹³.

Цивилизация как культурно-историческая система

¹³ См.: Малашенко А. В. Мусульманская цивилизация//Восток. – 1994. - №4. -СС. 33-34.

Изложенные теоретические положения о цивилизациях как культурно-исторических системах, параллельно существующих в культурно-историческом пространстве, взаимодействующих, иногда взаимозависимых, но развивающихся в соответствии с собственной логикой и собственным характером системных связей (пространственных, временных и социально-психологических), - позволяет сформулировать общие закономерности развития цивилизации, такие как:

- отсутствие в динамике культурно-исторических систем или цивилизаций линейности, однонаправленности;
- отсутствие иерархичности в развитии цивилизаций; неправомерность градаций «выше-ниже», «лучше-хуже»;
- присутствие в каждой цивилизации стадий роста, цикличности, логики развития;
- отсутствие единой универсальной цивилизации; социальные нормы, ценности, принципы организации, социальные институты и т. д. одной цивилизации не могут считаться эталонными для других;
- формирование и развитие цивилизаций подчиняется естественно-историческим законам; цивилизацию нельзя перенести или искусственно экспортировать; «привить» или привнести можно только поверхностные, отдельные ее элементы.

До недавних пор в общественном сознании и научной мысли Запада было распространено мнение, что универсальная цивилизация – это цивилизация, созданная европейцами и американцами, и путь, пройденный еврохристианской цивилизацией есть некий эталон, которому должны следовать все неевропейские цивилизации. Таким образом, собственный исторический опыт выдавался за общемировой, причем все иные цивилизации были обречены на погоню вслед за ушедшей вперед западной цивилизацией.

В то же время, тезис об универсальной цивилизации – это западная идея, которая находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур с их акцентом на особенности различия, отделяющих одних

людей от других. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры¹⁴.

Незападные цивилизации попытаются стать современными, не становясь западными. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение - все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам¹⁵.

Следует отметить, что передача цивилизации какому-либо народу означает его полный отказ от своей самобытности и усвоение ценностей и норм культуры, религиозных, социальных, политических, научных и бытовых традиций новой насаждаемой цивилизации с тем, чтобы этот народ сам мог бы уже их воспроизводить и развивать. Данная задача выполнима только при потере народом политической независимости. Кроме того, перенести цивилизацию можно также путем физического уничтожения самого народа, как это было со многими племенами индейцев или аборигенами Австралии. Когда уничтожается само народное начало, самобытность, исконные ценности, то национальная культура и ее главные носители, институты, религия и другие превращаются просто в этнический материал. Поэтому наличие политической

¹⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? - С. 43.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? - С. 48.

независимости и самостоятельности есть обязательное условие зарождения и развития самостоятельной цивилизации.

Нет ни одной цивилизации, которая бы зародилась и формировалась без политической самостоятельности. Последняя способствует развитию самобытности, индивидуальности, формирует свои самостоятельные цели. А утрата экономической независимости способна оказаться стадией, предшествующей потере независимости политической, или, по крайней мере, стать сильнейшим тормозом развития собственной цивилизации.

Насаждение цивилизации следует отличать от взаимодействия между ними, заимствование друг у друга достижений науки, технологических открытий, усовершенствований в промышленности. Так, древние цивилизации - египетская, сирийская, вавилонская, греческая, римская, сменяя друг друга, канули в небытие. Однако результаты, достигнутые ими, обогатили их преемников и входят в сокровищницу всего человечества. Поколение за поколением людей сохраняет прежний культурный потенциал и дополняет его собственными культурными ценностями, передавая все это следующим поколениям и цивилизациям¹⁶.

Обращение к цивилизационному подходу было своего рода попыткой обществоведов уйти от абсолютизации марксистского или квазимарксистского подходов к мировому историческому развитию. В современных условиях целый ряд ученых стали использовать цивилизационный критерий в качестве инструмента анализа состояния и взаимодействия обществ. Несмотря на то, что формулировки и определения у разных авторов этого критерия расплывчаты и чаще всего на индуктивном уровне, следует признать, что этот подход работает и объясняет многое сегодня из того, что нельзя было объяснить только формационной теорией однонаправленного линейного развития истории.

¹⁶ См.: Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. - М., 1998. - СС. 36-37.

1.2. Культурно-цивилизационные традиции в формировании государственности восточных обществ

Процесс национально-освободительного движения в XX столетии означал не только политическое освобождение многих стран Азии и Африки, но и массовое самоутверждение незападных цивилизаций и культур, проявивших не только присущую им жизненность, но и своеобразие, способность к сохранению своей специфики несмотря на экспансию современных индустриальных технологий и формирование новых социальных структур¹⁷.

Активно функционирующими сегодня и определяющими во многом мировые культурные традиции можно назвать арабо-исламскую, индo-буддийскую, китайско-конфуцианскую цивилизации. Можно упомянуть также латиноамериканскую и, с некоторыми оговорками относительно отсутствия внутренней цельности и единого для всех религиозного начала, африканскую. Конечно, в рамках каждой из этих цивилизаций есть немало внутренних противоречий и различий, особенно в уровне развития и образе жизни. Но при всем этом, каждая из указанных цивилизаций за долгие века и тысячелетия своего существования создала общекультурные ценности для целого ряда народов, которые сформировались под воздействием этих цивилизаций, и определила целый ряд общих проблем, характерных для всех современных развивающихся стран¹⁸.

Культурно-цивилизационный фундамент

Мир ислама как культурно-цивилизационный фундамент в наибольшей степени соответствует традиционным структурам, он наиболее консервативен и инертен и менее всего поддается внутренней трансформации. Это связано с тем, что ислам - тотальная религия, охватывающая все стороны жизни.

¹⁷ Сравнительное изучение цивилизаций. - С. 34.

¹⁸ См. подробнее: Васильев Л. С. История Востока. - М., 1994. - С. 26.

Исламская цивилизация является самой молодой и самой парадоксальной среди великих региональных цивилизаций. С одной стороны, содержание ее религиозного учения близко к христианству и иудаизму. С другой стороны, ислам находится в противостоянии с ними. Другой важной особенностью исламской цивилизации является то, что ислам воспринимается своими приверженцами не просто как религия, но и как образ жизни. Для ислама характерно отсутствие четкой грани между светским и сакральным, что ведет к слиянию светской и духовной власти, а также ангажированности ислама в политике. Кроме того, исламской цивилизации присущ приоритет коллективистского начала, что в конечном итоге приводит к тому, что чрезвычайно большое внимание уделяется проблеме «социальной справедливости».

Капитализм трансформировал исламские политические институты, стремясь приобщить их к демократическим ценностям. Он мучительно, с ущербом для традиционных укладов, но тем не менее преобразовывал экономику, приобщая ее к развитому европейскому, а впоследствии и американскому рынку. Установление рыночных отношений в подвижном пласте мусульманской цивилизации не обязательно должно подрывать цивилизационную константу, что заметно на примере стран Персидского залива, составляющих ядро мусульманской цивилизации. Внедрение рыночных отношений оставляет за исламом право и возможность на поиск своей альтернативной модели развития.

«Исламский бум» конца 70-х годов прошлого века в общественно-политической жизни государств Востока явился полной неожиданностью для Запада, доказав несостоятельность целого ряда теоретических положений относительно роли и места религиозной традиции на Востоке. Перед западными исследователями встала необходимость внесения соответствующих корректив в собственные исламоведческие концепции, в первую очередь, в связи с разработкой практических рекомендаций для официальных органов в

регионе, имеющем для западноевропейских стран и США важнейшее стратегическое и экономическое значение.

Еще в 60-е годы прошлого столетия западные социологи-исламоведы Д. Лернер, Л. Биндер, Р. Растоу, Г. Элмонд, Дж. Коулмен, Л. Пай полагали, что современное развитие исламского общества будет происходить через его приспособление к той общемировой модели, которую предлагает вестернизация. Это означало, во-первых, отказ от собственных традиций, старой системы ценностей и идеалов, во-вторых, принятие западных институтов, законов и норм, и в-третьих, постепенное вытеснение ислама или существенное ограничение его влияния.

Исходя из положения о всеобъемлющей секуляризации политических структур при переходе от традиционности к современности, основное внимание исследователей сосредотачивалось на изучении политической активности и идеологии правящих элит. Именно этим элитарным группам отводилась роль главного «агента» модернизации. Традиционалистски настроенные слои лишь противопоставлялись политической элите и не вызывали серьезного интереса со стороны исследователей. Главная функция ислама в этих условиях была низведена до минимального уровня и сводилась к обеспечению связи между элитой и основной массой населения. Подобное использование религии представляло собой, по их мнению, важное, но кратковременное явление, которое должно исчезнуть под влиянием модернизации. Последняя могла быть ускорена экономической помощью Запада с его современными социальными формами и институтами¹⁹.

Теория «политической модернизации» подверглась резкой критике со стороны профессиональных востоковедов США, которые будучи последователями классической востоковедной школы, основанной Г. Гиббом, Г. Грюнебаумом, Ф. Хитти, М. Ходжсоном, исходили из тезиса о ведущей роли

¹⁹ Bernard Ch., Khalidzad Z. Secularization, Industrialization, and Khomeini's Islamic Republic//Political Science Quarterly. - 1979. - №2. - P. 229.

духовных ценностей в общественном развитии народов Востока. Религия рассматривалась ими как организующий фактор всей истории Востока²⁰.

Еще в 50-е годы XX века Г. Грюнебаум предсказывал, что ислам не растворится в западной цивилизации, «уничтожив свою собственную самобытность, а, напротив, использует западное воздействие в качестве стимула для своего собственного возрождения»²¹.

В 70-х годах Г. Гибб предупреждал о разрушительных социально-политических последствиях ситуации, когда «широкие слои населения, внешне подчиняясь новым системам, все-таки имплицитно остаются привержены традиционным структурам и ценностям», эта «ситуация чревата опасностью глубоких нарушений политической жизни и стабильности в мусульманских странах и, следовательно, срывами в органичной эволюции общества»²².

В своей полемике с социологами востоковеды справедливо указывали на западоцентризм, характерный для их теорий, стремление к глобальным обобщениям, при которых вся специфика Востока сводится к религиозно-культурным особенностям. Именно доминирование подобного подхода в обществоведении и привело к тому, что большинство западных исследователей не смогли предвидеть процессов «исламского возрождения» последних десятилетий, поскольку прогнозировали развитие этих стран в направлении секуляризма и модернизации.

«Исламский бум» 70-х годов заставил исследователей пересмотреть ряд теоретических положений относительно закономерностей развития восточных стран, и прежде всего, современную роль религии. Результатом данной переориентировки стали выводы о том, что не все страны пойдут по западному пути развития, что модернизация не всегда означает секуляризацию, а в ряде случаев напротив, может усиливать традиционные мировоззрения²³.

²⁰ См.: Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. - М., 1982. - С. 72.

²¹ Грюнебаум Г. Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет: Пер. с англ. - М.: Наука, 1981. - С. 36.

²² Gibb H. A. R. The Heritage of Islam in the Modern World//International Journal of the Middle East Studies. - Vol. 1. - 1970. - № 1. - PP. 139, 145.

²³ Bernard Ch., Khalidzad Z. Secularization, Industrialization, and Khomeini's Islamic Republic. - 1979. - №2. - PP. 229-234.

Активизация ислама имеет ряд социальных и политических причин внешнего и внутреннего порядка. В качестве первого фактора можно назвать, главным образом, экономическое, политическое и идеологическое воздействие арабских нефтяных монархий, являющихся обладателями нефтедолларов. Второй - общие для большинства стран Востока особенности их общественной эволюции, которые предполагают включение в социально-экономическую и политическую деятельность широких традиционалистски мыслящих слоев населения. В условиях модернизации ислам становится могучим фактором преодоления массового отчуждения и социальной дифференциации, своего рода психологическим якорем в беспокойный период общественных перемен. И наконец, третий - стремление противопоставить чуждой культуре Запада свои национально-религиозные традиции, сохранить свою национальную самобытность в процессах модернизации, восстановить поправное чувство собственного достоинства²⁴.

В 80-х годах прошлого столетия наступил новый этап в изучении политической роли ислама. «Исламское возрождение», под которым большинство ученых подразумевают рост политической активности мусульманских правительств и международных мусульманских организаций под знаменем ислама с одной стороны, и оппозиционных групп внутри мусульманских стран - с другой, способствовал дифференцированному подходу Запада к различным мусульманским движениям и силам. В этих условиях, усилия исследователей направляются на изучение характера и особенностей конкретных движений.

В общественной мысли мусульманских стран можно выделить два основных направления: фундаментализм и мусульманский модернизм. В рамках каждого направления решаются два основных вопроса: интеграция арабо-мусульманского общества и пути его дальнейшего развития.

²⁴ См.: Филиппова М. И. «Исламский бум» глазами ориенталистов и социологов США//Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. - М.: Наука, 1985. - СС. 255-256.

Фундаментализм как движение за возврат к тексту Корана, искаженному традицией, может принимать различные формы. так как возвращение к прошлому идет различными путями в зависимости от специфики культуры. Фундаменталисты стремятся к возрождению изначальных ценностей ислама и созданию исламского государства.

Основной движущей силой фундаментализма являются наиболее образованные слои населения - студенты, мелкие служащие, врачи, учителя, квалифицированные рабочие и другие, а также традиционные социальные группы, чей статус был подорван в результате модернизации: мелкие торговцы, предприниматели, улемы, ремесленники. То есть фундаментализм является идеологией преимущественно образованных слоев населения, которые знают и гордятся своим исламским наследием.

Модернисты считают необходимым переосмысление ислама. Так, предлагая изменить ислам и сочетать его с общими тенденциями развития, реформаторы и модернисты актуализируют вопрос об отношении к традициям и нововведениям в сфере религии. Будучи сторонниками политического реализма, модернисты не особенно считаются с моралью и теологией, когда речь заходит о проблеме развития. Однако несмотря на выдвинутые мусульманскими модернистами идеи сохранения верности исламу и необходимости ускорения социально-экономического развития, они не смогли разработать доктрину, способную стать основой для переустройства общества²⁵.

Преодолевая дихотомию «традиция - современность», социологи и востоковеды продолжают поиск вариантов развития государств Востока. При этом, они пытаются разрешить вопрос не путем устранения традиционных структур, а напротив, их адаптацией как фактора, способствующего трансформации и модернизации общества. Причем, этот процесс никак не связывается с принятием западной общественной системы, однако и не

²⁵ Кривец Е. А. Проблема самобытности ислама//Восток. – 1995. - №6. - СС. 165-166.

отрицает необходимости научно-технических революций на Востоке и заимствование западных достижений в сфере науки и техники.

Отвергая как западную секуляристскую, так и ортодоксальную исламскую идеологию в качестве ориентира для дальнейшего развития Востока, эти исследователи предлагают следующее решение проблемы. Они полагают, что в мусульманских странах должна утвердиться такая идеологическая система, которая бы обновлялась в определенных отношениях, сохраняя основы уже существующих господствующих исламских идей. То есть речь идет о своеобразном синтезе западной культуры и традиционных ценностей ислама. Эта модель «органического» развития мусульманских стран, будет способствовать осуществлению постепенных социальных реформ, освященных исламской религией и приспособлению ее к нуждам индустриального развития. Поэтому развитие мусульманского мира возможно скорее не на пути вестернизации, а через модернизацию экономики, социальной сферы при сохранении специфики традиционной культуры.

Вышеуказанная тенденция синтеза наиболее очевидно проявляется в развитии нефтедобывающих стран Аравийского полуострова - Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов, характеризующихся высокими темпами экономического развития. Ускоренная модернизация этих стран и рост их вовлеченности в систему мирового экономического хозяйства не привели к ослаблению и размыванию традиционных институтов общества, а наоборот, способствовали укреплению и даже возрождению некоторых из них. Именно традиционные родоплеменные институты стали фундаментом нового модернизированного общества этих стран.

Современность, властно вторгшаяся в мусульманское традиционное общество, заставляет традиционное сознание адаптироваться к восприятию новых реалий. Однако в силу исключительной устойчивости традиционных институтов и представлений, люди пользуются привычными формулами, стереотипами и оценивают новое, исходя из старых понятий. В традициях и

исламе они пытаются найти приемлемые формулы для объяснения современного мира, они нередко обращаются к прошлому для того, чтобы найти в нем решения проблем сегодняшних, которые не потребуют болезненных перемен. Поэтому новое сосуществует в их жизни с традиционным, меняя форму и содержание.

Итак, культурно-цивилизационный фундамент является важнейшим фактором, определяющим будущее развитие стран Востока. Этот фактор начинает действовать с особой силой с момента деколонизации и получения политической независимости, и именно с этого момента ощущаются его внутренняя мощь и потенциал.

Выбор модели развития Кыргызстаном

Понимание того, к чему переходит кыргызское общество, требует поиска такой объяснительной концепции, которая была бы способна обнаружить логику в противоречивом взаимодействии разнонаправленных процессов. Перед исследователем предстает быстро изменяющаяся взаимосвязь социальных структур и процессов, направленность которых не predetermined заранее и выступает как набор альтернатив.

Господствовавшая ранее в советском общественном сознании марксистско-ленинская методология, имевшая дело только с устоявшимися процессами и сложившимися структурами, не в силах раскрыть содержание переходных процессов. Кроме того, объяснение социальных изменений влиянием преимущественно экономического характера, как было принято в марксизме, оказывается явно недостаточным для описания формирующегося многообразия социальных отношений.

Понимание содержания и характера будущего государственного устройства, его способностей и возможностей реформирования требует более широкого контекста исследования. Поэтому наиболее адекватным в таком контексте можно признать цивилизационный подход, акцентирующий

внимание на системе ценностей, культуре, ментальности субъектов, которые и определяют конкретные формы и способы эволюции человеческого общества.

После распада СССР и образования новых независимых государств Центральной Азии перед руководителями новых независимых государств встал вопрос о поиске наиболее подходящей модели политического и экономического развития центральноазиатского общества.

В начале 90-х годов президенты новых независимых государств Центральной Азии с готовностью декларировали свою приверженность моделям развития других восточных и юго-восточных государств. Однако их готовность принять то одну, то другую модель развития не стимулировала их реализацию в регионе, а стало популярным клише. Последнее обстоятельство объясняется тем, что независимость была в некоторой степени неожиданной как для руководящей элиты центрально-азиатских государств, так и для общества в целом. В отличие от Прибалтийских государств и Закавказья, руководители этих государств ориентировались на интеграцию с Россией и поэтому не были психологически готовы к принятию независимости.

С другой стороны, по разным причинам центральноазиатские государства еще не ощущали себя частью Азии или Третьего мира. Рассуждения о моделях развития стали переходной платформой, которые обрели важное функциональное значение. Дискуссии о моделях развития обусловили постепенный переход самоидентификации центральноазиатских обществ от европейских и евроазиатских государств к азиатским²⁶.

Самоидентификация центральноазиатских государств на международной арене стало важным аспектом в проблеме выбора модели общественного развития. В советскую эру элиты были убеждены в своей принадлежности к Восточной Европе или, по крайней мере, Евразии, которая принадлежит к Азии лишь географически, но в культурном, экономическом, политическом плане является частью Восточной Европы.

²⁶ Abazov R. Central Asian Republics' Search for a «Model of Development»//Central Asia in transition. Papers presented at the Pre-Symposium to the 1998 Slavic Research Center Summer Symposium (July 22, 1998). - Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University, 1998. - PP. 55-56.

Воспитанные в русле европейской и русской культур, целые поколения национальных элит советской империи в большинстве своем становились представителями и проводниками двух цивилизаций - собственной культурно-цивилизационной основы и заимствованной, оказавшей на них огромное влияние. Закономерно, что в дальнейшем они представляли себе будущие перспективы своих стран как нечто промежуточное между традиционным прошлым и заимствованным образцом, нечто вроде «срединного» пути развития. После распада СССР элиты этих стран захотели сохранить свой особый статус «срединного» положения, при котором они не относятся ни к Западу, ни к Востоку. В свое время экс-президент КР А. Акаев отразил этот парадокс в своем выступлении, сказав: «Исторически Центральная Азия играла особую роль в основании связей с Востоком и Западом, выступая в качестве звена между ними»²⁷. Тем не менее, в последние годы данный стереотип изжит из общественного сознания центральноазиатских этносов, национальные элиты Центральной Азии самоидентифицируются с Азией, а не с Европой.

Таким образом, определяющую роль в современном развитии Кыргызстана и его будущих перспективах играют его историко-культурные традиции, особенности социальной и духовной жизни, менталитета. Эти особенности предполагают не просто следование общемировым тенденциям развития на пути к цивилизованному демократическому правовому обществу, но и обязательный учет особенностей своего исторического пути. Поэтому формы и методы построения кыргызского общества должны быть адаптированы к культурным особенностям своего развития.

Первоочередной задачей при выборе будущей модели государственного устройства является определение собственного культурно-цивилизационного фундамента. Мнения специалистов по этому вопросу поляризовались. Одни ученые считают Центральную Азию самостоятельным и самобытным центром цивилизации в древности и средневековье. Другие, в частности казахский

²⁷ Акаев А. Кыргызстан в Центральной Азии и СНГ: проблемы и перспективы//Год планеты. - 1994. - М., 1994. - СС. 29-30.

ученый Н. Масанов, рассматривают ее в качестве периферии великой мусульманской цивилизации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Анализируя вышеуказанные точки зрения по вопросу принадлежности стран центральноазиатского региона к тому или иному культурно-цивилизационному типу и отмечая определенную обоснованность взглядов их авторов, хотелось бы высказать собственное мнение. На наш взгляд более обоснованной как с историко-культурной, так и политико-экономической стороны, является аргументация Н. Масанова. Полагаем, что мы имеем ряд объективных и субъективных факторов, подтверждающих принадлежность центральноазиатских государств к арабо-мусульманской цивилизации.

Прежде всего, в защиту данной точки зрения говорит то обстоятельство, что в Центральной Азии сохранился культурно-цивилизационный фундамент мусульманской региональной цивилизации. Поэтому исламское возрождение, начавшееся в Центральной Азии в конце 80-х годов и получившее мощный импульс в 90-е годы XX века после образования независимых национальных государств, является не только возрождением, но своего рода восстановлением «полноценности ислама», воссозданием его естественного облика, легализацией его существовавших в полуподпольном состоянии религиозных и общественных структур, о чем будет подробно изложено в главе 5.

Степенью этого влияния можно объяснить привлекательность для центрально-азиатских государств турецкой модели общественного развития, где общество с мусульманским населением избрало секуляристский, светский путь развития, демократическую политическую систему и рыночную экономику.

В начале 90-х годов прошлого столетия турецкое правительство энергично взялось опекать новые государства центральноазиатского региона на международной арене и оказывать им экономическую и культурную помощь. В октябре 1992 года состоялась первая встреча глав тюркоязычных государств, где были представлены все республики Центральной Азии (за исключением Таджикистана). С этого момента начали расширяться экономические,

гуманитарные связи республик региона с Турцией. Турецким правительством были обещаны инвестиции в объеме около 2 млрд. долларов. Из центрально-азиатских республик в высшие учебные заведения Турции были отправлены тысячи студентов и аспирантов.

Однако уже к концу 1993 и началу 1994 года интерес к турецкой модели развития и «турецкая волна» в Центральной Азии начали стихать. У этого были свои причины. Во-первых, экономические возможности Турции оказались намного ниже, чем было обещано и на что рассчитывали государства региона. Во-вторых, культурно-образовательный уровень Турции, здесь имеется ввиду образовательный уровень населения Турции в целом, оказался ниже, чем образовательный уровень государств Центральной Азии. И наконец, третья причина - несоответствие менталитета турков и центральноазиатских народов. Все эти причины и привели к постепенному ослаблению привлекательности турецкой модели развития в регионе²⁸.

Историко-культурные традиции кыргызов помимо ислама включают в себя и другие традиционные институты. Поскольку исламская религия в Кыргызстане наложилась на существовавшую до него традиционную систему верований и институтов, этническое и культурное возрождение кыргызов конца 80-х годов прошлого века привело, в первую очередь, к актуализации традиционной общественной структуры – трайбализма. Нынешний всплеск трайбализма, прежде всего, связан с тем, что современный экономический кризис для многих сопровождается борьбой за выживание. В таких условиях родовая взаимопомощь между членами рода становится незаменимой. Именно в трайбализме «находится то, что в течение тысячелетий сохраняло самобытность и самостоятельность кыргызов» и что «может составить стержень современного общественного устройства и духовной жизни возрождаемой нации»²⁹. Поэтому будущая экономическая и социальная

²⁸ Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 2003. - №2 (26). - СС. 86-87.

²⁹ Джунушалиев Дж. Традиционный общественный строй кыргызов и современность.

политика государства должна исходить из учета исторических традиций народа.

Опыт модернизации ряда государств Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что она возможна и без усиления индивидуализации общества на основе традиционной модели культуры. Именно на базе традиционного сознания может успешно сформироваться самобытная форма организации хозяйства и менеджмента. Национальные традиции снижают угрозу обострения социальных противоречий и позволяют обеспечить мирный переход к цивилизованному обществу. Поэтому сущность проводимых реформ в ряде независимых государств Востока не является переходом к капитализму, а представляет собой переход к новой более эффективной модели развития общества, сочетающей в себе достижения мировой цивилизации и самобытные национальные формы.

Необходимо помнить, что при определении модели своего будущего развития любая страна должна перешагнуть через определенные психологические препятствия. Поэтому проблема выбора пути общественного развития в значительной степени зависит от глубин внутренней психической жизни народа, или менталитета. Исследованиями европейских ученых установлено, что в своей каждодневной практике из реально имеющихся альтернатив общество выбирает тот путь, который больше всего соответствует «коллективному бессознательному». Если ментальность подготовлена, то даже резкие изменения в общественном бытии - пример тому недавние события в Восточной Европе - происходят как само собой разумеющееся. Если же «бессознательное» сопротивляется, то, как бы решительно не преобразовывался общественный строй, рано или поздно они принимают форму, адекватную мироощущению данного общества»³⁰.

Важным фактором, который определит направленность социальных перемен в кыргызстанском обществе, будет его втягивание в русло

³⁰ Зотов В. Китай. дух Лэй Фэна против буржуазной либерализации//Иностранная литература. - 1990. - №8. - С. 229.

общемирового развития. Таким образом, модернизация экономической и политической сфер общества должны быть следующим шагом на этом пути.

Экономическая и технологическая модернизация решительно влияют на социальные отношения, изменяя принципы и структуру социальной дифференциации общества, трансформируя социальные институты и функции. При экономической модернизации изменяется мотивация поведения личности, индивид все больше ориентируется на собственные силы и возможности, нежели на помощь коллективу и государству.

Усложнение социальной структуры переходного общества обуславливает и «политическую модернизацию», содержание которой заключается в создании эффективных властных структур, дифференциации их ролей и функций, формировании рациональной бюрократии и высокой степени участия масс в политическом процессе³¹.

Указанная последовательность процессов модернизации в сферах общественной жизни не обусловлена, как это было принято в марксистской теории, детерминирующим влиянием экономики. Теория модернизации исходит из признания равнозначности всех указанных факторов в воспроизводственном процессе, а доминирование конкретных типов модернизации зависит от имеющихся предпосылок.

Следует отметить, что многие изменения в общественной жизни, которые в совокупности и определяют выбор пути его развития, определяются не только разумом и волей представителей истеблишмента. Большую роль в процессе осмысления и выбора модели общественного развития играют научно-теоретические принципы, господствующие в общественных науках и мировоззрении страны. Принимая демократию как общий принцип, необходимо, с одной стороны, формировать в традиционном обществе идеи и представления о том, что представляет собой либеральная демократия. С другой стороны, необходимо воспитывать национальную элиту в русле демократических принципов и ориентиров. В этом плане для Центральной

³¹ См.: Мухаев Р. Т. Политология. - М., 1998. - СС. 318-320.

Азии особенно актуален опыт стран мусульманского Востока, который представляет собой соотношение и взаимопроникновение современных властных структур и исламской религии. Такие демократии созданы и успешно функционируют в Турции и Малайзии.

Таким образом, молодому Кыргызстану предстоит выбрать будущую перспективную модель общественного и политико-экономического устройства. При этом, с одной стороны, необходимо учитывать степень готовности Кыргызской Республики к общественно-политическим новациям, исходя из общемировой системы ценностей, прав и свобод личности. С другой стороны, необходимо брать во внимание культурно-цивилизационный фундамент кыргызского общества, особенности его образа жизни и менталитета.

ГЛАВА 2.

ЭТНИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

2.1. Примордиалистские и конструктивистские теории в изучении этнонациональной проблематики

На рубеже 80-90-х годов прошлого столетия в советской этнографии происходят значительные изменения, связанные с распадом СССР. Серьезные перемены в этнологическом сообществе, центром которого являлся Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, характеризовались, прежде всего, полным отказом от идей отечественных теоретиков, работавших над созданием теории этноса. Так, теория этноса была отвергнута на основании ее приверженности марксистской идеологии: освобождение от марксистского догматизма предполагало отказ от парадигмы «этнической общности». Более того, формирование новых концепций предполагалось на основе активного внедрения и развития западных идей конструктивизма. Распространение новой конструктивистской парадигмы привело к уходу от самого понятия «этнос» и подмены его терминами «этничность» и «этническая идентичность». Основные принципы нового конструктивистского подхода в российской этнологии были изложены В. А. Тишковым в его статье «О феномене этничности»³².

Этничность в западной науке

Английский термин «ethnicity» впервые появился в 50-х годах XX столетия. Первое упоминание термина относится к 1953 году и приписывается американскому социологу Д. Рейстмэну. Термин был включен в Webster's Third

³² Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. - М., 1997.

New International 1961 года и Oxford English Dictionary 1972 года. В редакции American Heritage Dictionary 1973 года этому термину были даны следующие определения: 1. Условие принадлежности к определенной этнической группе; 2. Чувство этнической гордости³³.

Между тем, термин «ethnicity» – производное от более старого и более употребительного слова «ethnic», которое восходит еще к средним векам. Тогда его применяли в качестве синонима слова «gentile», что означало «неверующий», «язычник». Английское «ethnic», в свою очередь, произошло от древнегреческого «ethnos». Древние греки использовали это слово в нескольких значениях. Тем не менее, в основе всех этих значений лежала одна общая идея – идея группы людей или животных, которые разделяли общие культурные и биологические характеристики. Греки использовали данный термин в отношении других народов, которые, по их мнению, были периферийными и варварскими. Себя они называли не иначе как «genos Hellenon»³⁴.

Начало серьезным разработкам этничности положил немецкий социолог М. Вебер, который впервые определил этнические группы как «такие человеческие общности, которые разделяют субъективную веру в своего общего предка вследствие сходства физического типа или традиций или обоих вместе, или вследствие воспоминаний о колонизации и миграции». «Этническое членство», по его мнению, «не составляет группы, а только способствует формированию группы любого типа, особенно в политической сфере»³⁵. Работы Вебера дали начало научному изучению этничности, вовлекая в эту область знания многих других исследователей, которые предложили собственные концепции и теории.

Среди отечественных и зарубежных этнологов, социальных и культурных антропологов, философов, психологов и социологов сегодня произошло четкое размежевание на два различных лагеря, сформировались два противоположных

³³ Glazer N. and Moynihan D. P. (eds.). Ethnicity: Theory and Experience. - Harvard University Press, 1975. - P. 1.

³⁴ Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Ethnicity. - Oxford University Press, 1996. - P. 4.

³⁵ Weber M. Economy and society. - Los Angeles, 1978. - P. 389.

направления в выработке основополагающих методологических принципов и подходов в понимании и определении феномена этничности.

Первое направление носит название «примордиализм» и происходит от английского слова «primordial», что означает «исконное», «исходное», «изначальное». Приверженцы этого подхода определяют его как «сущностный взгляд на этничность»³⁶. Этничность представляется примордиалистам объективной данностью, субстанциональной характеристикой человечества.

Второе направление - «конструктивизм» - представляет собой, по мнению конструктивистов, «ряд прагматических позиций» в понимании этничности. Этничность рассматривается как формируемая индивидами картина социального мира, как этническое самоосознание³⁷. Из данных кратких характеристик довольно четко видна суть принципиальных разногласий между представителями двух направлений.

Сам термин «primordial» был впервые упомянут в статье Э. Шилза «Примордиальные, личные, религиозные и гражданские связи», опубликованной в *British Journal of Sociology* в 1957 году. Шилз пытался провести различие между отдельными видами социальных связей - личными, примордиальными, религиозными и гражданскими - и показать как они продолжают влиять на современные гражданские общества³⁸.

Идея Шилза была заимствована и развита американским антропологом К. Гирцем, который считается основоположником примордиализма. Гирц полагает, что народами новых государств управляют две «влиятельные», «взаимозависимые» и «противоположные» силы: «желание построить эффективное, динамичное современное государство» и поиск собственной идентичности, которая основывается на «примордиальных связях». Он утверждает, что примордиальные связи происходят от крови, расы, языка,

³⁶ См. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века//Этничность и власть в полиэтничных государствах. - М.,1994. - СС. 39-41.

³⁷ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. - СС. 36-37.

³⁸ Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties//*British Journal of Sociology*. - Vol. – 1957. - PP. 130-145.

региона, религии и традиции; они – «результат не только личной привязанности, практической необходимости, общего интереса, или взятого обязательства, но и, по крайней мере, в значительной степени силы некоторого непостижимого абсолюта, приписываемого связи как таковой»³⁹.

Историк и социоллингвист Дж. Фишман определяет этничность как «некую осязаемую существующую реальность, которая делает каждого человека звеном в извечно существующей связи от поколения к поколению – от предков в прошлом к тем, кто в будущем». Он называет это «существующее» этничности, которое отлично от «делающего» и «знающего» этничности. «Делающее» и «знающее» этничности – изменчивые категории, но их изменения имеют свой предел⁴⁰.

У П. ван ден Берга этничность имеет более глубокие корни. Опираясь на социобиологическую парадигму, ван ден Берг считает, что этничность – это «расширенное родство». Через механизмы «непотизма» («склонность благоволить к родственнику, а не к неродственнику») и «включающее соответствие» семьи преобразуются в племена («первоначальный этнос»), которые «по истечении времени увеличиваются до тысяч и даже миллионов людей», что находит отражение в «некотором представлении об общем предке, реальном или, по крайней мере, воображаемом»⁴¹.

Конструктивисты представляют собой прямую противоположность примордиалистам. Так, А. Кохен и П. Брасс обращаются с этничностью как с неким инструментом, необходимым для достижения политических целей. Кохен полагает, что «этничность в значительной степени политический феномен, поскольку традиции и обычаи используются только в качестве идиом и механизмов политического союза»⁴².

Позиция Брасса весьма схожа: «этничность – это чувство этнической идентичности», которое необходимо этническим группам «для выдвижения

³⁹ Geertz C. Primordial ties//Ethnicity. - Oxford University Press, 1996. - PP. 40-42.

⁴⁰ Fishman J. Ethnicity as Being, Doing, and Knowing//Ethnicity. Oxford University Press, 1996. - PP. 63-66.

⁴¹ van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. - New York, 1987. - PP. 239-240.

⁴² Cohen A. Ethnicity and Politics//Ethnicity. - Oxford University Press, 1996. - P. 84.

своих требований на политической арене в целях повышения своего статуса, экономического благополучия, гражданских прав или образовательных возможностей»⁴³.

М. Хечтер и М. Бэнтон идут еще дальше в своем конструктивизме. Они предлагают рассматривать этнические отношения с точки зрения «теории разумного выбора». Хечтер считает, что «члены любой этнической группы примут участие в коллективной деятельности только в том случае, если будут уверены, что, поступая таким образом, они приобретают и личную выгоду»⁴⁴.

Бэнтон также утверждает, что «для достижения своих целей отдельные индивиды вынуждены либо объединяться с другими в коллективной деятельности, либо следовать такой стратегии, которая предполагает вовлечение других в эту деятельность». При этом, «если затраты на достижение одной цели увеличиваются, то индивид может переориентироваться, чтобы следовать другой цели и примкнуть к той группе, которая окажется более полезной в достижении этой цели»⁴⁵.

На практике лишь немногие специалисты являются последователями примордиализма или конструктивизма. В то же время, наблюдаются систематические попытки синтезировать оба направления, а также выдвинуть альтернативные концепции этничности.

В стороне от других конструктивистских теорий лежит понимание этничности норвежским антропологом Ф. Бартом. Барт утверждает, что акцент в исследовании этничности должен быть смещен «с внутреннего содержания и истории отдельных групп к этническим границам и поддержанию этих границ»⁴⁶. Он считает, что именно «этническая граница направляет социальную жизнь» и «вызывает довольно сложную организацию поведения и социальных отношений». С другой стороны, поддержание и сохранение этнической

⁴³ Brass P. R. *Ethnic Groups and Ethnic Identity Formation//Ethnicity*. - Oxford University Press, 1996. - PP. 85-86.

⁴⁴ Hechter M. *Rational Choice Theory and the Study of Race and Ethnic Relations//Theories of Race and Ethnic Relations*. - Cambridge University Press, 1986. - P. 271.

⁴⁵ Banton M. *Racial Theories*. - Cambridge University Press, 1987. - P. 124.

⁴⁶ Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries//Ethnicity*. - Oxford University Press, 1996. - P. 75.

границы зависит от «социальных контактов между представителями различных культур: этнические группы только тогда существуют как отдельные единицы, если они подразумевают определенное различие в поведении»⁴⁷.

Дж. Армстронг применяет общий подход Барта к исследованию этничности, однако в то же время проявляет интерес и к культурным формам, которые Барт не берет в расчет. Армстронг выделяет символы («основные индикаторы границ») и мифы («чтобы укрепить осознание своей общей судьбы среди членов группы») как «решающие в анализе постепенного появления наций в досовременный период»⁴⁸.

Э. Смит также использует «символический» анализ для изучения этничности, но его подход несколько другой. Он полагает, что «в центре любого этноса и присущего ему этноцентризму... лежит особый комплекс мифов, воспоминаний и символов со свойственными только этому этносу притязаниями относительно происхождения группы и родословных генеалогий»⁴⁹. Он определяет этнос как «названные группы, которые разделяют мифы о своем происхождении, истории и культуре и ассоциируются с определенной территорией и чувством солидарности»⁵⁰.

Таким образом, термин «этничность» приобретает различные значения в зависимости от приверженности авторов к двум направлениям: примордиализму или конструктивизму. Последователи примордиализма признают объективные корни этничности, в то время как конструктивисты рассматривают субъективную этничность, таким образом уравнивая этничность и этническую идентичность.

Этничность в советской и постсоветской науке

⁴⁷ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. - P. 79.

⁴⁸ Armstrong J. Nations before Nationalism. - The University of North Carolina Press, 1982. - PP. 7-9.

⁴⁹ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. - Basil Blackwell, 1986. - P. 57.

⁵⁰ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. - P. 32.

Объективистская и сущностная интерпретация этничности была свойственна и советской этнографии. Теория этноса, разработанная в советской науке в 60-70-е годы прошлого века в стенах Института Этнографии Академии наук СССР, также может быть классифицирована как примордиалистская с некоторыми оговорками. Но в отличие от западных примордиалистских концепций, которые рассматривали этничность в контексте социобиологической парадигмы, советская теория этноса была социоисторической, или социокультурной, поскольку особое место в советской этнологической науке уделялось роли социально-исторических условий в развитии этноса. Поэтому ключевым понятием в советской этнологии стала не «этничность», а «этническая общность» или «этнос».

На начальном этапе своего развития, теория этноса представляла собой теоретическое учение, разработанное на базе материалистического мировоззрения и поэтому огромное влияние на нее оказала сталинская концепция нации: «Нация - это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵¹. Исходя из этого, все многообразие этнических феноменов рассматривалось исключительно через призму сталинской концепции нации.

Более того, сам термин «этнос» не был распространен в советской науке до 70-х годов. Здесь в научный оборот прочно вошел западноевропейский термин «нация», который и утвердился в дальнейшем в советской обществоведческой науке. Термин «нация» вытеснил понятие «этнос», который использовался в основном этнографами.

В 60-е годы XX столетия в развитии советской обществоведческой науки наметился определенный сдвиг, своего рода «разделение труда», когда этнографы стали заниматься теорией этноса и этнических процессов, а философы – теорией нации, проблемой национализма и национальным

⁵¹ Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. - М., 1939. - С. 7.

вопросом. Именно в этот период и начинает разрабатываться советская теория этноса.

Теория этноса, разработанная советскими этнографами в 60-70-х годах, нашла свое полное отражение в работах академика Ю. В. Бромлея, долгие годы возглавлявшего Институт этнографии Академии наук СССР⁵². Согласно Бромлею, этнос – это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»⁵³. То есть из числа всех этнических признаков этноса он выделяет три самых главных признака: характерные особенности культуры, включая язык и психику этноса, его самосознание и самоназвание. По его мнению, именно «этот комплекс... и составляет ядро собственно этнических свойств»⁵⁴.

После распада Советского Союза в 1991 году идеи конструктивизма стали распространяться и обрели своих последователей в новых независимых постсоветских государствах, причем, не только в академической науке, но и среди политиков-практиков. В частности, первый Президент Кыргызской Республики, А. Акаев, в своей книге «Кыргызская государственность и народный эпос Манас» открыто объявил о своей приверженности к конструктивистской теории⁵⁵.

Следует отметить что англоязычный термин «ethnicity» распространился в советском обществоведении на рубеже 80-х и 90-х годов XX века, в эпоху горбачевской перестройки, когда в советской этнографии началась ревизия теоретических и методологических ориентиров. До этого времени данный

⁵² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. - М., 1973; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. - М., 1983; Бромлей Ю. В. Теория, история, современность. - М., 1987; Бромлей Ю. В. Подольный Р. Г. Человечество – это народы. - М., 1990.

⁵³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. - М., 1983. - СС. 57-58.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». - Бишкек, 2003. - С. 481.

термин успешно заменялся популярным у советских этнографов выражением «этническое самосознание», содержание которого было примерно адекватным. Понятие «этническое самосознание» имело довольно важное значение и являлось одним из трех важнейших признаков этнической общности⁵⁶.

Новый подход в изучении этничности

Итак, несмотря на огромное количество литературы, написанной специалистами в области этнологии, вопрос о природе и сущности этничности, а также о выборе методологии этнологических исследований остается открытым. В поисках рационального зерна возникает необходимость обращения ко всем возможным теориям в рамках обеих парадигм.

Обратимся к концепциям представителей примордиалистского направления, причем как к западной социобиологической, так и советской социоисторической (теории этноса), которые неизменно акцентируют внимание на таком важнейшем этническом признаке как общность предков. Общность происхождения и кровное родство членов этноса выводит нас на проблему этнической эндогамии. Этнологи уделяют весьма важное значение этнической эндогамии, рассматривая ее как характерную для этноса особенность. Эндогамия служит необходимым условием существования этноса, поддерживая внутриэтническую связь. Бромлей называет эндогамию своеобразным «стабилизатором» этноса, обеспечивающим сохранение семей однородного этнического состава⁵⁷. Свидетельством этого является тот неоспоримый факт, что частота брака внутри этносов многократно превышает количество межэтнических браков (80-85% согласно Бромлею).

Российский философ С. Е. Рыбаков полагает, что «этническое само по себе и порождает эндогамию, и само по себе не может существовать без

⁵⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. - СС. 7-22.

⁵⁷ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. - С. 206.

эндогамии... Этническая субстанция существует в самом человеке как «нечто», для воспроизводства которого в числе прочего почему-то необходимо популяционное единство». При этом, автор подчеркивает что имеет ввиду кровное родство не только как биологический, но, прежде всего, как социальный инструмент адаптации человечества к окружающей природной среде⁵⁸. Здесь следует отметить, что понимание этноса как биосоциального феномена наиболее полно раскрыто в концепции этногенеза Гумилева Л. Н.⁵⁹

Рассмотрев позиции последователей так называемой объективной этничности, необходимо обратиться к взглядам представителей субъективной этничности. В этом отношении весьма примечательна точка зрения Тишкова, который предлагает исследовать микроуровень этнической идентичности – отдельного индивида. Он определяет этническую общность как «сумму индивидов, каждый из которых воспроизводит этничность для самого себя»⁶⁰. Таким образом, этничность – это качество личности. «Все, что называется в обществе «этническим», действительно определяется внутренним содержанием человека, личностными его характеристиками, на основе которых и происходит группирование индивидов в этнос»⁶¹, - пишет Рыбаков. «Не этнос формирует этничность индивидов, напротив – сам этнос рождается из этничности как антропологического качества»⁶².

Гумилев Л. Н. был первым, кто поднял вопрос о важности механизма сигнальной наследственности в передаче этнической информации. Согласно Гумилеву, сигнальная наследственность представляет собой «особый механизм передачи потомству от родителей и старших членов популяции условных рефлексов в целях оптимальной адаптации»⁶³. По сути дела, термином «сигнальная наследственность» обозначается процесс социализации ребенка, происходящий в семье на основе бессознательного впитывания основных

⁵⁸ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - М., 2001. - С. 152.

⁵⁹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. - Ленинград, 1990.

⁶⁰ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. - М., 1997. - С. 66.

⁶¹ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 194.

⁶² Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 196.

⁶³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. - С. 234.

элементов поведения. В этой связи, Рыбаков считает, что «диахронная внутриэтническая связь предполагает, прежде всего, не передачу этнокультурной традиции (хотя и она осуществляется, в первую очередь, также в эндогамной семье, а даже в школе, институте или музее), но и межпоколенную передачу информации путем сигнальной наследственности, которая – как у животных – основывается на генетической эндогамии внутри популяции»⁶⁴. Так, признание механизма сигнальной наследственности приводит нас к проблеме этнического бессознательного.

Рыбаков различает два уровня этничности: сознательное и бессознательное. Этническая идентичность – это сознательный феномен (этническое самосознание в широком смысле слова), который может существовать только если присутствует бессознательное. В то же время, оба уровня, сознательное и бессознательное, не могут существовать в отдельности, их существование тесно взаимосвязано. Вместе они порождают сложный *бессознательно-сознательный феномен этничности*⁶⁵. Чем выше уровень этнического сознательного, тем активнее оно «будит» бессознательное и тем выше показатель этничности. Это обстоятельство ярко проявляется в проблеме этнической мобилизации, когда негативные этнические стереотипы формируются под влиянием этноцентризма при неблагоприятных политико-экономических и социокультурных условиях.

Другой известный российский исследователь Л. М. Дробижева также выделяет две последовательные стадии в социализации индивида : «первичную» и «вторичную». Она пишет: «первые стереотипы человек познает от ближайшего окружения, приобретая представления о «родной общности», этнически окрашенный менталитет. Лишь затем в процессе вторичной социализации усваиваются новые взгляды, ценности и установки уже через систему образования и средства массовой информации»⁶⁶. Таким образом, наряду с обыденным уровнем этнического сознания существует этническая

⁶⁴ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 213.

⁶⁵ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - СС. 215-216.

⁶⁶ Дробижева Л. М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства. - М., 1994. - СС. 71-72.

идеология, создаваемая «интеллектуалами» специально для внедрения в сознание масс.

В итоге, нельзя не согласиться с замечанием С. В. Чешко о том, что «какие бы объективные корни не имела этничность, она, в конечном счете, представляет продукт человеческого (массового) сознания, спонтанную форму идеологического отражения и освоения социальной среды»⁶⁷. «Этничность – это свернутая историческая память человечества, открывающаяся нам в своих конкретных локальных вариантах»⁶⁸. Этничность «формируется как коллективная традиция, которая передается из поколения в поколение, служит важным идеологическим средством социализации индивида в рамках группы его происхождения»⁶⁹. «Этничность содержит взаимодополнительность прошлого и будущего: как в индивиде, так и в обществе, она связывает актуальность уходящего прошлого с актуальностью открывающегося будущего»⁷⁰.

Безусловно, вопросы о путях и способах возникновения новых этносов, их историческом развитии, причинах и обстоятельствах их гибели настолько сложны, запутаны и к тому же политизированы, что требуют глубокого и обстоятельного исследования. В нашу задачу входит только констатация того обстоятельства, что исследователи, относящиеся к разным парадигмам, рассматривают этническую историю прежде всего как единый и целостный процесс развития в историческом времени фундаментального человеческого качества – этничности⁷¹.

Вместе с тем, не следует понимать этничность как нечто раз и навсегда данное. Ни один индивид не находится во власти своей окружающей среды как таковой, а только опосредованно через семью, коллег по работе, друзей и знакомых, с которыми он объединен во всевозможных группах и с кем может

⁶⁷ Чешко С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. - 1994. - №6. - С. 40.

⁶⁸ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 253.

⁶⁹ Чешко С. В. Человек и этничность. - С. 41.

⁷⁰ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. - М., 1996. - С. 323.

⁷¹ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 251-252; Тишков В. А. О феномене этничности. - С. 17.

развивать совместные стратегии и которые, в свою очередь, могут вступать в противоречия между собой. Поэтому, говоря об этничности или этнической идентичности, необходимо принимать в расчет постоянные изменения ее восприятия и значений, что находит подтверждение на примере изменения этнических идентичностей в постсоветских государствах⁷².

Таким образом, главное сегодня состоит в том, чтобы не растерять то положительное, что наработано представителями обеих концепций в общем процессе поиска понятия и сущности этничности. Необходимо найти то новое, что «сняло бы дилемму «примордиализм-конструктивизм», нужны новые подходы, которые позволили бы преодолеть этот этап развития этнического, на котором имеет место жестокое противостояние двух односторонних точек зрения⁷³.

2.2. Этнический национализм в национально-государственном строительстве новых независимых государств

Нация и национализм

С проблемой этничности тесно переплетается проблема нации и национализма.

Английское слово «nation» произошло от латинского «nationem», означающего «племя» или «раса». Латинское «nationem», в свою очередь, - производное от причастия прошедшего времени «nasci», что переводится «быть рожденным». Когда термин вошел в английский язык в конце XIII века, его первоначальным значением была «группа, связанная кровным родством».

⁷² См. подробнее: Воронков В., Освальд И. Постсоветские этничности//Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. - СПб., 1998. - СС. 11-14.

⁷³ Рыбаков С. Е. Философия этноса. - С. 219.

Однако, к началу XVII века термин также стал использоваться и для описания жителей одной страны независимо от этнической структуры ее населения. Таким образом, слово «nation» начинает использоваться в качестве синонима таких понятий как «народ» и «граждане».

Общеизвестно, что национализм, нация и национальное государство появляются в Западной Европе в период буржуазных революций и являются политическими инновациями Нового времени. Национализм становится своеобразной реакцией на кризис секуляризации и предлагает новый легитимный базис политическому господству наций-государств. Эта идеология способствует интеграции членов нации в новый союз и формированию новой национальной идентичности, которая основывается на мифе о прославленном прошлом и одновременно на идее будущего возрождения нации.

Национализм означает совершенно новый тип интеграции общества посредством выражения воли нации или так называемого национального суверенитета. Формируя национальную идентичность, он позволяет ответить на вопрос о сущности своей нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории.

Сегодня мы переживаем два взаимосвязанных и противоречивых процесса. С одной стороны, мир становится свидетелем наднациональных и интеграционных процессов в Западной Европе, связанных с функциональной потерей значения классического национального государства. С другой стороны, имеет место национальный ренессанс в Восточной Европе и ныне суверенных государствах, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза. После крушения коммунизма национальные идеи заполняют идейно-политический вакуум. С понятиями «нация», «национальные движения», «национальные государства» связываются развитие демократических процессов и построение правового государства.

Следует отметить, что исследователи, анализирующие проблемы национализма, рассматривают его с различных, иногда даже диаметрально противоположных позиций. Так, одно направление подчеркивает связь между

национализмом и модернизацией. Исследователи этого направления подчеркивают модернизаторскую функцию национализма. Другое направление связывает возникновение национализма с реакцией на последствия модернизации. Для этого направления национализм является противовесом в обособлении индивидуума в пространстве политических интересов, возможностью интеграции на фоне разрушения традиционных структур.

Так, с одной стороны, национальные движения обусловлены модернизационными изменениями в мире, а с другой, национализм сам является фактором, влияющим на модернизационные процессы, как ускоряющим, так и стагнирующим.

Исследователи выявляют следующие функции национализма, которые влияют на мировые модернизационные процессы:

1. Интегрирующая – национальные движения способствуют интеграции населения путем объединения различных групп населения и социальных слоев современного общества.
2. Эгалитарная – нации-государства предлагают такую социальную модель, в которой принадлежность к нации стирает социальные различия.
3. Амбивалентная – национализм влияет на процесс формирования наций⁷⁴.

Несмотря на многочисленные публикации, написанные на эту тему, среди ученых до сих пор нет единства по поводу субъективных и объективных факторов в определении нации и связи нации с этнической общностью, с одной стороны, и государственностью, с другой. Три классических определения нации Ренана, Вебера и Сталина подтверждают это.

Э. Ренан отвергает статическую концепцию нации и определяет ее как «духовный принцип». «Существование нации - заявляет он, - это повседневный плебисцит». Две вещи, по его мнению, составляют нацию. «Одна состоит в наличии общего богатого наследия воспоминаний; другая – в действительном

⁷⁴ Мовкебаева Г. А. Национализм как проблема исторического исследования//История и культура Центральной Азии и Казахстана. - Алматы, 1998. -СС. 152-153.

согласии, желании жить вместе, готовности оберегать общее наследие»⁷⁵.

Согласно М. Веберу, «нация – общность сентимента, которая в достаточной мере проявляется в собственном государстве; отсюда, нация – это общность, которая в обычной ситуации стремиться к созданию собственного государства». «Причины, которые приводят к появлению национального сентимента, в этом смысле, могут сильно варьироваться»⁷⁶.

Сталинское определение нации содержит ряд объективных и субъективных элементов: «Нация -это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада проявляющегося в общности культуры». При этом, Сталин подчеркивал, что «ни один из указанных признаков, взятых в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»⁷⁷.

Сталинское определение нации заложило фундамент советской теории нации, на которой десятилетиями базировалась советская общественная наука. Правда, были попытки ее пересмотра в дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» в 60-е годы прошлого столетия, годы так называемой «хрущевской оттепели». Тем не менее, в итоговой статье, подводившей дискуссию к выводам, все опять вернулись к сталинскому определению нации.

Данный подход сохранился и до наших дней и порой преобладает в постсоветских работах теоретиков нации и национализма. Более того, марксистский дискурс доминирует в мышлении большинства национальных политических элит постсоветского пространства и даже определяет политику новых государств.

Сталинская теория нации была сформирована под влиянием идей немецкой классической философии и определялась как культурно-психологический феномен, то есть совокупность языка, культуры и

⁷⁵ Renan E. Qu'est-ce qu'une nation?//Nationalism. - Oxford University Press, 1994. - P. 17.

⁷⁶ Weber M. The Nation//Nationalism. - Oxford University Press, 1994. - P. 25.

⁷⁷ Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. - С. 7.

«национального характера». Такое понимание было свойственно русским философам⁷⁸. В дальнейшем германско-австрийское видение нации утвердилось и среди советских теоретиков-марксистов. Созданная Лениным и затем развитая Сталиным в рамках формационного подхода триада племя-народность-нация утверждала, что нации – это «этнические общности нового типа, складывающиеся с развитием капиталистических отношений». Факторами их формирования являются укрепление экономических связей между местными группами народа, развитие путей сообщения, слияние местных рынков в единый общий национальный рынок⁷⁹.

В отличие от Германии и России, во Франции и Англии было распространено этатистское (от французского «etat» - «государство») понимание нации как совокупности граждан одного государства. Поэтому сегодня многие историки и социологи склоняются к рассмотрению государственности как признака нации, независимо от того, имеется ли она в настоящее время или нет. Но наличие государственности не означает обязательного признака, без которого этническая общность перестает быть нацией. Главное - это стремление этнической общности к созданию собственной государства, четко выраженное в виде политического требования самоопределения, называемое в западном обществоведении национализмом.

Ситуация несколько проясняется, когда мы обращаемся к другому понятию «национализм». Большинство ученых согласны с тем, что национализм – это исключительно современный феномен. Однако их точки зрения различаются относительно таких вещей как причины национализма, его отношение к модернизации и политической власти, и насколько он является слабым или сильным фактором изменений⁸⁰.

Подход Э. Кедури к проблеме национализма – это подход историка: «Национализм – это доктрина, изобретенная в Европе в начале XIX века».

⁷⁸ См.: Бердяев Н. А. Русская идея и судьба России. М., 1997. СС. 306-307.

⁷⁹ Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. СС. 6-7.

⁸⁰ Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Nationalism. - Oxford University Press, 1994. - P. 47.

Национализм означает, что «человечество естественным образом разделено на нации, что нации можно узнать по определенным характеристикам, которые четко определены, и что единственным законным типом правления является национальное самоуправление»⁸¹.

Согласно Э. Геллнеру, «национализм - это политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁸². Национализм у Геллнера прямо связывается с государством, которое он рассматривает как «необходимое условие национализма», так что «проблема национализма не возникает там, где нет государства». Именно «национализм порождает нацию, а не наоборот»⁸³.

Либеральная мысль Запада и марксизм, по его мнению, недооценили политическую силу национализма. Тезис о том, что политические границы должны совпадать с этническими выступает сегодня как принцип политической организации и приобрел такое значение и силу, какую не имел никогда за всю историю человечества. Геллнер выделяет ряд факторов роста национализма в индустриальных обществах:

Во-первых, современная индустриальная культура имеет этническую окраску и выражена на определенном национальном языке. Люди, желающие получить доступ к культуре, автоматически получают этничность и становятся националистами.

Во-вторых, в силу неравномерности развития стран неизбежны противоречия между развитыми и развивающимися странами, что ведет к взаимной вражде и росту националистических настроений.

В-третьих, различная степень уровня развития отдельных стран приводит к регионализму и формированию местных политических элит, стремящихся к самостоятельности. Отсюда и рост национализма и стремление создать отдельную политическую единицу.

⁸¹ Kedourie E. Nationalism. - Forth, Expanded edition. - Blackwell Publishers, 1993. - P. 1.

⁸² Gellner E. Nations and Nationalism. - Basil Blackwell, 1983. - P. 1.

⁸³ Gellner E. Nations and Nationalism. - PP. 4-5, 55.

Таким образом, теория Геллнера объясняет почему национализм, сравнительно незаметный в прошлом, стал столь острой проблемой в наше время и приобрел глобальный характер; почему уменьшилась социальная значимость культурных особенностей, в то время как увеличилось политическое значение некоторых культурных границ⁸⁴.

Э. Хобсбаум и Б. Андерсон предлагают «конструктивистский» подход к национализму. Хобсбаум рассматривает нацию одну из многих традиций, «изобретенных» политическими элитами для того, чтобы узаконить свою власть в век революций и демократизации⁸⁵.

Андерсон дает следующее определение нации: «это воображенная политическая общность, и воображенная также, как внутренне ограниченная и суверенная». «Она воображенная, потому что члены даже самой маленькой нации никогда не узнают всех своих собратьев, не встретят их или даже не услышат о них, хотя в голове каждого будет жить образ его сотоварища»⁸⁶.

Э. Смит называет возникновение современного «научного государства» ключевым фактором в генезисе национализма. Национализм, по его мнению, является результатом проникающего морального кризиса «двойной легитимации», когда власть секуляристского государства бросает вызов авторитету духовенства⁸⁷.

В советском обществоведении был распространен однозначно негативный смысл в понимании национализма как мировоззрения и политики подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, национальной вражды, недоверия и конфликтов. Таким образом, он применялся как синоним понятиям «шовинизм» или «расизм». «Буржуазному национализму» противопоставлялся «пролетарский интернационализм». Суть последнего заключалась в том, что солидарность

⁸⁴ Геллнер Э. Пришествие национализма. - М., 1991. - С. 128.

⁸⁵ Hobsbawm E. The Nation as Invented Tradition//Nationalism. - Oxford University Press, 1994. - PP. 76-82.

⁸⁶ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - Revised edition. - Verso, 1991. - P. 6.

⁸⁷ Smith A. The Crisis of Dual Legitimation//Nationalism. - Oxford University Press, 1994. - PP. 113-121.

трудящихся во имя общего революционного дела требует их объединения в единое государство.

Итак, этнос и нация – это различные социальные феномены. Следует согласиться с точкой зрения Ю. М. Бородая о том, что этнос – это общность первого типа и основана на антропогенетических особенностях. Нация же – общность второго типа, продукт государства и политико-гражданское единство, ее важнейшим признаком является то, что она полиэтнична или надэтнична⁸⁸.

По мнению С. Е. Рыбакова, различие между этим двумя феноменами на личностном уровне обусловлено их разной природой и состоит в том, что этничность имеет бессознательно-сознательную природу, а национальная идентичность рождается и локализуется в сознании. Различные типы идентичности определяют разные социальные роли этих общностей. Этнос – преимущественно социокультурная общность, а нация – это сопряженная с государством социально-политическая общность. Нация рождается в ходе сознательной государственной политики, начиная с идеи, которая материализуется по мере того, как она из достояния интеллектуальной элиты превращается в массовую идеологию⁸⁹. Таким образом, классический европейский национализм с присущей ему моделью гражданской нации может быть описан концепцией «государство-нация».

Процесс национального строительства предполагает решение противоречия между политическим и этническим структурированием общества в эпоху национального государства, поскольку формирование нации как новой исторической общности предполагает потерю исторической памяти и внедрение новой гражданской национальной идентичности путем вытеснения этнической идентичности. Данный процесс чрезвычайно сложен и обусловлен особенностями государственного строительства в разных регионах мира. Так, на Западе и в ряде других стран Европы процесс деэтнизации был достаточно эффективным в силу ряда объективных причин.

⁸⁸ Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. - М., 1996. - С. 315-318.

⁸⁹ Рыбаков С. Е. Нация и национализм. - М., 2001. - С. 32.

Наиболее успешной была деэтнизация в странах переселенческого капитализма – в США, Канаде, Австралии, где коренные этносы были в основной своей массе физически уничтожены. Однако в других регионах мира, особенно его восточных странах, деэтнизация была недостаточно глубокой, что привело к совершенно иному итогу нациогенеза – отторжению гражданственности и превращению этничности в национальную идентичность. То есть разрешение вышеуказанного противоречия было решено в пользу этнического структурирования. Именно такой вариант произошел в ряде восточноевропейских стран (Чехословакии, Югославии) и СССР.

Этнический национализм

Этнический национализм имел место еще в XIX столетии и способствовал распаду существовавших тогда Российской, Австро-Венгерской и Османской империй на национальные государства. Этнонационализм и национальные конфликты сопровождали государствообразующие процессы большинства полиэтнических обществ в течение всего XX столетия. Однако подлинный взрыв этнонационализма произошел во второй половине XX века после окончания второй мировой войны в связи с освобождением народов Европы от фашистской оккупации и последовавшим затем распадом мировой колониальной системы.

Этнонационализм представляет собой сложное и многогранное явление. В мировой практике этнонационализм определяют как особую политическую концепцию, согласно которой различные этносы являются соперниками в борьбе за власть, за достижение преимущественного положения и различные блага и ресурсы. Тишков определяет этнонационализм «как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и проистекающим из этого коллективного

членства праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему»⁹⁰.

Итак, гипертрофированная этничность не желавших деэтнизироваться членов новых наций вытеснила навязываемую сверху гражданскую идентичность и породила этнонацию – политизированный этнос, сопряженный с государственными структурами или постоянно стремящийся обзавестись ими. Представители этносов, подвергающихся воздействию политики национального строительства, сопротивляются аккультурации и ассимиляции, этничность нарастает и трансформирует этнические меньшинства в этнонации. С точки зрения этнонационалистов, полиэтничное государство, в котором нарождаются такого рода новые «нации», уже подлежит демонтажу, поскольку его конструкция не вписывается в ключевой принцип этнонационализма «одна нация – одно государство». Политизированная этничность несет в себе угрозу общественным институтам и государству в целом, поскольку деятельность этнонационалистов объективно нацелена на сецессию и этнические конфликты.

Этнонационализм – новый термин в постсоветской науке, которым начали оперировать в последнее десятилетие прошлого столетия. Интерес к нему связан с событиями последних лет в посткоммунистических странах, когда многие общественно-политические процессы в условиях глубоких социальных преобразований и радикальных реформ обрели этническую окраску. А обсуждение причин и форм конфликтующей этничности стало одной из самых популярных тем постсоветских исследователей. Причем, общим местом этих современных теорий является отход от прежних концепций, интерпретация национализма в соответствии с политическими и социально-экономическими теориями, присущими современной мировой науке.

Следует отметить, что западные исследователи рассматривают понятия «национализм», «нация», «национальное» как неоднозначные и обычно используют их в двух аспектах – этническом (культурном) и государственном

⁹⁰ Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России//Национальная политика России. История и современность. - М., 1997. - С. 33.

(политическом). Такое применение терминов - результат дифференциации этнических и государственных общностей. В первом значении наряду с территориальной, демографической, культурной и иной дифференциацией общества выделяется и этническая его характеристика. Второе значение термина заключается в том, что нация понимается как политическое объединение граждан одного государства.

По аналогичной схеме различают и национализм. Наиболее популярными являются две основные формы национализма: гражданский (государственный) и этнический (культурный) национализм. Первый основывается на понятии нации как согражданства. Второй рассматривает нацию как этнокультурную категорию, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу. Конечно, можно спорить о целесообразности обозначения одним термином этих качественно различных процессов, но при этом невозможно не признать, что это реальность, за которой стоят объективные различия двух общностей, этнической и государственной.

В связи с этим, Рыбаков отмечает, что несмотря на кажущуюся противоположность «два национализма» являются лишь разными сторонами одной медали, а по сути своей национализм гражданский и национализм этнический – это один и тот же социально-политический феномен. Разница состоит лишь в том, что гражданский национализм описывается концепцией «государство-нация», а для этнического национализма последовательность обратная - «нация-государство»⁹¹.

С некоторым опасением отнесся западный мир к образованию в 90-е годы XX века на месте распада социалистической системы и бывшего СССР новых независимых государств. Национализм «третьей волны», или так называемый этнический национализм рубежа XX-XXI столетия, особенно в своих радикальных проявлениях, подтвердил небезопасный характер национализма. Последнее обстоятельство вызывает настойчивую необходимость анализа тех

⁹¹ Рыбаков С. Е. Нация и национализм. - С. 47.

его видов и форм, которые могут быть совместимы с переходом к демократическому обществу⁹².

Этнонационализм и конфликты будут все больше влиять на мировой порядок и международную ситуацию. По данным этнологов, в мире существует до 5,000 этнических групп, которые потенциально готовы заявить о своих правах на самоопределение и образование государства. Большая часть этих движений протекает в латентной и ненасильственной форме. Однако 260 национальных меньшинств активно требуют независимости и признания ООН. От 70 до 90 из этих этнополитических конфликтов характеризуются вспышками насилия⁹³.

В демократизирующихся обществах этнические группы получают значительные возможности для политической мобилизации, однако у государства нет обычно ни ресурсов, ни эффективных институциональных механизмов для достижения межгруппового согласия и выработки толерантности, которые имеются в государствах с более длительным опытом демократического развития. В таких условиях довольно высока вероятность того, что демократизация будет сопровождаться этническими протестами и насилием.

Этнический национализм и советская национальная политика

Наглядным примером этнонационализма явилась советская национальная политика и практика построения советского государства. Партийное руководство страны пыталось совместить две противоположные тенденции: интеграцию общества в гражданскую нацию и создание отдельных наций в форме союзных и автономных республик. Первая тенденция проявилась в реальном создании на основе реализации официальной доктрины «дружбы

⁹² См.: Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. - М., 1996. - С. 49.

⁹³ Ходнев А. Национальный вопрос в контексте мирового порядка. История и современное состояние//Исторические аспекты межнациональных отношений и мировой опыт. - М., 2000. - С. 67.

народов» новой исторической общности – советского народа - с ее общими идеологическими, культурными и психологическими нормами, которая в значительной степени способствовала мирному сосуществованию народов на протяжении 70 лет. Другая тенденция была ориентирована на национальное строительство и саморазвитие этносов. Реализация второй тенденции, наряду с развитием литературных языков и формированием национальных кадров, привела к росту этнического самосознания народов и этническому национализму. В итоге, пресловутый «национальный вопрос» разрушил полиэтнический Советский Союз.

По мнению Тишкова, уникальность бывшего СССР состояла в том, что это было одно из государств, в основу организации которого был положен этнический принцип. Хотя марксистско-ленинская идеология и провозгласила себя интернационалистской доктриной, ее интегративной частью стали идеи и политическая практика этнического национализма. Суть последнего состояла в том, что фактически все основные этнические группы, из которых состояло население государства, были объявлены социалистическими нациями и народностями и каждой из них была пожалована своя государственность⁹⁴.

Так, совпадение структуры властных отношений с четырьмя неравноправными уровнями национально-административного деления по схеме союзная республика - автономная республика - национальная область - национальный округ, предполагающей иерархию этнических «большинств» и «меньшинств», привело к отождествлению центральной власти с властью русских, республиканской власти – с властью коренной или титульной национальности и смещению негативных отношений в этническую сферу еще при советской власти, хотя тогда они были спрятаны довольно глубоко. Жесткая экономическая, политическая и социальная зависимость «меньшинств» породила у них чувство несправедливости, неполноценности и

⁹⁴ Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма)//Этнографическое обозрение. - 1998. - №5. - СС. 3-16.

недоверия к большинству, способствовала нарушению естественного хода развития этнических отношений – вместо интеграции национальная консолидация.

Но самой главной особенностью советской политики в отношении национальностей стала ее двойственность и противоречивость, огромный разрыв между идеей и реальным воплощением. История национально-государственного строительства оставила в наследие после себя много противоречивых, нерешенных и порождающих конфликты проблем, которые проявились позднее в период перестройки. Как только ослаб контроль центра над национальными элитами, началась борьба за реальную власть и право контролировать общественную жизнь в формально суверенных национальных государствах. В этих условиях мощным средством мобилизации масс в свою поддержку стала национальная идея. Интеллектуальная элита, заменив ею коммунистическую идеологию, смогла достаточно быстро начать борьбу сначала против центра в лице Москвы, а затем в ряде республик и против правящих партийных элит. Стали формироваться национальные движения за независимость в Прибалтийских республиках, Грузии, Азербайджане, Украине, Молдове и других. Эти конфликты между Центром и периферией имели преимущественно вертикальный и чисто политический характер. Но они нередко сопровождались спорадическими проявлениями межобщинного насилия и политических конфликтов на более низком уровне - между нерусскими титульными национальностями и республиканскими меньшинствами. Такими были конфликты, направленные против месхетинских турков в Узбекистане, армян в Азербайджане, осетин и абхазов в Грузии, гагауз, украинцев и русских в Молдове, узбеков в Кыргызстане. Депортированные народы, потерявшие свой политический статус во времена сталинизма, а это, прежде всего, крымские татары, немцы Поволжья, северокавказские народы и другие, а вернее лидеры и активисты их движений, начали формулировать программы восстановления «собственной»

государственности⁹⁵.

Тоталитарная идеология с ее общей установкой на бесконфликтный «социалистический» общественный строй привела, в конечном счете, к насаждению наднациональных форм и методов государственного, социально-экономического и культурного развития в республиках Советского Союза. Отечественная академическая традиция также способствовала огосударствлению и институализации этничности, а также политической программе этнонационализма. За внешне осуждающей дефиницией национализма на практике присутствовало господство этнонационализма как в науке, так и в политике. Десятилетиями насаждавшийся идеологический монологизм в советском обществе способствовал отчуждению целых поколений от национально-культурных ценностей. Долгое культивирование советским государством в своих гражданах особого стиля поведения, основанного на борьбе, а не поиске компромисса, способствовало формированию ситуации этнической напряженности. Поэтому, несмотря на ряд достижений и позитивных результатов советского государства, особенно в области образования и культуры, большинство причин этнических конфликтов рубежа 80-90-х годов прошлого столетия были заложены еще во времена СССР.

Как показала последующая историческая практика, национально-территориальный принцип государственного строительства и интеграционная национальная политика стали благодатной почвой для конфликта национально-этнического характера. Хотя дружба народов стала в стране реальностью, но тоталитарная политическая система со всеми ее дальнейшими антидемократическими элементами стимулировала развитие национализма. Административное «одергивание» проявлений национализма, репрессии по отношению к отдельным народам усугубляли ситуацию и усиливали антирусские настроения. Разрастались элементы этнической исключительности и реванша, агрессии, эгоизма, иждивенчества. Эти националистические

⁹⁵ Элебаева А. Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии. - Бишкек, 2001. - СС. 17-18.

негативы иррационального этнического самосознания стали определять характер группового поведения в ряде союзных республик. Реально существовавшие и обострившиеся в 80-е годы социально-экономические и политические проблемы были перенесены на почву межнациональных отношений, отношений между Центром и национальными республиками. Гиперинтернационализация общества, монополия бюрократической центральной власти, формальность федеративных отношений вызвали закономерную реакцию в виде национальных движений, переросших в разрушительные для союзного государства националистические движения.

Этнический национализм в Центральной Азии

После распада СССР и приобретения независимости этнонационализм принимает более острые формы. Переход республик Центральной Азии к демократии и рыночной экономике по-прежнему сопровождается противоречиями и конфликтными формами развития, но уже на более широком региональном уровне развития. Региональная специфика, выражающаяся в протекающих здесь этнополитических, этнодемографических и этнокультурных процессах, оказывает значительное влияние на состояние межнациональных отношений внутри региона⁹⁶.

Центральная Азия находится в центре Евразийского континента. Поэтому в силу своего геополитического и геостратегического расположения исключительно важным делом становится обеспечение межнациональной стабильности на всем евразийском пространстве. В этой связи, известный американский политолог З. Бжезинский вполне обоснованно назвал Центральную Азию «Евразийскими Балканами»⁹⁷. Он полагал, что ситуация в регионе характеризуется большим непостоянством и отличается внутренней нестабильностью.

⁹⁶ См. подробнее: Иманова С. Этнонационализм: история и реальность. - Бишкек, 2001.

⁹⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М., 1999. - С. 151.

Анализ политических режимов стран Центральной Азии позволяет говорить о том, что следование принципу разделения властей и создание политических институтов, соответствующих параметрам демократического общества, сами по себе необязательно ведут к установлению либеральных демократических режимов. В конкретной ситуации отдельных государств региона это лишь приводит к укреплению старых слегка видоизменивших фасад политических институтов⁹⁸.

Во-первых, на политическом развитии каждой из центральноазиатских стран сказалось различие реальных условий. Это традиционные национальные ценности, историческая специфика каждой страны, характер национализма и изоляционизма, организованность национальных меньшинств и их позиция по отношению к проводимым реформам, степень их вовлеченности в региональные конфликты, видение руководством страны и политическими лидерами конкретных целей независимого развития и путей их достижения. Все это и определило существенные различия в практическом осуществлении политической трансформации каждого из обществ Центральной Азии. Именно поэтому республики региона резко отличаются друг от друга существующими государственно-политическими устройствами – от диктатуры личной власти в Туркменистане, безальтернативного президентского режима в Узбекистане до более либеральных режимов в Казахстане и Кыргызстане⁹⁹.

Во-вторых, практически во всех государствах Центральной Азии борьба различных ветвей власти является результатом столкновения противоборствующих групп, в том числе номенклатурных, но в основном клановых, трайбалистских, региональных, межнациональных. Так, в Кыргызстане трайбализм получил легальную возможность влиять на государственное строительство. По мнению известных кыргызских историков, Дж. Джунушалиева и В. Плоских, «проявления последствий возрождения

⁹⁸ См.: Элебаева А. Пухова М и др. Политическая трансформация. Опыт Кыргызстана в мировом контексте. - Бишкек, 2002.

⁹⁹ См.: Элебаева А. Омуралиев Н. Межэтнические отношения в Кыргызстане: динамика и тенденция развития//Центральная Азия. - 1998. - №3(15). - С. 62.

трайбализма могут привести к возможному всплеску регионализма, а в последующем сепаратизма, что представляет одну из серьезнейших опасностей для целостности государства»¹⁰⁰.

В-третьих, этнонационализм и межэтническая напряженность вызываются ростом сепаратизма среди лидеров этнических меньшинств, которые «ставят целью изменение или пересмотр существующих границ». По данным Института Географии РАН, в центральноазиатском регионе имеется, по крайней мере, 19 проблемных зон, на территории которых уже имели место межнациональные столкновения, а на других подобные столкновения весьма вероятны¹⁰¹. Искусственный характер границ государств региона сыграл серьезную дестабилизирующую межэтнические отношения роль и продолжает представлять серьезную угрозу политической стабильности. Наиболее заметными противоречиями в этой области были и остаются противоречия между Казахстаном и Узбекистаном, Кыргызстаном и Узбекистаном, Таджикистаном и Узбекистаном.

Кроме того, межэтническую напряженность вызывает проблема водных ресурсов, крайне болезненная для региона. Она обостряется каждый год и заметно осложняет и без этого непростые отношения между Кыргызстаном, Узбекистаном и Казахстаном. Несколько раз конфликты между Ташкентом и Бишкеком едва не переходили в плоскость силовых решений. Хотя согласно законодательным актам республик, споры о водопользовании между государствами должны рассматриваться и разрешаться в порядке, определяемом международными договорами, споры, имеющие место в регионе, продолжаются десятилетиями и пока никак не разрешаются.

Обострению межнациональных отношений в регионе также способствуют демографические факторы. Взрывоопасность центральноазиатского региона заключается также в том, с середины XX века народы региона переживают

¹⁰⁰ Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана//Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - №3(9). - С. 8.

¹⁰¹ См.: Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. - Бишкек, 2000. - С. 85.

демографический взрыв: темпы прироста населения Центральной Азии один из самых высоких в мире. Между тем, коэффициент естественного прироста населения в Казахстане намного ниже, чем в остальных республиках Центральной Азии – 11.8 на 1,000 человек против 27 в Туркменистане, 26.6 в Узбекистане, 25.6 в Таджикистане и 21.4 в Кыргызстане. Из 53 млн. населения, проживающих в новых независимых государствах региона, в Узбекистане проживает почти половина. Территория Казахстана (1277,1 тыс. кв. км) в 2.1 раза больше территории всех центральноазиатских республик вместе взятых. Таджикистан и Кыргызстан располагают лишь 20% пригодных для хозяйственной деятельности земель, большую часть их территории занимают горы. Примерно то же самое можно сказать о Туркменистане и Узбекистане, где большие пространства не представляют экономической ценности из-за песков пустынь. Таким образом, ареалов перенаселенности в Центральной Азии значительно больше, чем где-либо на территории СНГ¹⁰².

Третьим дестабилизирующим фактором является проблема беженцев и мигрантов. Кыргызстан является единственной страной региона, принявшей беженцев таджикской войны. Следует также отметить, что в Кыргызстане сегодня имеются наиболее благоприятные условия для внутренней и внешней миграции населения. Внутренняя трудовая миграция населения характеризуется устойчивой тенденцией переселения сельских жителей в города. Очень распространена и межобластная миграция. Начиная с 1993 года, все более массовый характер приобретает внешняя трудовая миграция кыргызов и других этнических групп в Российскую Федерацию и Казахстан.

Четвертой особенностью центральноазиатского региона является то, что здесь этнонационализм тесно соприкасается с религиозным экстремизмом, что представляет собой серьезную проблему, которая способна нарушить стабильность и безопасность в регионе и привести к обострению межэтнической ситуации. События последних лет в Ташкенте, а также в

¹⁰² См.: Грозин А. Хлюпин В. Национальная безопасность Казахстана: проблемы и перспективы. - М. 1999. - СС. 112-113.

Баткенской области Кыргызстана показали, что Центральная Азия становится ареной столкновения геополитических интересов организаций исламского экстремизма, которые ищут своих сторонников не только в этническом и религиозном плане, но и пытаются манипулировать сепаратистскими настроениями внутри государств региона.

Таким образом, феномены этнонационализма, национального строительства, регионализма и глобализации тесно взаимосвязаны и имеют свои специфические особенности в каждой стране.

Что можно противопоставить этническому радикализму и как снять этнополитическую напряженность?

Возникает вопрос: каковы пути выхода из данной ситуации, что можно противопоставить этническому радикализму и как снять этнополитическую напряженность? Схематически представим некоторые общеизвестные методы.

Исходя из конструктивистского видения этнической проблематики и основываясь на американском опыте ее решения, в российской науке и политике большую популярность получила концепция «вытеснения этничности гражданственностью», когда новая нация-согражданство формируется путем деэтнизации. Аналогичная тенденция имеет место и в Кыргызской Республике. В Кыргызстане реализуется идея «Кыргызстан – наш общий дом», а механизмом этой реализации является Ассамблея Народа Кыргызстана, которой указом Президента Кыргызской Республики придан статус Консультативно-Совещательного Совета по вопросам межнациональных отношений и национальной политики.

Однако эти рецепты вытеснения этничности гражданственностью рассчитаны на долгие годы совместного проживания и постепенную адаптацию представителей так называемых нетитульных народов к новой этнополитической реальности. Здесь недопустима поспешность и экстраполяция политических решений, что может вызвать неадекватную

реакцию со стороны представителей малочисленных этносов.

Такая реакция последовала на акцию, стимулирующую искусственную деэтнизацию в стране, когда в 1996 году власти исключили графу «национальность» из новых кыргызстанских паспортов. Главы всех этнических диаспор Кыргызстана выступили против ликвидации этого пункта, мотивируя это тем, что исключение графы «национальность» насильственно лишает их своей этничности. Власти вынуждены были в срочном порядке восстановить пресловутую графу в паспортах.

Следующий рецепт основан на международном опыте решения этнонациональных коллизий, который предполагает реализацию таких основных прав этнических меньшинств как 1) право получать образование на родном языке; 2) право получать и распространять информацию на родном языке; 3) право объединяться по этнокультурным принципам; 4) право на участие в управлении государством¹⁰³. Если первые три основных права в большей или меньшей степени реализованы в постсоветских государствах через наличие вузов, школ, литературы, СМИ и национально-культурных центров, то четвертое право – право на участие в управлении государством – еще далеко от реализации.

Третьим вариантом решения этнонациональных проблем является реализация концепции поликультурализма, или «национально-культурная автономия», которая предполагает перенос акцента с национально-территориального на национально-культурный принцип. Широко распространено мнение, что национально-культурная автономия является наиболее действенной формой реализации прав и интересов этносов как на коллективном, так и индивидуальном уровнях.

Таким образом, процессы гармонизации и управления межэтническими отношениями требуют комплексного внедрения всех вышеуказанных

¹⁰³ Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE. – Copenhagen. - 5-29 June 1990. <http://www.osce.org/docs/english/1990-1999/hd/cope90e.htm>

вариантов, конечной целью которых является стихийный, добровольный процесс интеграции народов полиэтнического государства.

Безусловно, каждая нация должна сохранять и развивать присущие ей особенности, но сохранение собственных этнокультурных особенностей должно осуществляться только в русле мирового интеграционного процесса. Приоритетными должны стать права человека, а не отдельных сообществ, национальных государств и регионов. Международное сообщество столкнулось сегодня перед множеством проблем экологического, экономического, социального характера, которые даже демократический национализм навряд ли сможет разрешить.

РАЗДЕЛ II.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ГЛАВА 3.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

3.1. Из истории национально-государственного строительства Кыргызстана

После распада СССР и обретения Кыргызстаном государственной независимости в научных и общественно-политических кругах, а также в среде гражданского общества, резко возрастает интерес к истории, культуре и традициям кыргызского народа. В этом ряду особое место занимает проблема формирования и развития кыргызской государственности, которая по праву является одной из наиболее актуальных и сложных в отечественной истории.

Прошедшая в августе 2001 года Международная конференция ученых-специалистов России, Турции, Китая и ряда других стран, посвященная 2200-летию этнонима «кыргыз», пришла к выводу, что при устойчивости данного этнонима народ, который носил его в качестве самоназвания, находился в постоянном развитии, в непрерывном обновлении в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии в течение двух с лишним тысячелетий.

В частности, академик Массон В. М. отмечает, что «кыргызская государственность по своим параметрам аналогична структурам, нашедшим политическое воплощение в кочевых империях. Ярко здесь проявилась и такая особенность исторического процесса как пульсирующая ритмичность, являющаяся реальной антитезой эволюционистским воззрениям, особенно четко выраженной в формационном эволюционизме. И в культурогенезе, и в этногенезе, и в полигенезе налицо смена периодов консолидации, порой упадка,

стагнации и даже деградации. Это является реальным отражением сложного характера исторического процесса со всеми трудностями и препятствиями, которые приходилось преодолевать отдельным народам»¹⁰⁴.

Другой известный ученый, академик Плоских В. М., также указывает на то, что факт сохранения кыргызского этноса в течение тысячелетий свидетельствует о наличии государственности у наших предков. Так как в истории Центральной Азии в сравнении с некогда грозными современниками кыргызов – гуннами, саками, усунями, кыпчаками – а также появившимися позже тюрками, тюргешами, карлуками и многими другими, кыргызы не только не сошли с исторической арены и не ассимилировались с другими народами, но и сохранили свое этническое самоназвание и самобытность¹⁰⁵.

2 августа 2002 года вышел Указ Президента Кыргызской Республики «О проведении Года Кыргызской Государственности» в 2003 году - документ, давно и с нетерпением ожидавшийся в научно-образовательном сообществе, а также самых широких кругах республиканской общественности.

Данный указ получил большой общественный резонанс в многонациональном Кыргызстане, поскольку идея национальной государственности несла в себе всеобщее интегративное начало, без которого в глобализационном XXI веке не может полноценно существовать ни одно государство и общество. Кроме того, данная идея способствовала осознанию кыргызами своей полноценной и целостной истории, дающей право потомкам гордиться своими предками и сопереживать им в их долгом и трудном пути к будущему. Появление указа также подвело итоговую черту в научных дебатах о возрасте кыргызской государственности, тем самым обозначив разрешение одной из важнейшей и насущных проблем в истории кыргызов и Кыргызстана.

В декабре 2002 года Генеральная Ассамблея ООН приветствовала усилия,

¹⁰⁴ Евразийский путь политогенеза: развитие государственности в степных и кочевых обществах//Диалог цивилизаций. - Вып. 2 «Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (По материалам Международной конференции)». - Бишкек, 2003. - С. 16.

¹⁰⁵ См. Плоских В. М. История кыргызской государственности: итоги и перспективы исследования//Диалог цивилизаций. - Вып. 2 «Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (По материалам Международной конференции)». - Бишкек, 2003. - С. 51.

приложенные правительством Кыргызской Республики для провозглашения 2003 года Годом кыргызской государственности и организации мероприятий в его ознаменовании и предложила государствам-членам ООН, специализированным учреждениям и другим международным и межправительственным организациям и фондам принять участие в мероприятиях, устраиваемых Кыргызской Республикой в ознаменовании выпавшего на 2003 год торжества¹⁰⁶.

Длительный и сложный процесс формирования современной кыргызской государственности охватывает более чем двухтысячелетний период истории. За это время кыргызы из отдельного племени и союза племен превратились в самостоятельный этнос.

Академик Плоских В. М. выделяет следующие исторические этапы генезиса кыргызской государственности.

Первый этап (III-I вв. до н. э.) – истоки кыргызской государственности. Это - государство ранних форм, зависимое, а временами и независимое от гуннской империи.

Второй этап (VI-XIII вв. н. э.) – Государство енисейских кыргызов. Одним из выдающихся правителей этого государства был кыргызский каган Барс-бег. Его идея о гегемонии кыргызов в Центральной Азии была осуществлена в IX веке, названном академиком Бартольдом В. «временем Кыргызского Великодержавия».

Третий этап (XIII-XIX вв.) – период утерянной государственности и борьбы за ее восстановление. Это борьба была иногда успешной (государство Хайду и Мухаммед-Кыргыз), но чаще безуспешной (Алымбек датха, Ормон-хан).

Четвертый этап (1924-1936 гг.) – период советской государственности: от Кара-Кыргызской автономной области до союзной республики.

И наконец, пятый этап (1991 г.-настоящее время) – история суверенного Кыргызстана¹⁰⁷.

¹⁰⁶ См.: Проблемы политогенеза кыргызской государственности. - Бишкек: АРХИ, 2003. - С. 16.

¹⁰⁷ См. Плоских В. М. История кыргызской государственности: итоги и перспективы исследования//Диалог цивилизаций. - СС. 52-53.

«Кыргызы принадлежат к числу древнейших народов Центральной Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время нет, по-видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории»¹⁰⁸, - писал о кыргызах Бартольд В. В.

Впервые Владение Кыргыз упоминается в 201 году до н. э. в китайской исторической хронике «Исторические записки» (Ши-цзи), написанной «отцом истории в Китае» Сыма Цянем. По мнению Аристов Н. А., «древнейшее упоминание о кыргызах и их стране относится к 209-201 гг. до Р. Х., когда в числе северных владений, покоренных шаньюем хуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином»¹⁰⁹. Несмотря на то, что Владение Кыргыз было завоевано гуннами, оно продолжало сохранять известную самостоятельность даже в составе гуннской державы, а его правители вмешивались в династические распри гуннов и возводили на престол своих ставленников.

Сведения о кыргызском государстве несколько раз встречаются в надписях, оставленных на реке Орхон. На сегодняшний день известно свыше 120 кыргызских текстов на Енисее, в которых повествуется о государстве кыргызов и их правителях, военачальниках и дипломатах.

Переселившись в III-V веках на средний Енисей и в Минусинскую котловину, кыргызы создали раннефеодальное государство, известное далеко за пределами Южной Сибири. В этот период кыргызские послы регулярно посещали другие восточные государства: Китай, Тибет, Тюргешские Каганаты. Государство кыргызов было в дружественных отношениях с арабами. Из страны арабов к кыргызам каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных узорчатыми шелковыми тканями¹¹⁰.

В конце VII - начале VIII века во главе Кыргызского Государства стал талантливый полководец и дальновидный политик Барс-бек. Первая попытка, предпринятая Барс-беком в 710 году с целью установить кыргызское господство в Центральной Азии, закончилась поражением кыргызов. Сам Барс-

¹⁰⁸ Бартольд В. В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек: Шам, 1996. - С. 176.

¹⁰⁹ Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 143.

¹¹⁰ Бартольд В. В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. - С. 189.

бек погиб в битве с тюркским каганом. Почти на полвека Кыргызское Государство попало под гнет тюрков. В 745 году уйгуры разгромили тюрков и подчинили себе кыргызов в 758 году. Восстание, поднятое кыргызами против уйгуров в 795 году, потерпело неудачу.

В 820 году, воспользовавшись ослаблением Уйгурского Каганата, кыргызский правитель снова бросил вызов уйгурскому кагану. В 840 году кыргызский каган во главе сотысячной армии разбил противника и создал обширную Кыргызскую Империю на развалинах Уйгурского Каганата. Влияние нового государства распространилось на территорию всей Центральной Азии, его границы простирались от озера Байкал до Семиречья, от современных городов Томска и Красноярска до Великой Китайской стены и Восточного Туркестана. Однако Кыргызская империя просуществовала недолго и уже в X веке основная масса кыргызов оставила просторы Центральной Азии и возвратилась на свою первоначальную родину - Енисей. В длительных войнах людские ресурсы кыргызов были истощены. Кроме того, енисейские земледельцы и ремесленники не нашли удобных пашень на сухих плоскогорьях Центральной Азии. В X веке кыргызы удерживали только Алтай и Джунгарию¹¹¹.

В 60-е годы XIII века на Тянь-Шане возникло самостоятельное государство, правителем которого стал Хайду – правнук Чингисхана. Государство Хайду включало в себя земли бывших улусов Угэдэя и Чагатая, занимая территорию от Алтая до Амурдарьи. В 1293 году Хайду послал войска на помощь кыргызам, которые восстали против империи монголов, однако не смог предотвратить гибель государства Кыргыз на Енисее. Зато ему удалось защититть от репрессий кыргызов, которые находились в его владениях на Алтае и в Восточном Тянь-Шане. Со смертью Хайду в 1301 году началась длительная междоусобная война Чингизидов за власть.

После развала монгольской державы кыргызы Алтая и Джунгарии, а также территории современного Кыргызстана, входили в состав государства

¹¹¹ У истоков кыргызской государственности. - Бишкек, 1996. – СС. 8-9.

Моголистан. Последние 30 лет XIV века стали трагическими для населения Моголистана, особенно Тянь-Шаня. Походы правителя Мавераннахра Тимура привели к опустошению Тянь-Шаня, часть жителей которого была уничтожена или уведена в плен, оставшиеся же ушли в неприступные горные ущелья или вообще покинули пределы страны. Это привело к полному разорению городов на территории современного Северного Кыргызстана. Оседлоземледельческая культура перестала существовать, благодатный край обезлюдел.

В XV веке часть кыргызов Алтая переселилась на опустевшие земли Тянь-Шаня и прочно утвердилась здесь. Они ассимилировали малочисленные местные племена и стали основным ядром кыргызского этноса. Процесс сложения традиционной для кочевых тюркских народов дуальной этнополитической системы стал завершающим этапом формирования кыргызского этноса. У кыргызов Тянь-Шаня это выразилось в объединении всех племен в два крыла – правое и левое («онг канат» и «сол канат»), к нему примкнула группа ферганских племен «ичкилик». Все племена, вошедшие в эту этнополитическую систему, стали называться общим этнонимом «кыргыз». Это важное историческое событие произошло в конце XV - начале XVI века. В это время можно говорить об образовании на Тянь-Шане кыргызского этноса, сохранившего в основе родоплеменное деление и включающего в себя множество других некыргызских родоплеменных образований.

Сложившаяся система объединения кыргызских племен носила не только этнический, но и военно-политический и административный характер, то есть выполняла определенные государственные функции и была готова служить основой возрождения кыргызской государственности в новых географических и исторических условиях. Однако неблагоприятные внешнеполитические условия и постоянные междоусобные распри, затихавшие лишь на время борьбы за выживание с более сильными соседями, отодвинули решение данной проблемы до лучших времен.

Одна из успешных попыток консолидации кыргызских племен была предпринята одним из родоначальников иссык-кульских кыргызов Мухаммед-

кыргызом в начале XVI века, который вел активную дипломатическую, военную и внутривластическую деятельность с целью объединения кыргызских племен в составе единого государства. Хотя деятельность Мухаммед-кыргызца и не обеспечила ему прочный и длительный успех, тем не менее заслужила признание у кыргызов и его врагов, которые называли его «падишахом кыргызов».

Позже, в XVIII веке, в период ожесточенной борьбы с джунгарскими и кокандскими завоевателями такого же титула своими врагами был удостоен вождь племени кушчи и предводитель тянь-шаньских кыргызов Кубат-бий. Его действия, направленные на объединение кыргызских племен и создание кыргызского государства, не увенчались успехом.

После завоевания Кокандским ханством кыргызских владений, Кыргызская родоплеменная знать быстро завоевала себе авторитет в политических кругах ханства. Так, правитель Алая Алымбек-датка стал первым визирем ханства, приобрел большой политический вес и, пользуясь своим положением, пытался расколоть Кокандское государство, объединить всех кыргызов под своим руководством и создать тянь-шаньское ханство кыргызов. Однако идея объединения всех южных и северных кыргызов не состоялась, так как в Северном Кыргызстане уже начался процесс присоединения кыргызских племен к России.

Одну из последних неудачных попыток создать независимое кыргызское государство предпринял в конце 40-х годов XIX века верховный манап сарыбагышей - Ормон-хан. Однако и он не смог преодолеть трайбализм и сепаратизм феодальной родоплеменной знати и сплотить кыргызов, и вскоре погиб в феодальных распрях.

Присоединение Кыргызстана к России положило конец многочисленным попыткам государственного самоопределения кыргызов. В составе Российской империи кыргызы были разделены по территориально-административным единицам, которые зачастую не совпадали с этническими и племенными границами. Военно-колониальный характер режима и форм управления

территорией Кыргызстана, как и всего Туркестанского края, исключал не только малейшую возможность национально-государственного образования кыргызов, но и препятствовал их дальнейшей этнической консолидации. Так, идея национально-государственного возрождения проявилась в трагическом для кыргызского народа 1916 году, когда национально-освободительный характер восстания выразился в стремлении к независимости от российского колониального гнета¹¹².

Вопрос о национальном самоопределении кыргызского народа как практическая задача впервые выдвигается большевиками лишь после победы Октябрьской революции 1917 года.

3 ноября 1917 года, спустя 9 дней после победы Октябрьской революции и установления советской власти в стране, новое правительство провозгласило «Декларацию прав народов России», утверждавшую равенство и суверенность всех народов на территории бывшей Российской империи, а также их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Основываясь на этой Декларации, 20 ноября 1917 года правительством было принято обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором ранее угнетенные народы объявлялись свободными, они наделялись правом свободно и беспрепятственно устраивать свою жизнь.

Тем не менее, для кыргызов вышеупомянутые декларации советской власти были воплощены в реальность только спустя 7 лет. Лишь в 1924 году кыргызы сумели обрести свою государственность.

Процесс становления кыргызской национальной государственности был сложным и неоднозначным, что было обусловлено целым рядом субъективных и объективных причин.

В качестве субъективных причин можно, во-первых, назвать позицию политических и государственных деятелей центра по данному вопросу; во-вторых, действия некоторых общетуркестанских руководителей, не

¹¹² У истоков кыргызской государственности. – СС. 11-14.

признававших этнической и политической самостоятельности кыргызов; в-третьих, межгрупповую борьбу за власть внутри самих кыргызов, опасавшихся вероятного ослабления своих позиций в случае положительного решения данного вопроса¹¹³.

Помимо этого, имелись обстоятельства, способствовавшие решению данного вопроса в пользу кыргызской автономии. Первым и главным объективным фактором оказалась реальная и объективная этническая самостоятельность кыргызов, которые имели отличные от других центральноазиатских народов язык, культуру, территорию проживания, этническое самосознание и этноним.

Другим решающим фактором стала победа ленинской позиции по национальному вопросу на VIII съезде РКП(б). На этом съезде партии был документально закреплён программный принцип большевиков - право наций на самоопределение. Между тем, как равноправие наций и их право на самоопределение были провозглашены ещё первой программой партии, только во второй программе, принятой в 1919 году на VIII съезде РКП(б), они были закреплены. Опасения некоторых депутатов съезда о том, что данным правом могут воспользоваться не только трудящиеся, но и эксплуататорские слои национальных меньшинств, были опровергнуты Лениным, который сумел доказать принципиальную непреемственность замены понятия «самоопределение нации» понятием «самоопределение трудящихся»¹¹⁴. В то же время, реализация принципа самоопределения нации зависела от того, «на какой ступени исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»¹¹⁵. То есть партия фактически поставила под сомнение право отсталых народов самостоятельно решать свою судьбу. Более того, признание национально-государственного деления как переходной формы на пути к созданию единого государства пролетариата

¹¹³ У истоков кыргызской государственности. – С. 212.

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 162.

¹¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». – 9-е изд. – Т. 2. – М., 1970. - С. 79.

привело к установлению в дальнейшем жесткого тоталитарного режима.

Гражданская война внесла свои коррективы в реализацию вопроса о государственности наций и народностей. Лишь по окончании гражданской войны советским руководством предпринимается ряд мер в этом направлении. Постановление ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами» признает необходимость проведения в жизнь автономий для тех восточных национальностей, которые к тому моменту не имели автономных учреждений. X съезд партии, состоявшийся в 1921 году, определяет задачу партии – «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»¹¹⁶.

В таких условиях киргизской политической элитой в лице А. Сыдыкова, И. Арабаева и Ю. Абдрахманова предпринимается первая неудачная попытка образования самостоятельной Киргизской горной области. Следует отметить, что до последнего времени историки считали, что данная идея возникла в 1922 году. Однако, по свидетельству Ю. Абдрахманова, впервые вопрос об образовании самостоятельной административной области киргизов в составе Туркестанской области поднимался еще раньше - в 1921 году, во время приезда

¹¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. - Т. 2. - С. 366.

в г. Алма-Ата руководящих работников Турккомиссии ВЦИКа и Туркестана Сафарова и Ходжанова¹¹⁷.

Необходимость образования области обосновывалась, прежде всего, тем, что раздробленность и разбросанность кыргызского населения по отдельным областям, уездам и даже участкам Туркестанской республики препятствовало полноценному социально-экономическому и культурному развитию народа. Шла реальная ассимиляция кыргызов, проживавших в Ферганской области, узбеками, а в Сырдарьинской Джетысуйской областях – казахами. Дело дошло до того, что сами кыргызы стали называть часть южных кыргызов «чала сарт» (полуузбеки), а северных – «чала казах» (полуказахи)¹¹⁸.

Во-вторых, образование области должно было положить конец непрекращающимся и все обостряющимся антагонизмам между отдельными группами казахских и кыргызских руководящих работников Джетысуйской области.

В-третьих, подобное образование должно было способствовать искоренению басмачества в южной части Киргизии. По словам одного из руководителей басмачества на юге Киргизии Т. Джанызакова, обращавшегося с письмом к руководящим работникам Туркестанской республики, одно из условий скорейшей ликвидации басмачества - образование отдельной административной Киргизской области в составе Туркестанской республики¹¹⁹.

В марте 1922 года снова поднимается вопрос о выделении кыргызских уездов в отдельную Горную область. Это, прежде всего, было связано с предложением о включении Сырдарьинской и Джетысуйской областей в состав образованной в 1920 году автономии казахов. Данное предложение находит поддержку в Наркомате национальностей, тем самым создавая реальную угрозу для консолидации кыргызского народа.

В ответ на это, Секретариат ЦК КП(б) Туркестана принимает постановление о районировании Джетысуйской области и поручает

¹¹⁷ Юсуп Абдрахманов. – Бишкек, 2001. – С. 263.

¹¹⁸ Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. - Бишкек: Илим, 2003. – С. 22.

¹¹⁹ Цит. по: Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. – С. 23.

Президиуму ТуркЦИК опубликовать декрет об организации Горной области в составе Туркестанской республики, которая образуется из уездов: Пишпекского, Пржевальского, Нарынского и горного участка Аулие-Атинского. Остается открытым лишь вопрос о горной части Ферганы, населенной кыргызами.

26 марта 1922 года Президиум ТуркЦИК принимает решение об образовании особой области из районов, населенных кыргызами и дает указание Джетысуйскому облгоркому и облисполкому по подготовке учредительного съезда. 19 апреля 1922 года совместное заседание Семиреческого обкома партии и облисполкома принимает решение «О выделении Горной области, согласно постановления ТуркЦИКа от 26 марта 1922 года». Проведение съезда намечается не ранее июня 1922 года. Создается организационная комиссия по его созыву, в состав которой входят Сыдыков, Брюханов и Удалаев¹²⁰.

Однако вопрос об образовании Киргизской горной области вызвал сопротивление со стороны группы кыргызских работников во главе с Р. Худайкуловым. Их поддерживают руководящие работники в Алма-Ате и Ташкенте, которые отрицают само существование самостоятельного кыргызского этноса, рассматривая кыргызов как часть казахов.

22 мая 1922 года заседание исполбюро Джетысуйского обкома и президиум исполкома, заслушав информацию Худайкулова, выносит решение о несвоевременности выделения Киргизской горной области ввиду сложившегося экономического и политического положения в Семиречье. Несвоевременность эта заключается в незавершенности классового расслоения и земельно-водной реформы, сохранении пережитков патриархальных отношений и родоплеменной борьбы. Таким образом, обком и облисполком через два месяца после принятия решения об образовании Киргизской горной области резко меняют свою позицию и ставят такие условия, реализация которых невозможна была и спустя десятилетия. В результате, съезд, созванный 4 июля 1922 года,

¹²⁰ Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. – С. 25.

был распущен по указанию Сталина.

В апреле 1923 года состоялся XII съезд РКП(б), ставший последним съездом партии, на котором отдельным вопросом обсуждалась и принималась резолюция по национальной политике и самоопределению наций. На этом съезде Политбюро ЦК РКП(б) и лично Сталин приходят к окончательному решению о необходимости размежевания Средней Азии по национальному признаку, где каждая нация образует свою республику. Это становится новым импульсом для возобновления попыток кыргызов обрести свою государственность.

В январе 1924 года кыргызские делегаты XII съезда во главе с Ю. Абдрахмановым обращаются в ЦК РКП(б) с докладной запиской. В ней говорилось, что руководящим работникам партии до сих пор остается неизвестным реальное существование в Туркестане наряду с узбеками, таджиками и кайсак-кыргызами еще одной нации – кара-кыргызов. Главными причинами такой неизвестности были названы сходство в языке и однотипность хозяйствования у кайсак-кыргызов и кара-кыргызов. Авторы записки пытались обратить внимание высшего партийного руководства на последствия подобной неизвестности: неохваченность заселенных кыргызами районов социально-экономическими и политическими мероприятиями, отсутствие задачи повышения кара-кыргызской культуры, отсутствие активного включения кара-кыргызских трудящихся в партийно-государственную работу. В связи с вышеизложенным, авторы предлагали предпринять следующие меры: 1) признать кара-кыргызов самостоятельной нацией, 2) шире привлекать представителей кара-кыргызских трудящихся в органы партийной и государственной власти, 3) выделить государственные средства для культурно-просветительной работы среди кара-кыргызов на их родном языке, в первую очередь – для выпуска учебников и пособий¹²¹.

Хотя вопрос о создании самостоятельной кыргызской области открыто не ставился авторами записки, тем не менее главный замысел был понятен: от

¹²¹ Цит. по: У истоков кыргызской государственности. – СС. 217-218.

признания кыргызской нации на высшем партийном и государственном уровне до самостоятельной области был всего один шаг.

Итак, вопрос о национально-государственном размежевании Средней Азии уже стоял на повестке дня. Совещание членов и кандидатов в члены ЦК КП Туркестана, членов Президиума ТуркЦИКа и других руководителей Туркестанского края, проведенного 10 марта 1924 года, пришло к выводу о целесообразности создания Узбекской республики с автономией таджиков, Туркестанской республики, Кыргызской (Казахской) республики с автономией кара-кыргызов. Так начался следующий этап борьбы за создание кыргызской автономной области: в составе какой республики быть Кара-Киргизской автономной области – Российской Федерации или Казахстана? В конце концов победила группа в составе Сыдыкова, Арабаева и Абдрахманова, которые выступали за Кара-Киргизскую автономную область в составе РСФСР.

28 апреля 1924 года Средазбюро ЦК РКП(б) принимает постановление о целесообразности размежевания среднеазиатских республик по национально-территориальному признаку. Образуются временные (Узбекская, Туркменская, Кыргызская, Казахская, Таджикская) территориальные комиссии. 12 июня того же года подписывается постановление ЦК РКП(б) «О национально-государственном размежевании республик Средней Азии». 14 октября 1924 года II сессия ВЦИК Советов утверждает постановление ЦИК Туркестанской АССР о национальном размежевании. В этот же день принимается постановление об образовании Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР. Спустя почти 3 года после первой неудачной попытки образования Горной области, 27 марта 1925 года состоялся I Учредительный съезд Советов Кара-Киргизской автономной области, законодательно закрепивший образование кыргызской государственности в рамках советского государства¹²².

В конце мая 1925 года постановлением ВЦИК РСФСР Кара-Киргизская автономная область была переименована в Киргизскую автономную область. В ноябре 1925 года решением III сессии исполкома Киргизская автономная

¹²² Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. – С. 34.

область преобразуется в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (Киргизскую АССР) в составе РСФСР, а 1 февраля 1926 года Президиум ВЦИК принимает соответствующее решение. На основе Конституции СССР 1936 года, Киргизская АССР была реорганизована в Киргизскую Союзную Социалистическую Республику (Киргизскую ССР) в составе СССР.

С распадом СССР в 1991 году Киргизская ССР стала суверенным и независимым государством. 15 декабря 1990 года на III сессии Верховного Совета была принята «Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан». 31 декабря 1991 года была провозглашена «Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан».

После учреждения поста президента, 12 октября 1990 года Верховный Совет Киргизской ССР избрал Аскара Акаева Первым Президентом республики.

Введение поста президента в Кыргызстане было связано с появлением новых направлений в социально-политическом развитии республики. Начался новый этап развития кыргызской государственности, связанный с провозглашением суверенитета, свободным выбором народом Кыргызстана своего исторического пути. Назрела необходимость глубоких реформ во всех сферах общественной жизни и, в первую очередь, в политической сфере и сфере государственного управления. Необходимость социально-политических реформ, изменения структуры и функций государственной власти и общественного управления была обусловлена экономическими требованиями – формированием рыночных отношений и появлением новых форм собственности¹²³.

Конституция Кыргызской Республики была принята парламентом республики 5 мая 1993 года, изменена и дополнена в соответствии с Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Конституцию

¹²³ См. Жумалиев К. М., Ожукеева Т. О. XXI век: институт президентства в Кыргызской Республике. - Ч. 1. - Бишкек: Илим, 1998. - С. 25.

Кыргызской Республики» от 17 февраля 1996 года и Законом «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 18 февраля 2003 года.

Согласно Конституции, Кыргызская Республика – суверенная, унитарная, демократическая республика, построенная на началах правового, светского государства (ст. 1). Государственную власть в Кыргызской Республике представляют и осуществляют Президент Кыргызской Республики, Жогорку Кенеш Кыргызской Республики, Правительство Кыргызской Республики, местные суды и суды Кыргызской Республики (ст.7). Суверенитет Кыргызской Республики распространяется на всю ее территорию, тем самым создавая прочную правовую основу для создания национальной государственности. Идея национальной государственности рассматривается в неразрывной связи с правами и свободами человека.

3.2. Советская национальная политика

Этническая ситуация в досоветский период

Во второй половине XIX века различные этносы проживали на территории современного Кыргызстана. Второй по численности этнической группой после кыргызов были узбеки. Татары, дунгане, уйгуры и казахи были немногочисленны.

В результате иммиграции, начавшейся сразу же после завоевания Кыргызстана Российской империей в 60-х годах XIX века, этническая ситуация в регионе начала радикально меняться.

С одной стороны, инициированное царским правительством аграрное переселение русских и украинских крестьян из внутренних губерний России и Сибири и их расселение на современной территории Кыргызстана способствовали формированию здесь полиэтнического общества. Согласно некоторым подсчетам, к 1914 году численность русских и украинцев в регионе

достигла 122,000 человек¹²⁴.

С другой стороны, начавшаяся во второй половине XIX века миграция других этнических групп на территорию Кыргызстана. В частности, первые татары появились в кыргызском крае еще до его присоединения к России. Немало их прибыло вместе с русскими войсками в качестве солдат, офицеров, переводчиков, маркитантов. Тем не менее, основная их часть переселилась из Центральной России уже после завоевания Кокандского ханства. Эти татары были, в основном, выходцами Казанской, Уфимской, Оренбургской, Томской, Тобольской губерний, уроженцами Петропавловского уезда, г. Верного и других областей.

В рассматриваемый период на территорию Кыргызстана переселилось 14,000 дунган. Сначала, в 1877 году, переселились дунгане Кашгара. В 1881-1883 годах состоялся второй этап миграции дунган, на этот раз из Кульджинского района Китая. Дунгане расселились в г. Ош, в окрестностях городов Каракол и Токмак, в Пишпекском уезде.

В период с 1863 по 1866 в северную часть Кыргызстана прибыло более 10,000 калмыков из Китая. После 1882 года большинство их откочевало обратно в Китай. Оставшиеся расселились вблизи г. Каракол.

После завоевания Кыргызстана Россией на его территории появились первые представители немецкого населения. Ими было основано несколько поселений в низовьях реки Талас.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX веков этническая ситуация в Кыргызстане претерпела серьезные изменения, которые привели к значительному увеличению численности некоренных народов. В результате миграций, к началу XX столетия на территории Кыргызстана проживали кыргызы, узбеки, русские, украинцы, дунгане, калмыки, уйгуры, немцы, а также представители еще 40 этнических групп, численность которых была незначительна¹²⁵.

¹²⁴ Кронгардт Г. Л. Население Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. - Бишкек, 1997. - С. 27.

¹²⁵ Кронгардт Г. Л. Население Кыргызстана во второй половине XIX – начале XX вв. - С. 33.

Этническая ситуация в советский период

Установление советской власти в Кыргызстане положило начало процессам культурной революции, коллективизации и индустриализации, которые обусловили дальнейшую иммиграцию славянских народов в центральноазиатский регион. Если в 1926 году удельный вес русских и украинцев в республике составлял 11.7% и 6.4%, то через 10 лет их доли возросли до 20.8% и 9.4% соответственно. Русские и украинцы расселялись в столице республики - г. Фрунзе, а также других городах и поселках, где зарождались промышленные предприятия, добывающая и перерабатывающая индустрии¹²⁶.

Если преобладающее большинство славянского населения появилось в республике в результате целенаправленных и регулируемых центром миграций, то неславянские народы появились в Кыргызстане вследствие инициированных Сталиным этнических депортаций.

В 1937 году в Кыргызстан были депортированы курды Армении и Азербайджана. Великая Отечественная война стала поводом для массового выселения немцев Поволжья, корейцев Дальнего Востока, народов вновь присоединенных территорий Бесарабии, Западной Украины, Прибалтийских республик, а также ингушей, карачаевцев, чеченцев, балкарцев, калмыков, крымских татар, турков-месхетинцев из Северного Кавказа¹²⁷. Притоку некоренного населения в республику в советский период способствовали и трагические события 1933 года в Казахстане. Тогда в результате массового голода в Кыргызстан хлынули жители соседней республики.

Этнические миграции стали основной причиной уменьшения удельного веса кыргызов в республике, особенно ее городских жителей. Согласно

¹²⁶ Орусбаев А. Языковая жизнь Киргизии. - Фрунзе: Илим, 1990. - С. 29.

¹²⁷ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. - М., 2001. - <http://www.memo.ru/history/deport/>

всесоюзной переписи 1959 года, кыргызы составляли 40.5% среди республиканского населения и 13.3% среди городского (См. Таблицу 3.1).

Таблица 3.1. Удельный вес кыргызов среди городского и сельского населения в Кыргызстане по основным переписям, (%)

	1959	1970	1979	1989	1999
Кыргызская Республика	40,5	43,8	47,9	52,4	64,6
Городское население	13,3	17,0	22,9	29,9	51,7
Сельское население	54,2	59,8	63,4	66,2	71,9
г. Бишкек	10,4	12,7	17,0	22,9	52,2
Городское население	9,5	12,3	16,9	22,7	52,1
Сельское население	14,6	33,0	25,1	49,6	69,8
Чуйская обл.	21,6	22,5	24,8	29,3	43,8
Городское население	7,0	8,4	10,4	16,6	31,2
Сельское население	25,5	26,9	30,2	34,4	47,3
Иссык-Кульская обл.	50,8	56,7	62,8	67,7	79,4
Городское население	20,9	26,8	36,7	46,8	67,0
Сельское население	61,1	68,6	73,9	77,5	84,9
Таласская обл.	60,4	65,9	71,0	76,9	88,5
Городское население	17,9	25,4	30,7	50,6	81,1
Сельское население	67,3	72,8	77,6	82,0	90,0
Нарынская обл.	86,2	93,8	96,0	97,1	98,7
Городское население	54,3	80,5	87,0	92,2	97,0
Сельское население	94,6	96,3	98,0	98,4	99,1
Ошская обл.	51,4	52,0	57,0	56,7	63,8
Городское население	12,6	15,1	26,2	22,6	33,6
Сельское население	64,1	66,9	70,1	70,3	72,9
Джалал-Абадская обл.	46,6	52,4	57,1	60,9	69,8
Городское население	12,6	18,1	26,0	41,1	64,2
Сельское население	64,0	67,6	70,0	69,3	71,5
Баткенская обл.	41,1	53,7	53,2	65,7	74,3
Городское население	12,6	25,0	24,8	39,4	59,4
Сельское население	63,9	69,4	65,7	75,0	77,8

Источник: Население Кыргызстана: итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах. - Кн. 2. – Ч. 1. - Бишкек, 2000. - С. 81.

Между тем, уменьшение населения края произошло еще в составе Российской империи вследствие геноцида кыргызского народа в 1916 году. Тогда общая убыль кыргызского населения только в северной части

Кыргызстана составила почти 120,000 человек, или 41.4% кыргызов¹²⁸.

В 70-е годы прошлого века начинается процесс роста гомогенности этнического состава населения республики в пользу титульного этноса. Эмиграция русских, украинцев, немцев, а также высокий уровень рождаемости среди кыргызов, узбеков и таджиков, кардинально изменили этническую ситуацию. Данные переписей 1979 и 1989 годов очевидно свидетельствует об этом (См. Таблицу 3.2). Например, в период с 1979 по 1989 годы численность русских, украинцев, немцев и татар снизилась, в то время как численность кыргызов, узбеков, таджиков и турков выросла за этот же период.

Таблица 3.2. Изменение численности постоянного населения отдельных национальностей в Кыргызской Республики, (чел.)

Национальност ь	Население			Удельный вес		
	1979	1989	1999	1979	1989	1999
Кыргызская Республика	3522832	4257755	4822938	100	100	100
Кыргызы	1687382	2229663	3128144	47.9	52.4	64.9
Узбеки	426194	550096	664953	12.1	12.9	13.8
Русские	911703	916558	603198	25.9	21.5	12.5
Дунгане	26661	36928	51766	0.8	0.9	1.1
Украинцы	109324	108027	50441	3.1	2.5	1.0
Уйгуры	29817	36779	46733	0.8	0.9	1.0
Татары	71744	70068	45439	2.0	1.6	0.9
Казахи	27442	37318	42657	0.8	0.9	0.9
Таджики	23209	33518	42636	0.7	0.8	0.9
Турки	5160	21294	33327	0.1	0.5	0.7
Немцы	101057	101309	21472	2.9	2.4	0.4
Корейцы	14481	18355	19764	0.4	0.4	0.4
Другие	88658	97842	72408	2.5	2.3	1.5

Источник: Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. - Бишкек, 2000. - С. 26.

¹²⁸ Элебаева А. Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии: динамика развития. – Бишкек, 2001. - С. 71.

Вместе с тем, период с 50-х до начала 90-х годов XX века был отмечен усилением внутренней миграции кыргызов, главным образом, из деревень в города. Исторически сложилась так, что большая часть кыргызов проживала и проживает в сельской местности, горных и предгорных районах, где они были заняты в наиболее трудоемких и неквалифицированных низкооплачиваемых сельскохозяйственных отраслях: отгонном животноводстве, табаководстве и других. Создание новых рабочих мест на вновь открывшихся предприятиях и стремление нового поколения кыргызов получить высшее образование заставляло кыргызов мигрировать в города.

Политика большевиков по национальному вопросу

Политика большевиков в национальном вопросе на протяжении всего периода их правления была подчинена главной идеологической доктрине - созданию однородных по своей социальной природе «социалистических наций» трудящихся, между которыми не должно быть никаких противоречий. В дальнейшем ожидался процесс сближения между ними и дальнейшего слияния в новой наднациональной общности – «советском народе».

Революция 1905 года внесла значительные коррективы в национальную политику политических партий. Так, признавая необходимость привлечения национальных меньшинств на сторону революции, Ленин выступил инициатором и проводником политики самоопределения наций. Отвергая программу австрийских социал-демократов о культурных автономиях, он утверждал, что национализм неизбежен и что вскоре после того, как мировой пролетариат утвердился на своих позициях и объединится под руководством Коммунистической партии, национализм и национальности исчезнут, уступив место новому порядку, в основе которого будет лежать не национальное, а классовое разделение.

В отличие от своих политических противников, которые выступали под лозунгом «единой и неделимой России», большевики поддержали

национальные движения среди нерусских народов национальных окраин. Основными пунктами их национальной программы были провозглашены отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населявших территорию России. В первом Советском Правительстве был создан особый орган - Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил И. В. Сталин.

Декларации большевиков были с энтузиазмом поддержаны на национальных окраинах страны и обеспечили новой власти необходимую поддержку¹²⁹. Именно с этого момента начинается гигантский социальный эксперимент так называемого «национально-государственного строительства» - создание единственного в мире государства, построенного по этнократическому принципу. Для его реализации в 1920 году была проведена первая советская перепись населения, в программу которой был специально включен вопрос о национальности. Так впервые была введена практика фиксирования этнической принадлежности на государственном уровне, причем на основе исключительной идентичности: каждый гражданин должен был определить свою национальность по одному из родителей. Для закрепления этой системы с 1934 года в паспортах граждан страны обязательно записывались национальность каждого гражданина и изменить ее в дальнейшем он уже не имел права.

По мере укрепления своей власти, большевики фактически изъяли из своей программы право на сецессию, объявив сторонников образования независимых национальных государств «буржуазными националистами». В качестве обоснования своей политики был выдвинут тезис о ликвидации фактического неравенства наций в процессе целенаправленной экономической и культурной помощи отставшим в социальном отношении народам со стороны более развитых. Поэтому право на самоопределение стало пониматься как требование равенства всех национальных групп в рамках единого

¹²⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. - Том 3. - М., 1981. - С. 81.

социалистического строя. Современный национализм являлся теперь результатом неравенства наций, вызванного империалистическим угнетением и эксплуатацией. При социализме же, когда будет реализовано не только формальное, но и фактическое равенство между людьми, право на самоопределение сможет быть воплощено на практике.

Реализация национальной программы большевиков столкнулась с огромными трудностями, главной из которых было невозможность фактически провести административные границы по этническим границам. Поскольку в территориальном отношении население страны было во многих регионах этнически смешанным, а границы самой этничности крайне подвижными, было невозможно четко определить номенклатуру советских национальностей, а тем более установить для каждой из них свою территорию. К работе по «национальному размежеванию» были привлечены этнографы и другие специалисты, которые приступили к «территориализации» этничности, заложив с тех пор мощную традицию этнического картографирования.

Национальное размежевание республик Центральной Азии

Точкой отсчета в реализации программы национально-государственного строительства в центральноазиатском регионе Советского Союза можно считать национально-территориальное размежевание 1924 года. Согласно первоначальному плану большевиков, демаркация границ региональных автономий должна была проводиться в соответствии с экономическим и национальным составом регионов. Однако ситуация в Центральной Азии оказалась намного сложнее. В этом регионе принцип «экономической целесообразности» фактически не действовал. Поэтому в основу национально-территориального размежевания в Центральной Азии были положены национальный и лингвистический признаки.

Между тем, Центральная Азия до национального размежевания 1924 года

не имела четких этнических и языковых границ, как и не существовало развитого этнического самосознания у центральноазиатских народов за пределами узкой группы образованной интеллигенции. Главными критериями при идентификации местного населения служили место рождения или племя, и принадлежность к общей мусульманской общине. Лингвистический критерий также не мог служить основой для этнической идентификации, поскольку билингвизм был распространенным явлением среди местных народов.

По поводу оценки ситуации, связанной с территориальным размежеванием центральноазиатского региона, весьма интересным является мнение известного ученого-востоковеда, академика В. В. Бартольда, который отмечал, что «национальный принцип... был выработан западноевропейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим условиям»¹³⁰. Другой не менее известный исследователь Центральной Азии, А. Беннигсен, отмечал, что у советских мусульман существует три уровня этнического самосознания: субнациональный, наднациональный и национальный. Если субнациональный и наднациональный уровни имеют давнюю историю и коренятся глубоко в культуре региона, то национальный - результат советской политики 1924 года, направленной на раздел и подчинение Центральной Азии¹³¹.

В феврале-марте 1924 года ЦК Компартий Бухары, Хорезма и Туркестана приняли постановления, которые поддержали национальное размежевание. В апреле 1924 года Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) одобрило эти постановления. В том же году для проведения национального размежевания Среднеазиатским ликвидационным комитетом была создана специальная территориальная комиссия, которая была призвана установить границы центральноазиатских республик.

В 1918 году кыргызы входят в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. В 1924 году в результате принятого постановления ЦК РКП(б) «О национально-государственном размежевание

¹³⁰ Бартольд В. В. О национальном размежевании в Средней Азии//Восток. - 1991. - №5. - С. 165.

¹³¹ Bennigsen A. Several nations or one people? Ethnic consciousness among Soviet Central Asian Muslims//Survey. - 1979. - Vol. 24.- No 3. - P. 51.

республик Средней Азии» образуется Кара-Киргизская Автономная Область в составе РСФСР, впоследствии переименованная в Киргизскую Автономную Область. В 1926 году Киргизская Автономная Область реорганизуется в Киргизскую Автономную Республику, а в 1936 году обретает статус Киргизской Советской Социалистической Республики.

У большевиков было несколько причин в пользу размежевания Центральной Азии. Одна из причин исходила из убежденности, что национальное размежевание облегчит организацию и планирование в Центральной Азии. Другой причиной стало стремление советского руководства сделать Туркестан показательной моделью советской национальной политики и аванпостом революции в Азии. Кроме того, большевики надеялись, что образование новых национальных государств временно удовлетворит требования национальных меньшинств и ослабит межэтнические противоречия, а акцент на национальных различиях и введение единой образовательной системы будут способствовать стиранию межплеменных различий и культурных противоречий между кочевым и оседлым населением, порождая национальное самосознание. Национальные различия исчезнут, как только пролетариат Туркестана осознает, что у него нет страны, что национализм - ничто, а классовая борьба – все.

Критики советской политики делимитации усматривают много противоречий в этих аргументах. Многие из них считают, что основным мотивом реорганизации стал принцип «разделяй и властвуй». Согласно этому принципу, раздел Центральной Азии был направлен на предотвращение объединения и консолидации тюркских народов на основе идей пантюркизма¹³².

Итак, согласно определенной исторической воле после Октябрьской революции народы Средней Азии встали перед необходимостью перехода от одной исторической эпохи к другой. При этом отсутствовала возможность

¹³² Sabol S. The creation of Soviet Central Asia: the 1924 national delimitation//Central Asian Survey. - 1995. - Vol. 14. - No 2. - PP. 225-241.

постепенного перехода, когда новые политические институты советской национальной государственности создавались бы постепенно, эволюционным путем. Более того, эти новые политические институты не имели традиций социокультурной преемственности в среднеазиатском обществе, а были заимствованиями российских политических институтов и имели те же принципы властных структур.

Проведенная в колониальном стиле реорганизация в определенной мере ускорила процессы этнической консолидации, которые, наряду с позитивными, имели и отрицательные последствия для народов Средней Азии. Во-первых, это резкое снижение роли Хивы, Бухары, Самарканда и других городов, а также ломка всей системы исторически сложившихся взаимосвязей в регионе. Во-вторых, создание «национальных» псевдореспублик по европейскому образцу прервали естественный процесс модернизации и создали новые факторы межэтнической напряженности и конфликтов, существенно замедлив процесс формирования гражданского общества в регионе.

Установление Советской власти в Средней Азии сопровождалось жесткими репрессиями и массовой эмиграцией местного населения за пределы региона в страны Востока и Запада. Регион покинуло несколько сот тысяч человек, среди которых, главным образом, были представители национальной элиты и рядовые участники вооруженного движения движений басмачества. Они составили многочисленную диаспору центральноазиатских народов за рубежом¹³³.

Перенос европейских принципов построения государственности был связан с основной стратегической установкой партии на то, что можно построить новое социалистическое общество на любой стадии социально-экономического развития, включая феодальные и дофеодальные социально-экономические отношения, что, по существу, и явилось основным содержанием концепции некапиталистического пути развития.

¹³³ Масов Р. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. - Душанбе, 1988. - С. 185.

Конституция СССР и национально-государственное строительство

В 1924 году была принята первая Конституция Союза Советских Социалистических Республик, которая, тем не менее, не положила конец процессу национально-государственного строительства. В 30-е годы процесс образования новых национально-территориальных единиц продолжился, кроме того имели место многочисленные изменения уже существующих границ и статусов. Так, конституция 1936 года зафиксировала 11 союзных республик, в которые вошли 22 автономные республики и 8 автономных областей и округов. Вместе с тем, основной закон вновь подчеркнул добровольный характер единства «равноправных социалистических республик» в рамках СССР, провозгласил равенство граждан независимо от национальности и расы, и подтвердил, что любое прямое или косвенное нарушение прав трудящихся по национальному признаку карается законом (Статья 123). В 1940 году СССР принял еще 4 союзные республики: Латвию, Литву, Эстонию и Молдавию.

Конституция 1977 года воспроизвела основные положения предыдущих. Как и в предыдущих, в этой конституции при формальном признании равенства народы ранжировались по уровню суверенитета в союзных и автономных республиках. Кроме того, в основной закон был включен тезис об ограниченности суверенитета союзных республик, то есть само право выхода из СССР декларировалось, но его условия никак не оговаривались, что делало эфемерной любую попытку суверенизации.

Согласно последней конституции, «семья советских народов» была обустроена следующим образом: 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. Итого 53 национально-территориальных образования. Причем, территории были предоставлены лишь «опорным» нациям. В итоге, из более чем 130 национальностей, населяющих СССР, около 80 не получили никаких

национально-государственных образований¹³⁴.

На этом фоне стало набирать силу местничество, снижался уровень ответственности за состояние дел в коллективе, городе и республике. Проявления национального нигилизма и местничества, шовинизма и национализма, сочетались с неоправданными ограничениями прав национально-государственных образований, господством ведомственного подхода в решении региональных социально-экономических вопросов, формализацией идеологической и воспитательной работы, дегуманизацией и деперсонализацией межнациональных отношений.

Следует отметить, что до 1986 года о межнациональных конфликтах в СССР публично ничего не говорилось. В решениях съездов КПСС был сделан однозначный вывод о том, что национальный вопрос в Советском Союзе решен полностью и окончательно. И надо признать, что тоталитарный Советский режим не допускал крупных открытых межнациональных столкновений, хотя на бытовом уровне продолжали существовать межнациональные антипатии и трения, как и наблюдались единичные преступления на этой почве.

Наряду с процессом национально-государственного развития шел интенсивный процесс русификации нерусских народов. Национализм, постоянно стимулировавшийся русификаторской политикой царского самодержавия, получил дальнейшее развитие в реализации советской концепции о ведущей роли русской нации, что в определенной мере предполагало и её господство. Русский национализм, в свою очередь, порождал и стимулировал различные виды антирусского национализма.

В середине 1930-х годов победила ассимиляторская концепция «зональных языков», выдвинутая И. Сталиным. Суть данной концепции состояла в том, что ассимиляция этнических меньшинств более крупными народами и, как следствие, исчезновение письменности на их языках, приведет к ликвидации дробных форм территориальной автономии и к прекращению

¹³⁴ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. - Т. 1. - Москва, 1992. - СС. 33-34.

грамотности на языках ряда этнических меньшинств.

Результаты данной национальной политики наглядно проявились в официальной статистике государства. Анализ советской статистики выявил, что численность народов СССР с почти 200, отраженных переписью 1926 года, снизилась до «100 наций и народностей», как провозгласил советский официоз в 80-е годы¹³⁵.

В связи с реформой школы в 1958 году был принят закон, согласно которому изучение национального языка и обучение на нем ставились в зависимость от воли родителей. В конкретных условиях страны того времени, предполагавших, что будущий статус ребенка (как в собственной национальной автономии, так и в стране в целом) зависит от его знания русского языка и вовлеченности в русскую культуру, это решение имело весомый ассимиляторский оттенок. Нежелание изучать русский язык не влекло каких-либо санкций, но было поставлено в ранг естественно необходимого.

Фиктивная федерализация и автономизация страны с четырьмя неравноправными уровнями национально-государственных и национально-административных образований (союзная республика, автономная республика, национальная область, национальный округ) на волонтаристски нарезанных территориях, на которых исторически проживали и другие народы, заложили под национальный вопрос в СССР мину замедленного действия. Последующие волевые изменения границ национальных образований и передача огромных территорий (например, Крыма) из одной республики в другую без учета исторических и этнических особенностей, депортация целых народов с родных земель и рассеивание их среди других национальностей, огромные миграционные потоки, связанные с массовым выселением людей по политическим мотивам, с великими советскими стройками, такими как освоение целины и другими процессами, окончательно способствовали перемешиванию народов СССР.

¹³⁵ Борисов Ю., Дмитренко В., Журавлев В., Красовицкая Т., Ненароков А. Национальный вопрос на перекрестке мнений в 20-е года. - М., 1992. - С. 71.

Период с 60-х по 80-е годы XX столетия, получивший название эпохи «брежневского застоя», стал особым в истории советских национальностей. В этот период было провозглашено построение «общенационального государства», пришедшего на смену «государства диктатуры пролетариата», а в связи с этим и «создание новой исторической общности людей - советского народа». Данная концепция имела в основе два фактора: массовое распространение русского языка и принадлежность к общеевропейской индустриальной культуре.

В то же время, в результате целенаправленных усилий со стороны центра, в федеральных и автономных республиках сложились многочисленные и высокообразованные национальные элиты. Формирование национальных элит из числа нерусских народов стало приоритетным направлением советской национальной политики. В сфере подготовки «национальных кадров» действовала своего рода система преференций, согласно которой готовились специалисты для республик, начиная от партийных работников и инженеров, вплоть до гуманитарной интеллигенции и научных работников высшей квалификации. Кроме того, в самих республиках воспроизводство интеллектуальных и управленческих элит приняло беспрецедентно широкие масштабы. И доля обладателей вузовских дипломов, кандидатов и докторов наук среди народов Закавказья и Центральной Азии была выше, чем в целом среди населения распавшегося Союза¹³⁶.

Нерусские элиты были включены в состав нового правящего класса номенклатуры, посредством которого проводилась национальная политика на местах. Однако пополнение советской номенклатуры представителями нерусских народов СССР происходило не только по партийным, но и по административным каналам. Вместе с тем, если национальную номенклатуру можно было создать «ударными темпами», то на формирование технической и научной интеллигенции уходили многие годы. Поэтому, несмотря на явное поощрение создания «национальных кадров» со стороны государства, даже в

¹³⁶ Кузеев Р. Г. Национальные движения и федерализм в России//Советская этнография. - 1993. - № 6. - С. 24.

конце 1980-х годов прошлого столетия среди народов СССР сохранялись существенные межэтнические различия по доле научно-технической элиты в составе соответствующей этнической группы. Эти различия компенсировались целенаправленными межрегиональными, в том числе и межреспубликанскими миграциями.

Доступ к власти жестко контролировался через систему партийной номенклатуры. Правящая элита в центре, особенно на уровне высшего партийного аппарата и правительства, хотя и включала в себя представителей различных этнических групп, была безоговорочно лояльна правящему режиму. В составе Политбюро ЦК КПСС были зарезервированы места для партийных лидеров самых крупных республик. На уровне членов ЦК КПСС и депутатов Верховного Совета СССР также присутствовала номенклатурно рассчитанная этническая мозаика. Но уже в составе аппарата ЦК КПСС и министерств, престижных представительских институтов, средств идеологического контроля господствовали русские, или москвичи иного этнического происхождения, подвергшиеся сильной аккультурации (украинцы, армяне, грузины и другие). Армейский состав и дипломатический корпус состояли из русских и отчасти украинцев.

В 70-е годы XX века начинается процесс роста гомогенности этнического состава населения большинства республик в пользу титульных национальностей. Основной причиной этого был отъезд русских из регионов Средней Азии и Закавказья. В результате, увеличилась конкурентоспособность со стороны титульных групп за контроль институтов власти и распределения ресурсов. Однако в таких республиках, как Украина, Казахстан, Белоруссия, Латвия и Эстония доля русских, наоборот, увеличилась, что, в свою очередь, стало фактором обеспокоенности национальных элит по утрате доминирующих позиций и опасности еще большей аккультурации в пользу русской культуры и русского языка.

Таким образом, советская национальная политика, сформулированная еще Лениным с помощью формального принципа «право наций на

самоопределение», разрушила старую административно-территориальную систему и поставила во главу угла не человека с его неотъемлемыми правами и законными, в том числе национальными интересами, а отдельные нации с их особыми правами и особыми национально-властно-территориальными притязаниями, реализуемыми нередко в ущерб другим народам и общепризнанным правам человека. Национально-культурная автономия, принятая во всем мире и позволяющая другим народам без причинения им ущерба удовлетворять свои национально-культурные потребности в едином общеправовом пространстве, была отвергнута большевиками, ибо была неприемлемой в рамках тоталитарного режима.

3.3. Национальная политика и этническая ситуация в суверенном Кыргызстане

Этническая ситуация в независимом Кыргызстане

В настоящее время, Кыргызская Республика представляет собой полиэтничное государство, в котором проживают представители более 90 этносов. Из них 12 национальностей имеют численность более 20,000 человек.

Все население Кыргызстана можно разделить на три группы. Первая группа состоит из тех этносов, чей удельный вес вырос за десятилетний промежуток между двумя переписями 1989 и 1999 годов. К этой группе относятся, прежде всего, кыргызы, чья численность увеличилась на 900,000 человек, или 40%. В результате, их доля выросла с 52.4% в 1989 году до 64.9% в 1999 году. Численность турков увеличилась на 12,000 человек (57%), дунган – на 15,000 человек (40%), уйгур – на 10,000 человек (27%). Население узбеков увеличилось на 115,000 человек (21%), а их удельный вес вырос с 12.9% до 13.8%, так что в 1999 году они стали второй после кыргызов этнической группой в Кыргызстане. Увеличение населения этой группы этносов обусловлено естественным приростом населения. В то же время, рост числа

таджиков в республике (на 27%) связан с массовой миграцией беженцев из Таджикистана (См. Таблицу 3.3).

Вторая группа включает народы, чья численность за период между двумя переписями резко снизилась. В связи с миграцией, сократилась численность русских на 300,000 человек. В итоге, их удельный вес сократился с 21.5% в 1989 году до 12.5% в 1999 году. Численность немцев упала на 80,000 человек, или с 2,4% до 0,4%, украинцев – на 57,000 человек, с 2.5% до 1%, татар – почти на 25,000 человек, с 1.6% до 0.9%¹³⁷.

В третью группу входят этносы, чья численность изменилась незначительно или совсем не изменилась за десятилетний период. К ним относятся армяне, молдаване, грузины, туркмены, литовцы и эстонцы.

Этнические группы проживают компактно на территории республики. Например, почти все население Нарынской и Таласской областей составляют кыргызы (См. Таблицу 3.3). Русские и украинцы проживают на севере республики: в г. Бишкек, Чуйской и Иссык-Кульской областях. Узбеки – выходцы южных Ошской и Джалал-Абадской областей.

Таблица 3.3. Этническая композиция Кыргызской Республики в 1999 по областям, (%)

Национ-ть	Кыргыз Респуб.	Бишкек	Чуй. обл.	Иссык-Кульс. обл.	Талас. обл.	Нары н. обл.	Ош. обл.	Джала л-Абад. обл.	Батке н. обл.
Кыргызы	64,9	52,2	43,8	79,4	88,5	98,7	63,8	69,8	74,3
Узбеки	13,8	1,6	1,8	0,8	0,9	0,3	31,1	24,4	14,4
Русские	12,5	33,2	31,9	13,2	4,0	0,3	1,3	2,1	2,2
Дунгане	1,1	0,5	5,7	0,7	*	*	*	*	*
Украинцы	1,0	2,1	3,3	0,6	0,7	*	*	0,3	*
Уйгуры	1,0	1,7	1,9	1,0	*	*	0,9	0,4	*
Татары	0,9	2,1	1,1	0,7	0,2	*	0,6	0,8	1,0
Kazakhs	0,9	1,6	2,3	1,7	1,7	*	*	*	*
Tajiks	0,9	0,2	0,3	*	*	*	0,5	0,6	6,9
Turks	0,7	0,3	1,7	*	0,7	*	0,9	0,6	0,3
Немцы	0,4	0,7	1,8	*	0,3	*	*	*	*
Корейцы	0,4	1,7	0,7	*	*	*	*	*	*
Калмыки	*	*	*	1,3	*	*	*	*	*

¹³⁷ Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. - Бишкек, 2000. - С. 27.

Азербайджанцы	0,3	0,3	1,0	*	*	*	*	*	*
Курды	0,2	*	0,5	*	2,3	*	*	0,2	*
Другие	1,0	1,8	2,2	0,6	0,7	0,7	0,9	0,8	0,9

Национальности, обозначенные * составляют незначительный процент населения и включены в группу «Другие».

Источник: Население Кыргызстана: итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах. - Кн. 2. – Ч. 1. - Бишкек, 2000. - СС. 72-78.

Межэтнические отношения

Либерализация социально-политической и общественной жизни в конце 80-х годов и провозглашенный курс на демократизацию и соблюдение прав человека способствовали росту этнического самосознания всех этносов Кыргызстана. В то же время, суверенизация республики и введение института президентского правления сопровождалась рядом серьезных изменений в этнической ситуации республики.

Новая этнополитическая ситуация характеризовалась политизацией этнического фактора, обострением политической борьбы и поляризацией населения по национальному признаку, что объяснялось тем, что суверенитет в республике воспринимался определенной частью коренного населения как суверенитет титульного этноса и создание приоритетов для него во всех сферах жизнедеятельности. Такая моноэтническая окраска в достижении суверенитета республики в условиях полиэтничности ее населения способствовала возникновению межэтнической напряженности. Вследствие низкой политической культуры, политическое противоборство сторон нередко выливалось в насильственные методы решения межнациональной напряженности, что наглядно проявилось в трагических событиях Ошского межнационального конфликта 1990 года¹³⁸.

На обострение межнациональной ситуации в республике оказала влияние вся совокупность социально-экономических, политических, культурных и

¹³⁸ См. подробнее: Элебаева А. Б., Омуралиев Н. А., Джусупбеков А. Д. Ошский межэтнический конфликт. - Бишкек, 1991.

психологических факторов. Начавшийся в начале 90-х годов прошлого века кризис в экономике, породивший инфляцию и безработицу, развал потребительского рынка и резкое падение уровня жизни людей, проецировался в сферу межэтнических отношений. Однако непосредственными факторами дестабилизации межэтнической ситуации в Кыргызстане в тот период были, в первую очередь, политические факторы – политизация проблемы языка, августовский путч и его последствия.

Начиная с 1992 года, в Кыргызстане наблюдается спад межэтнической напряженности. В первую очередь, сильно охладила пыл национал-патриотов разразившаяся в 1990 году Ошская трагедия. Во-вторых, вследствие нарастания миграции русскоязычного населения, республика лишилась десятков тысяч квалифицированных специалистов, работавших в различных областях экономики, и, прежде всего, на промышленных предприятиях, в строительстве, энергетическом комплексе и других жизненно важных сферах. В результате эмиграции, за 1989-1991 годы республику покинули более 300,000 русских, 100,000 немцев, 50,000 узбеков, 44,000 украинцев, 30,000 татар, 10,000 казахов (См. Таблицу 3.4).

Таблица 3.4. Внешняя миграция за 1989-1999 по национальностям, (чел.)

<i>Национальность</i>	<i>Иммигранты</i>	<i>Эмигранты</i>	<i>Баланс</i>
Всего	257922	651439	-393517
Кыргызы	48818	30775	18043
Русские	112495	336773	-224278
Немцы	10093	96288	-86195
Украинцы	14232	44231	-29999
Узбеки	22635	49975	-27340
Татары	8927	31291	-22364
Евреи	408	4578	-4170
Белорусы	1156	3486	-2330
Азербайджанцы	4681	5930	-1249
Таджики	3056	4299	-1243
Казахи	9476	10587	-1111
Уйгуры	2023	2686	-663
Армяне	407	1039	-632
Корейцы	3499	3933	-434

Туркмены	143	266	-123
Турки	2955	2412	543
Дунгане	2453	1502	948
Другие	10465	21385	-10920

Источник: Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. - Бишкек, 2000. - С. 59.

Руководство Кыргызстана предпринимает ряд шагов для удержания русскоязычного населения. В 1992 году были введены некоторые коррективы в реализацию государственной языковой политики, в частности было разрешено вести документацию на русском языке в тех населенных пунктах, где «русскоязычные» составляют 70% и более. Осенью 1993 года был открыт Кыргызско-Российский (Славянский) Университет. В результате выборов 1995 года мэром столицы Кыргызстана, г. Бишкек, стал Б. И. Силаев, русский по происхождению. Другой этнический русский, А. С. Моисеев, был назначен вице-премьер министром Кыргызской Республики. Уголовный Кодекс республики был дополнен новой статьей об уголовной ответственности дискриминации граждан по национальному признаку.

Прямым следствием спада этнической напряженности стало резкое уменьшение миграции русскоязычного населения. В 1994 году (71,197 человек) миграционный поток сократился в 2 раза по сравнению с 1993 годом (143,619 человек). В 1995 году было 37,302 мигранта, в 1996 году – 27,584 человека, в 1997 году – 19,538 человек, в 1998 году – 15,671 человек, в 1999 году – 17,818 человек и в 2000 году – 27,887 человек. Некоторое увеличение численности мигрантов наблюдалось в 1999 и 2000 годах, что было связано с Баткентскими событиями на юге Кыргызстана.

Современный этап в истории Кыргызской Республики по-прежнему, хотя и в значительно меньшей степени, характеризуется противоречиями и конфликтными формами развития. Однако акценты социальной напряженности кыргызстанского общества существенно изменились. Сегодня в республике наиболее актуальными являются проблемы социально-экономической сферы.

По данным переписи населения 1999 года, численность лиц в трудоспособном возрасте, не имеющих работы или доходного занятия и активно его ищущих, насчитывает 277,000 человек, что составляет 14.4% к экономически активному населению, в том числе в городских поселениях – 24.2% ¹³⁹. Однако это - официальные данные, которые не отражают действительного положения дел. Согласно экспертным оценкам, в настоящее время без работы находится более полумиллиона человек. Более того, примерно столько же находятся в вынужденных отпусках или работают сокращенную рабочую неделю. Перед этими людьми стоит реальная угроза перехода в категорию безработных.

Такое масштабное сокращение занятости способствует эскалации социальной напряженности, для снятия которой необходимо решить важнейшую социальную проблему - обеспечение занятости населения. Хотя за последние несколько лет и происходит снижение рождаемости, количество людей, пополняющих трудовые ресурсы, будет продолжать увеличиваться.

Кризисная экономическая ситуация привела к прогрессирующему росту бедности в кыргызстанском обществе. Общеизвестно, что бедность является одной из наиболее серьезных угроз для сохранения социальной и политической стабильности, гражданского мира и согласия. Социальное расслоение общества на богатых и бедных, быстрое обогащение одних и стремительное обнищание других способствует росту социальной напряженности в республике.

Результаты исследований по изучению и выявлению факторов дестабилизации социальной и межэтнической ситуации и уровня межэтнической напряженности в Кыргызстане, которые систематически проводятся Центром социальных исследований при Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, приводят к следующим выводам. Основными объективными причинами межэтнических конфликтов являются противоречия социально-экономического, политического и духовного порядка. Однако

¹³⁹ Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской республики 1999 года. - Бишкек, 2000. - С. 52.

следует помнить, что социально-экономические, политические, духовные и другие факторы, играющие решающую роль в возникновении межнациональных конфликтов, способны длительное время находиться в латентном состоянии. Непосредственному проявлению данных факторов способствуют обстоятельства ситуативного и субъективного характера. В качестве последних чаще всего выступают межэтнические противоречия и проблемы, поскольку люди в силу своего этноцентризма и этнических предрасположений склонны искать источники своих бед в представителях другого этноса.

Национальная политика суверенного Кыргызстана

Кыргызстан провозгласил независимость 31 августа 1991 года, когда стало очевидным, что существование Советского Союза близится к концу. Провозглашение независимости положило начало новому этапу в истории кыргызов и кыргызского государства – этапу создания национального государства.

В отличие от других постсоветских государств, накануне распада СССР республики Центральной Азии не стали свидетелями борьбы за независимость. Требования политических партий Кыргызстана касались, главным образом, языковых и культурных вопросов и поэтому имели целью не выход из Советского Союза, а устранение существовавшего неравенства в отношениях между центром и периферией. Республиканская элита Кыргызстана не хотела политических перемен и была неготова к независимому существованию. Об этом свидетельствуют итоги референдума, проведенного 17 марта 1991 года в Кыргызстане, в котором 95% населения республики проголосовало за сохранение СССР.

Независимый Кыргызстан взял курс на построение гражданского общества, в котором приоритет будет отдаваться правам индивида, независимо от его этнической принадлежности. Ориентируясь на европейский опыт

консолидации, руководство республики направило все усилия на объединение всех этнических групп на территории Кыргызстана в единую гражданскую общность кыргызстанцев, лояльных к новому независимому государству.

Между тем, европейские нации стали результатом исторического развития. Европейская национальная идентичность развивалась столетиями, проходя через многочисленные социальные потрясения, революции и войны. Европейские государства росли постепенно, как растут города. При этом концентрация в центре приводила к появлению политических и экономических сообществ, объединенных под властью суверена. Влияние центрального сообщества распространялось на периферии, вовлекая их и порождая чувство национальной идентичности. Язык, вера, лояльность к нации и патриотизм к государству стали атрибутами, которые объединили людей в европейские нации.

В отличие от европейских, неевропейские нации были порождены деколонизацией и провозглашением независимости. Неевропейские нации не создавались постепенно путем проб и ошибок, а стали реальностью под действием внешних обстоятельств. Угроза социальных конфликтов и территориальных разногласий, естественное желание политических элит сохранить власть – вот основные причины создания неевропейских наций. Национальная консолидация в этих странах была продиктована необходимостью быстрой интеграции в уже существующий мировой порядок¹⁴⁰.

Хотя постсоветское развитие Кыргызстана во многом напоминает ситуацию в неевропейских странах, национальная консолидация в Кыргызстане была продиктована и целым рядом других факторов. Во-первых, это полиэтничный состав населения республики, в которой согласно национальной переписи 1999 года проживало 65% кыргызов, 14% узбеков, 13% русских и около 10% других этнических групп. Во-вторых, это обострение межэтнических противоречий, проявившееся в межэтнических конфликтах

¹⁴⁰ Gleason G. The Central Asian States: Discovering Independence. - Westview Press, 1997. - PP. 14-15.

1989 года между кыргызами и таджиками и 1990 года между кыргызами и узбеками, а также эмиграция русскоязычного населения. И в-третьих, это отсутствие внутриэтнической солидарности среди самих кыргызов, у которых принадлежность к северному или южному региону, а также к конкретному племени превалирует над общей этнической принадлежностью¹⁴¹.

Этническое возрождение кыргызов, актуализация его национальной культуры и языка, оказали значительное психологическое воздействие на представителей других народов, проживающих на территории республики, породив у них чувство дискомфорта и национальной ущемленности, что, в конечном счете, привело к возникновению и эскалации межэтнической напряженности.

Ассамблея народа Кыргызстана

Как реакция на происходящее, начался активный процесс формирования национальных общественных организаций, поставивших своей целью защиту интересов этнических групп и обеспечение их языковой и культурной идентичности. К 1994 году было создано свыше 20 таких организаций.

7 декабря 1993 года руководители 11 национальных общественных организаций обратились к Президенту Кыргызской Республики с предложением созвать курултай народа Кыргызстана для обсуждения общих проблем и выработки путей укрепления межнационального согласия в стране.

Состоявшийся 22 января 1994 года первый Курултай Народа Кыргызстана принял решение о создании Ассамблеи народа Кыргызстана. Специальным указом президента Ассамблее народа Кыргызстана был придан официальный статус Консультативно-совещательного Совета при Президенте Кыргызской Республики по вопросам межнациональных отношений и национальной политики. Последнее решение было ориентировано на повышение роли

¹⁴¹ Elebayeva A., Omuraliev N., Abazov R. The Shifting Identities and Loyalties in Kyrgyzstan: The Evidence from the Field//Nationalities Papers. - 2000. - Vol. 28. - No 2. - P. 343.

Ассамблеи в представлении интересов всех этнических групп и защиту прав меньшинств республики.

К основным направлениям деятельности Ассамблеи относятся: вопросы межнациональных отношений и координация деятельности национально-культурных центров по изучению истории и культуры национальных диаспор; проблемы образования и подготовки кадров, здорового образа жизни и воспитания личности, работа с молодежными организациями, занятость молодежи, связь с органами государственного управления; взаимоотношения с общественно-политическими партиями, объединениями, средствами массовой информации, Обществом Дружбы, религиозными конфессиями; международные связи и развитие народной дипломатии, экономическая и социально-культурная интеграция со странами СНГ; правозащитная деятельность; аспекты языковой политики; финансовая и материально-техническая база самой Ассамблеи¹⁴².

Ассамблея работает на следующих уровнях: обсуждение проблем внутри диаспоры; обсуждение проблем на межэтническом уровне; обсуждение проблем на президиуме Ассамблеи и принятие рабочих документов; взаимодействие с властными структурами (министерствами, ведомствами, акиматами, Правительством, Администрацией Президента); обсуждение проблем с главой государства при участии представителей Совета Ассамблеи и руководителей диаспор; принятие решений на уровне Жогорку Кенеша (парламента) и правительства республики. Конечная цель этой работы — добиться принятия политических решений по проблемам, которые поднимает Ассамблея.

Президент и правительство Кыргызстана постоянно взаимодействуют с Ассамблеей народа республики. Меры, принимаемые в ходе взаимодействия властных и общественных структур, способствуют разрешению самых болезненных вопросов и снижению напряжения в обществе. Подобный стиль работы способствует повышению активности этнических меньшинств,

¹⁴² См.: Второй курултай народа Кыргызстана. Отв. ред. Н. А. Омуралиев. - Бишкек, 1998. - С. 75.

развитию национально-культурных центров, укреплению доверия между людьми разных национальностей и представителями властных органов. К сожалению, представители этических меньшинств еще в полной мере не включены в процесс управления. Ассамблея только ставит вопросы, которые затем решает государство. Необходимо добиться такого положения, при котором представители национальных меньшинств принимали бы непосредственное участие в решении всех вопросов межэтнического взаимодействия.

Согласно Уставу, высшим органом Ассамблеи народа Кыргызстана является курултай (съезд), созываемый не реже одного раза в четыре года. На курултае избирают Совет Ассамблеи, деятельность которого строится в соответствии с Конституцией и другими законами республики, решениями Администрации Президента, парламента и правительства, а также на основании Всеобщей декларации прав человека, Устава Ассамблеи и решений, принятых на курултаях народа Кыргызстана.

В настоящее время в Ассамблею входят 28 национально-культурных центров и общественных объединений, представляющих основные национальности, проживающие в республике. В ее составе два отделения — Ошское и Джалал-Абадское. В каждой из областей имеется по 10-15 национально-культурных центров. Областные отделения работают на основе перспективных планов Ассамблеи с учетом региональных особенностей. Так, для развития и координации деятельности национально-культурных центров и решения межэтнических проблем в Ошской области открыт Дворец дружбы, в котором разместились все национально-культурные центры области. Областные отделения и национально-культурные центры проводят совместные мероприятия интернационального характера, укрепляя межнациональные отношения на юге республики.

В настоящее время Ассамблея народа Кыргызстана занимает активную позицию в политической жизни страны, выдвигая своих представителей на выборах в Жогорку Кенеш, в состав Центральной избирательной комиссии,

местных органов власти. Ассамблея уделяет много внимания содействию развития национальных культур и языков, принимает активное участие в праздновании общенациональных мероприятий.

Сегодня кыргызстанское общество ставится перед актуальным вопросом интеграции всего общества. Суть интеграционного процесса состоит в том, чтобы объединить людей, принадлежащих различным социальным, национальным и территориальным общностям на основе взаимной выгоды, выработки общих интересов, целей и ценностей. И первым шагом в этом направлении должна быть социокультурная интеграция, предусматривающая развитие и взаимопроникновение национальных культур, традиций и религий различных этнических групп.

Известно, что нормальная этнополитическая ситуация в стране в значительной степени складывается в результате государственной национальной политики, направленной на утверждение гражданского мира и национального согласия. В основу этой политики необходимо положить следующие принципы: признание приоритета прав человека, свободное развитие каждой этнической общности в рамках демократических процессов, осознание того, что в условиях многонациональной республики ни одна нация не может удовлетворять свои национальные интересы за счет ущемления интересов другой нации, понимание того, что народ Кыргызстана - это органическое единство кыргызов и представителей всех других национальностей.

Правовую основу развития и защиты прав этнических меньшинств в Кыргызстане, прежде всего, составляют положения Конституции Кыргызской Республики, принятые на базе международных документов Организации Объединенных Наций. Так, в статье 15 главы 2 Конституции Кыргызской Республики закрепляются все основные права и свободы человека: «никто не может подвергаться какой-либо дискриминации, ущемлению прав и свобод по

мотивам происхождения, пола, расы, национальности, языка, вероисповедования»¹⁴³.

Ратификация Кыргызстаном Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, подписанной в рамках Совета Европы 1 февраля 1995 года, стала еще одним важным вкладом в дело законодательного обоснования защиты прав национальных меньшинств в Кыргызстане. Данная конвенция является первым многосторонним правовым обязательным документом международного масштаба, посвященная защите национальных меньшинств. Конвенция запрещает «любую дискриминацию, основанную на принадлежности к национальному меньшинству». Вместе с тем, она предоставляет особые права национальным меньшинствам в сфере «сохранения и развития их культуры, основных элементов их самобытности, а именно религии, языка, традиции и культурного наследия»¹⁴⁴.

Многое из того, о чем говорится в Рамочной Конвенции, уже реально действует в нашем государстве. Однако для других проблем, как например, участие этнических меньшинств в процессе государственного управления Конвенция предлагает законодательную базу: «государства-участники должны создать необходимые условия для эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни и ведении государственных дел»¹⁴⁵.

Более того, 19 июля 1994 года в г. Москве в рамках соглашения Содружества Независимых Государств Кыргызстан подписал Конвенцию об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Ратификация этой конвенции включена в план работы Жогорку Кенеша.

С другой стороны, депутатами Законодательного собрания Жогорку Кенеша, А. Сабировым и В. Диль, был инициирован законопроект о национальных меньшинствах Кыргызской Республики, где должны были

¹⁴³ См.: Конституция Кыргызской Республики. - Бишкек, 1996. - С. 62.

¹⁴⁴ The Convention on the Protection of National Minorities. <http://fpshr.iatp.org.ge/librari/helsinki/EN-RTF-en-9-b-2.htm>

¹⁴⁵ The Convention on the Protection of National Minorities. <http://fpshr.iatp.org.ge/librari/helsinki/EN-RTF-en-9-b-2.htm>

учитываться основные положения, закрепленные в ряде международных положений, и, прежде всего, положения второй главы Конституции Кыргызской Республики, в которой гарантируется защита конституционных прав граждан Кыргызстана независимо от национальной принадлежности. Тем не менее, данный законопроект был отозван. Вместо него начал разрабатываться новый Закон «Об этническом развитии». Ассамблея народа Кыргызстана и национально-культурные центры сочли, что в стране нет дискриминации этнических меньшинств. Согласно новому закону, все народы страны, включая титульный этнос, кыргызов, нуждаются в государственных механизмах поддержки своего этнического развития.

Таким образом, можно констатировать, что Ассамблея народа Кыргызстана пока еще единственный существенный рычаг управления межэтническими отношениями в стране, то есть у государства пока нет специальных органов власти таких как государственный комитет или министерство, которые занимались бы решением проблем в сфере межэтнического взаимодействия. Чтобы успешно разрешать все возникающие вопросы необходимо, прежде всего, создать законодательную основу межэтнического взаимодействия, выработать определенные правовые, социальные и другие механизмы защиты прав национальных меньшинств, обязательные для исполнения всеми структурами власти и на всех уровнях.

Формирование и развитие Ассамблеи народа Кыргызстана создает прецедент принципиально нового подхода к формированию механизмов общественного регулирования в сфере межнациональных отношений. Его новизна состоит в том, что создается государственно-общественная форма оптимизации национальной политики. С одной стороны, государство делегирует свои полномочия общественным структурам, а с другой — общественные структуры принимают на себя социальную ответственность за поддержание и укрепление межнационального согласия. Такая кооперация деятельности государства и гражданского общества имеет ряд перспектив и уникальна в мировой практике. Ассамблея народа Кыргызстана стала

представительным органом, выражающим интересы и права многочисленных этносов, проживающих в республике.

После межэтнического Ошского конфликта между кыргызами и узбеками в 1990 году, обстановка на юге республики значительно стабилизировалась. Этому способствовали обретение республикой суверенитета, демократизация общества и внедрение рыночных отношений. Свое воздействие оказали проводимая на государственном уровне реформа всех сфер жизнедеятельности в республике, предоставление гражданам свободы, решение вопросов землепользования и другие процессы.

Тем не менее, остается много нерешенных проблем. Одна из них - незначительное представительство других этносов, проживающих в южных областях, в структурах власти и управления. Вторая проблема - проблема образования на родных языках.

Так, например, переход соседнего Узбекистана на латинский шрифт поставил перед кыргызстанскими школами с узбекским языком обучения (их в республике свыше 200) определенные проблемы, которые возможно разрешить только совместно с Узбекистаном. Самостоятельно Кыргызстан не сможет разрешить проблему снабжения школ с узбекским языком обучения учебниками. В то же время, в г. Ош успешно функционирует Кыргызско-Узбекский университет.

Определенные трудности существуют и в обеспечении учебниками таджикских школ, сосредоточенных в районах компактного проживания таджикского населения. Эти проблемы также требуют межреспубликанского урегулирования.

Этносоциологическое исследование 2003 года

Весной-летом 2003 года автором было проведено этносоциологическое исследование, которое было посвящено различным аспектам формирования языковой, этнической и религиозной идентичности народов, населяющих

Кыргызстан, а также степени интеграции кыргызстанского общества.

Всего по республике было опрошено 1000 человек, по 200 человек в каждом из регионов: Чуйской, Иссык-Кульской, Ошской, Джалал-Абадской областях и г. Бишкек.

С помощью разработанной анкеты были опрошены респонденты в возрасте от 16 лет и старше по репрезентативной для республики и областей выборке: национальности, возрасту и полу. Опрошенным также были классифицированы по семейному положению, образованию и роду занятий.

Выбор вышеуказанных областей обусловлен тем, что население данных областей полиэтнично и, что, особенно важно, процент некоренного населения в них высок. Северные Чуйская и Иссык-Кульская области имеют наибольший удельный вес русских и украинцев. Подавляющее большинство узбеков проживает в южных Ошской и Джалал-Абадской областях (См. Таблицу 3.3).

В соответствии с этнической композицией республики, в исследовании приняли участие 63% кыргызов, 18.8% русских и 11.7% узбеков. Респонденты других национальностей были выделены в отдельную колонку под названием «Другие». Численность этих респондентов достигла 6.5%.

Анкета социологического исследования состояла из трех основных частей.

Первая часть вопросов была посвящена различным аспектам формирования этнической идентичности и этнического самосознания, в частности, степени влияния семьи и ближайшего социального окружения на этническую самоидентификацию, знакомство с этнической историей и следование своим традициям и обрядам.

Вторая часть вопросов анкеты касалась родного языка респондентов, степени владения кыргызским, узбекским и русским языками, места различных языков в социокоммуникативной системе кыргызстанского общества, а также языковых предпочтений опрошенных.

Вопросы третьей части направлены на определение степени религиозности и религиозной принадлежности респондентов.

Контрольными вопросами социологического исследования были вопросы об

их этнической идентичности и этническом самосознании. По результатам проведенного исследования, более 90% кыргызов, узбеков, русских и 69.2% «других» национальностей идентифицировали себя как представителей своей национальности (См. Таблицу 3.5).

В то же время, среди респондентов «других» национальностей 9.2% отнесли себя к русским, 3.1% к кыргызам и 3.1% к узбекам. 13.8% представителей «других» национальностей и 5.3% русских назвали себя космополитами. 7.7% кыргызов и 3.1% русских причислили себя к «другим» национальностям.

Таблица 3.5. Ответы респондентов на вопрос «Кем Вы себя ощущаете?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызом	97,6	3,2	0,9	3,1
Русским	0,6	90,4	0,9	9,2
Узбеком	0,2	0	98,3	3,1
Космополитом	0,8	5,3	0	13,8
Другим	7,7	3,1	0	69,2

Нужно отметить, что респонденты «других» национальностей, которые отнесли себя к русским, кыргызам или узбекам, принадлежат к тем народам, которые подверглись значительной русификации (украинцы, белорусы), кыргызыфикации (калмыки) или узбекизации (таджики) за период длительного совместного проживания среди таких многочисленных народов как кыргызы, русские и узбеки. С другой стороны, те, кто называл себя космополитами и «другими» - дети от межэтнических браков и те, кто в силу различных причин не может идентифицировать себя однозначно как представителя определенной этнической группы.

Ситуация с этническим самосознанием респондентов имеет некоторые отличия. Определяя свое этническое самосознание, 87.8% кыргызов, 85.5%

узбеков, 74.9% русских и 40% «других» назвали его кыргызским, узбекским, русским и другим соответственно (См. Таблицу 3.6).

47.7% «других» национальностей, 24.6% русских, 10.3% узбеков и 9.6% кыргызов определили свое этническое самосознание как интернациональное и 9.2% других как русское.

Таблица 3.6. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы определяете в целом свое этническое самосознание?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызское	87,8	0,5	2,6	1,5
Русское	1,9	74,9	1,7	9,2
Узбекское	0,5	0	85,5	1,5
Интернациональное	9,6	24,6	10,3	47,7
Другое	0,2	0	0	40,0

Фактор, который оказал наиболее существенное влияние на формирование этнического самосознания – влияние родителей и воспитание в семье. 78.9% узбеков, 70% кыргызов, 67.7% «других» национальностей и 67% русских упомянули свою семью в качестве фактора, который оказывает наибольшее влияние на формирование их этнического самосознания (См. Таблицу 3.7).

Таблица 3.7. Ответы респондентов на вопрос «Что оказало наиболее существенное влияние на формирование Вашего этнического самосознания?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Государственная политика и идеология	21,0	15,4	13,7	7,7
Семья	70,0	67,0	78,6	67,7
Книги, литература	24,6	11,2	12,0	13,8
Музыка, песни, танцы	10,3	6,9	8,5	9,2
Национальные праздники и фестивали	14,4	18,6	12,8	12,3
Религиозные ритуалы и	10,2	5,9	12,0	16,9

обычай				
Другое	1,0	2,1	0,9	3,1

Говоря о конкретных людях, от 46.3% до 60% респондентов указали на мать и отца как оказавших наиболее значительное влияние на формирование их этнического самосознания. От 17.6% до 29.8% назвали бабушку и дедушку и от 4.3% до 7% (за исключением респондентов «других» национальностей) указали на своих друзей, коллег по работе и родственников в качестве тех, которые оказали наиболее существенное влияние на формирование их этнического самосознания (См. Таблицу 3.8).

Таблица 3.8. Ответы респондентов на вопрос «Кто оказал наиболее существенное влияние на формирование Вашего этнического самосознания?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Бабушка, дедушка	29,8	17,6	20,5	27,7
Мать	52,9	46,3	59,8	55,4
Отец	55,9	50,5	51,3	60,0
Супруг	5,2	2,1	2,6	4,6
Дети	2,5	0,5	1,7	4,6
Родственники	5,4	4,8	4,3	1,5
Друзья, коллеги	7,0	5,3	5,1	1,5
Школа	0,8	1,6	0,9	1,5
Учителя интерната	0,3	0	0	0
Односельчане, соседи	0,6	2,7	1,6	0

Итак, через 15 лет, прошедших после провозглашения независимости, интеграция различных этнических групп внутри кыргызстанского общества еще очень слаба. Большинство респондентов однозначно идентифицирует себя со своей этнической группой и соответственно определяет свое этническое самосознание.

Результаты исследования выявили, что более 90% кыргызов, узбеков и русских респондентов родились в моноэтнических браках, где отец и мать принадлежали одной национальности (См. Таблицу 3.9, 3.10).

Ситуация с респондентами «других» национальностей оказалась следующей: 96.9% из них имели отца «другой» национальности, а 87.7% из них имели мать «другой» национальности.

Таблица 3.9. Ответы респондентов на вопрос «Какой национальности Ваш отец?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргыз	98,9	1,6	0,9	0
Русский	0,2	92,6	0	1,5
Узбек	0,2	0	98,3	0
Другой	0,4	4,8	0	96,9

Таблица 3.10. Ответы респондентов на вопрос «Какой национальности Ваша мать?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызка	97,5	1,1	2,6	4,6
Русская	0,3	91,0	0	4,6
Узбечка	0,6	0	95,7	1,5
Другая	1,7	7,4	0,9	87,7

Выбор супруга часто обусловлен этническим самосознанием отдельного индивида. Дети от межэтнических браков гораздо чаще вступают в брак с представителями «других» национальностей, чем дети, рожденные в моноэтнических семьях. Фактором, оказывающим значительное влияние, является семейное воспитание. Домашняя атмосфера, проникнутая этническими традициями и культурой, оказывает влияние на детей в моноэтнических семьях, начиная с самого их рождения, в частности на их выбор национальности будущего супруга. В смешанных семьях этнические моменты очень часто оттеснены на задний план в повседневной жизни, в

результате чего дети в смешанных семьях не обращают особого внимания на национальность будущего мужа или жены.

По результатам социологического исследования, почти все респонденты узбекской, кыргызской и русской национальностей состояли в браке с людьми своей национальности (См. Таблицу 3.11)¹⁴⁶.

Что касается респондентов «других» национальностей, то среди них наблюдается самый высокий процент межэтнических браков. Из них более половины (38.5%) состояли в браке с представителем «другой» национальности, 10.8% состояли в браке с русскими и 6.1% состояли в браке с кыргызами.

Таблица 3.11. Ответы респондентов на вопрос «Какой национальности Ваш супруг?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргыз	68,6	1,6	3,4	6,1
Русский	0,6	61,2	0	10,8
Узбек	1,1	0	70,9	1,5
Другой	2,1	5,8	0,9	38,5

Как правило, большинство тех респондентов, которые состоят в моноэтническом браке, считают такой брак очень важным. Так, 77.9% узбеков, 58.1% кыргызов, 23.4% русских и 23.1% «других» опрошенных придают большое значение национальности своего супруга (См. Таблицу 3.12).

Этнические ценности, усвоенные в семье родителей, часто становятся основой для воспитания своих собственных детей. Половина узбеков (52.6%), почти треть (30.6%) кыргызов, 16.9% других респондентов и 10.6% русских отрицательно относятся к браку своего ребенка с мужчиной или женщиной другой национальности.

Тем не менее, более половины (52.1%) русских, 44.6% «других»

¹⁴⁶ Здесь цифры даны только по тем респондентам, которые состояли в браке.

респондентов, 38.7% кыргызов и почти четверть (24.1%) узбеков высказали положительное отношение к браку их ребенка с представителем другой национальности (См. Таблицу 3.13).

Таблица 3.12. Ответы респондентов на вопрос «Какое значение Вы придаете национальности своего супруга (супруги)?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Придаю большое значение	58,1	23,4	77,9	23,1
Придаю небольшое значение	11,9	12,6	7,1	20,0
Никакого значения не придаю	19,1	50,3	8,0	33,8
Затрудняюсь ответить	10,9	13,8	7,1	12,3

Таблица 3.13. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы будете относиться к браку Вашего ребенка с мужчиной (женщиной) другой национальности?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Положительно	38,7	52,1	24,1	44,6
Отрицательно	30,6	10,6	52,6	16,9
Безразлично	12,8	17,6	6,0	18,5
Затрудняюсь ответить	18,0	19,6	17,2	18,5

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что дети из моноэтнических семей вероятнее всего заключат такой же моноэтнический брак. Это особенно характерно для кыргызов и узбеков, среди которых количество межэтнических браков минимально по сравнению с другими этническими группами.

Общеизвестно, что друзья, коллеги, родственники – это те люди, которые играют определенную роль в формировании этнического самосознания (См. Таблицу 3.8). Степень их влияния не столь существенна как влияние родителей и бабушек и дедушек, но значительнее, чем влияние супруга.

Отвечая на вопрос «Нужно ли выбирать друзей среди людей своей национальности?», большинство респондентов (92.5% русских, 80% других национальностей, 77.8% кыргызов и 66.4% узбеков) полагают, что не нужно

(См. Таблицу 3.14).

Тем не менее, следующий вопрос относительно этнической принадлежности самого близкого друга показал, что 88.7% кыргызов, 79.5% узбеков, 62.9% русских и 21.5% «других» имеют близкого друга, который принадлежит той же национальности (См. Таблицу 3.15). Сравнивая оба ответа, можно сделать вывод, что первый ответ представляет собой идеологический стереотип, который не влияет на реальное поведение людей.

Таблица 3.14. Ответы респондентов на вопрос «Нужно ли выбирать друзей среди людей своей национальности?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Нужно	22,2	7,5	33,6	20,0
Не нужно придавать этому значение	77,8	92,5	66,4	80,0

Таблица 3.15. Ответы респондентов на вопрос «Какой национальности Ваш близкий друг?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргыз	88,7	21,0	17,1	33,8
Русский	6,2	62,9	2,6	35,4
Узбек	3,2	3,8	79,5	4,6
Другой	2,2	12,3	0,9	21,5

Итак, результаты исследования показывают, что наиболее дружеские отношения складываются в этнически однородной среде. Поэтому такой вид общения играет исключительно важную роль в формировании этнической идентичности, особенно у молодежи.

Приверженность своим культурным традициям и обычаям имеет оказывает большое влияние на этническое самосознание индивида. Более того, культурные традиции и обычаи – это те этнические ценности, которые передаются от одного поколения к другому.

Результаты исследования подтверждают, что дети в тех семьях, которые

следуют этническим традициям, знают их лучше, чем дети в семьях, которые им не следуют. Чтение книг, посвященных вопросам этнической истории и обычаев, и участие в праздновании национальных и религиозных праздников становятся дополнительным фактором, который способствует знакомству респондентов с их этнической культурой и стимулирует их этническую идентичность и самосознание (См. Таблицу 3.7).

Согласно исследованию, 75.9% узбеков, 61.5% других, 53.2% кыргызов и 41% русских были воспитаны в семьях, которые в значительной степени придерживались этнических праздников, традиций и обычаев (См. Таблицу 3.16).

В то же время, семьи 41.5% русских, 39.6% кыргызов, 30.8% «других» респондентов и 19.8% узбеков следовали этническим традициям в меньшей степени.

11.2% русских, 3.7% кыргызов и 1.7% узбеков практически не следовали своим этническим традициям в семье.

Таблица 3.16. Ответы респондентов на вопрос «В какой степени в семье, где Вы воспитывались, следовали этническим традициям, обычаям и праздникам?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Следовали в значительной степени	53,2	41,0	75,9	61,5
Не очень следовали	39,6	41,5	19,8	30,8
Практически не следовали	3,7	11,2	1,7	0
Затрудняюсь ответить	3,5	6,4	2,6	4,6

Ситуация с теми, кто знаком со своими этническими традициями, весьма схожа. Так, 84.6% узбеков, 63.5% кыргызов, 50.8% респондентов других национальностей и 38.3% русских заявили о том, что хорошо знают свои этнические традиции и историю (См. Таблицу 3.17).

Таблица 3.17. Ответы респондентов на вопрос «Как хорошо Вы знаете свои этнические традиции и историю?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Хорошо	63,5	38,3	84,6	50,8
Не очень хорошо	32,3	46,8	13,7	38,5
Плохо	1,9	9,6	0,9	4,6
Затрудняюсь ответить	2,2	5,3	0,9	6,1

46.8% русских, 38.5% других, 32.3% кыргызов и 13.7% узбеков знали свои этнические традиции и историю не очень хорошо.

0.9% узбеков, 2.2% кыргызов, 5.3% русских и 6.1% других национальностей знали их плохо.

Анализируя вышеназванные цифры, мы можем заключить, что большинство кыргызстанских граждан знакомо с собственной этнической историей и культурой. Причиной этого является то, что они выросли в семьях, где придерживались этнических традиций и обычаев в реальной жизни.

ГЛАВА 4.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

4.1. Языковая политика в советский период

Язык и этническая идентичность

Язык - важный маркер этнической идентичности. Язык выполняет функцию внутриэтнического объединения людей и, в то же время, дифференцирует данный этнос от других. Это цемент, который связывает членов одной этнической группы и своего рода культурная граница, данного этноса или национальности. Первое соприкосновение с иной этничностью происходит тогда, когда индивид слышит чужую речь. За пределы своей этничности можно выйти, лишь освоив чужой язык.

Развитие языка неразрывно связано с историей народа, который является творцом и носителем данного языка. Нередко язык оказывается одним из основных источников исторического развития этноса, процессов его миграции, этнических связей с другими странами. Значение языка возрастает в том случае, если народ не располагает историческими хрониками, летописями и другими письменными источниками.

Язык является специфическим элементом этнической культуры, ярко воплощающим этническое своеобразие. В языке любого народа отражается его история, особенности экономической, политической, культурной жизни, географическая среда проживания, особенности психологии и быта. «Языки не только символизируют ассоциируемую с ними культуру», «в обширных областях современной жизни язык – это культура, и ни право, ни образование, ни религия, ни правительство, ни политика, ни социальная организация не могут существовать без него»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Fishman J. (ed.). Handbook of Language and Ethnic Identity. - New York, Oxford: Oxford University Press, 1999. - PP. 444-445.

Обретенный с детства, язык становится необъемлемой частью личности. Индивид обычно самоидентифицируется со своим языком и сохраняет преданность ему. Это чувство преданности возрастает и наиболее полно проявляется у нации, когда данный язык становится средством создания науки, литературы, искусства. Ценности и идеалы народа, облеченные в конкретные лингвистические формы деятелями национальной культуры, поддерживают национальные чувства, развивают национальные черты психологии.

Язык, являясь составной частью этнической духовной культуры, практически у всех народов, даже наиболее урбанизированных, остается основой этнической идентификации. Потеря языка, а так же сужение сферы применения родного языка, воспринимается самосознанием очень болезненно. Согласно материалам социологических исследований 1970-1980 годов, проводимых в союзных республиках бывшего СССР, язык являлся основой идентичности для 80-90% молдаван, узбеков, эстонцев, грузин¹⁴⁸.

В процессе национальной консолидации народа роль языка возрастает в связи с растущей экономической концентрацией и политической централизацией нации. Поэтому этническая функция языка наиболее полно выражается в языке нации. Национальный язык характеризуется распространенностью в общенациональном масштабе, как в письменной, так и в разговорной речи.

Языковая политика является важнейшей составной частью процесса государственного строительства. Ярким примером этого является языковая политика, проводимая советским государством.

Этнолингвистическая ситуация в дореволюционном Кыргызстане

До вхождения Кыргызстана в состав России на ее территории существовали только конфессиональные школы – мектебы и медресе. Наиболее распространенным видом были *мектебы* – мусульманские

¹⁴⁸ Дробижева Л. И., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. - М., 1996. - С. 263.

религиозные начальные школы, где преподавались арабская грамота и чтение Корана. Основная цель мектебов заключалась в распространении мусульманского веручения среди местного населения. В свою очередь, *медресе* представляло собой религиозное средние учебное заведение, где также изучался Коран, а кроме того, основы математики, географии, истории и литературы.

В декабре 1910 года на территории Пишпекского и Пржевальского уездов функционировало 29 мектебов и 1 медресе, в которых обучались 1,208 учащихся. В то же время, в Ошском уезде, где было сильно влияние мусульманского духовенства, насчитывалось 183 мектеба и 6 медресе, в которых обучались 2,686 учащихся.

С присоединением Кыргызстана к Российской империи возникли первые светские русские школы. Начальные школы различных типов стали создаваться для обучения детей русских и украинских переселенцев. Первая русская приходская (начальная) школа в Кыргызстане открылась 9 февраля 1870 года в г. Токмак. Позже такие начальные школы начали действовать и в других местностях: в 1874 году – в г. Каракол, в 1879 году – в г. Пишпек (ныне г. Бишкек), в 1880 году – в с. Беловодск, в 1888 году – в с. Дмитриева (ныне г. Талас). А в 1878 году на юге Кыргызстана - в г. Ош, впервые были открыты двухклассное мужское и женское приходские училища. В последующие годы подобные школы открывались и в других русских поселениях. В 1899 году в г. Пишпек была только одна двухклассная мужская школа на 160 человек и одно начальное женское училище на 60 человек.

В русских приходских училищах учились и дети коренной национальности. Так, еще в 1898 году в Сокулукском приходском училище в числе 58 учащихся обучались 15 детей-кыргызов. На 1 января 1899 года, из 172 учеников Пишпекского двухклассного училища коренной национальности принадлежали 22 человека, а из 168 учеников Пржевальского двухклассного училища 9 учеников были кыргызами.

Наряду с начальными школами, в Кыргызстане появляются и школы

повышенного типа. Так, 9 октября 1911 года в г. Пржевальск открылась женская прогимназия. А в конце 1912 года в г. Пишпек была открыта мужская гимназия - единственное среднее учебное заведение в дореволюционном Кыргызстане¹⁴⁹.

Социальные и экономические отношения, возникающие между местным населением и переселенцами, приводили к зарождению естественной потребности у людей разной этнической принадлежности во взаимном общении. Определенный интерес, в этом отношении, может представлять распространение русского языка и русской грамоты среди коренного населения. Конечно, распространение русского языка среди кыргызов способствовала русификаторская политика царской администрации, важным средством которого было открытие русско-туземных школ. Однако кыргызское население овладевало русской грамотой не только под нажимом. Кыргызское население было само заинтересовано в знании русского языка. Показателем этого были инициативы коренного населения по открытию русско-туземных школ.

Первая русско-туземная была открыта недалеко от г. Токмак в 1884 году. В 1886 такая школа открылась в г. Ош. Несколько позже в Кыргызстане открываются и женские русско-туземные школы. Так, в 1911 году в г. Пржевальск открылась одноклассная женская русско-туземная школа с 23 ученицами. В то же году такая школа открывается и в г. Токмак. До Октябрьской революции в Кыргызстане функционировало 16 русско-туземных школ. В них обучалось 750 учащихся, из которых 670 были представителями местного населения.

Вместе с тем, русские и украинские переселенцы тоже стремились овладеть кыргызским языком, что облегчало и ускоряло их адаптацию в новой непривычной для них этнической среде. В результате, большая часть дореволюционного поколения славянских переселенцев постепенно становилась двуязычной, прекрасно владевшей кыргызским и русским

¹⁴⁹ Кыргызская государственность. Статистика веков. - Бишкек, 2003. - С. 248.

языками.

В 1914-1915 годах в Кыргызстане функционировала одна средняя школа, в которой обучалось 100 человек, 3 неполные средние школы (442 учащихся) и 130 начальных школ (6510 учащихся)¹⁵⁰.

Советская языковая политика

В советской языковой политике можно выделить два этапа. На начальном этапе, который имел место до конца 30-х годов XX века, все языки провозглашались равными и каждому предоставлялось право свободного выбора языка. В этот период было создано более 70 латинских алфавитов для народов СССР¹⁵¹.

На втором этапе языковой политики, который продолжался с конца 30-х и до конца 80-х годов прошлого столетия, в языковой сфере советское руководство следовало политике русификации. На этом этапе был совершен переход с латинской письменности на кириллическую, в результате которого 11 народов потеряли свою письменность¹⁵².

Языковая политика первых лет советской власти

После прихода к власти большевиков была инициирована новая языковая политика, которая отрицательно относилась к необходимости введения единого обязательного государственного языка и придавала особое значение развитию родных языков и литератур отсталых в прошлом народов. Этот этап в культурном развитии получил название «культурно-языкового строительства», поскольку в это период была проделана огромная работа по созданию новых алфавитов, развитию этнических языков и воспитанию новых национальных кадров.

¹⁵⁰ Кыргызская государственность. Статистика веков. - СС. 251-252.

¹⁵¹ Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. - М., 2000. - С. 74.

¹⁵² Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. - С. 91.

Много факторов говорило в пользу новой лингвистической политики. Во-первых, эта политика была реакцией на русификаторскую политику царизма. Во-вторых, она исходила из популярной тогда идеи построения нового общества, которое должно учитывать интересы простых людей. В-третьих, она отвечала ожиданиям мировой революции, поэтому государственные границы рассматривались как временные и вопрос о языке переставал быть актуальным. В-четвертых, она совпадала с умонастроениями демократической интеллигенции малых народов, чье этническое самосознание значительно выросло за годы революции и гражданской войны¹⁵³.

Реформирование кыргызской письменности

В соответствии с национальной политикой большевиков, был взят курс на подготовку условий для развития национальных культур на базе родных языков. В этом процессе первостепенной задачей стало создание своей письменности. Из 130 языков, которые использовались народами страны, только 20 имели более или менее развитые системы письменностей, в том числе 5 тюркских языков¹⁵⁴. Только русские, грузины и армяне имели свои собственные оригинальные алфавиты. На некоторых старописьменных языках незначительными тиражами издавалась литература и периодические издания, велось преподавание в образовательных учреждениях. Остальные языки преобладали, главным образом, в сфере устной разговорной речи.

В дореволюционной Кыргызстане грамотность была достоянием высших социальных групп, главным образом мусульманского духовенства. В чтении и письме пользовались арабским алфавитом. Распространение арабского алфавита среди кыргызов было, главным образом, связано с распространением исламской религии. Ученики обучались арабскому алфавиту в частных мектебах с целью чтения религиозных мусульманских книг, написанных

¹⁵³ Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. - СС. 43-44.

¹⁵⁴ Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. - М., 1987. - С. 231.

арабским и персидским письмом. После обучения в таких школах ученики использовали арабскую письменность для написания и чтения на родном кыргызском языке.

В то же время, арабский алфавит, приспособленный для арабского языка, был плохо пригоден для тюркских языков. В арабском алфавите было только 3 буквы для обозначения гласных, в то время как в кыргызском языке гласных звуков было 14. Более того, арабский шрифт был переполнен ненужными для кыргызского языка дополнительными символами. Данную проблему с легкостью разрешила реформа арабского письма в 1924 году.

Десятый съезд партии большевиков, проведенный в 1921 году, принял специальную программу повышения культурного уровня ранее отсталых народов России, развития их культур и языков и постановил: «развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев)»¹⁵⁵.

В соответствии с разработанной партией программой был взят курс на подготовку и создание условий для развития национальных культур на базе родных языков. При этом, необходимо было учитывать следующие факторы: 1) родной язык - наиболее важное и понятное народу средство выражения национальной культуры; 2) всякое познание наиболее эффективно осуществляется на родном языке, если, конечно, этот народ не пользуется широко другим языком в повседневной жизни; 3) если неграмотный народ не владеет в качестве второго языка развитым литературным языком, то только на родном языке он может достигнуть в короткий срок наибольших успехов в ликвидации неграмотности, в повышении своего общеобразовательного и культурного уровней.

В 1924 году вышла первая национальная газета на кыргызском языке -

¹⁵⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. - Т. 2. - М., 1970. - С. 252.

«Эркин Тоо» (Свободные горы). Именно она положила начало развитию кыргызской письменности, которая возникла на базе реформированного арабского алфавита. На реформированном алфавите печатались первые кыргызские книги и журналы. В 1925 году было опубликовано 14 названий учебников на кыргызском языке тиражом 76,000 экземпляров. Реформированный арабский алфавит стал первым языком обучения в кыргызских школах. Ранее из-за отсутствия письменности обучение в кыргызских школах велось на казахском, узбекском и татарском языках. На реформированном арабском алфавите была начата крупномасштабная работа по ликвидации неграмотности.

Однако вскоре официальная точка зрения изменилась в пользу латинского алфавита. В 1927 году латинский алфавит был объявлен государственным алфавитом Киргизской Автономной Республики. И в 1930 году арабский алфавит был изъят из употребления на территории республики. С этого времени любая надпись, сделанная арабским письмом, считалась реакционной.

Политические и лингвистические соображения обусловили переход на латинскую графику. Арабский алфавит, даже в реформированном виде, был труден для усвоения, поэтому не позволял эффективно бороться с неграмотностью. Арабский алфавит усложнял процесс книгопечатания. И наконец, арабское письмо, особенно в его реформированном виде, способствовало изоляции советских мусульман, что противоречило идее мировой революции и интернационализма.

В отличие от арабицы, латинский алфавит был политически нейтральным и компромиссным. Латиница была более эффективной в ликвидации неграмотности. Кроме того, Москва считала, что использование латинского алфавита облегчит контроль за публикациями в Центральной Азии и создаст барьер между старой культурой, основанной на арабском алфавите, и новыми литературными языками центрально-азиатских республик. Большое влияние в этом вопросе оказал и пример Турции, где также в этот период происходил

переход с арабского письма на латинское.

Последняя реформа – переход на кириллицу – относится к началу 1941 года. В январе 1941 года Верховным Советом Киргизской ССР был принят закон о переводе кыргызской письменности на новый алфавит на основе русской графики, которая используется и поныне. Последняя реформа была продиктована чисто политическими причинами. Предполагалось, что кириллица ускорит взаимное проникновение русского и национальных языков и облегчит овладение русским языком для нерусских национальностей¹⁵⁶.

В пользу кириллицы говорили и следующие факторы. Латинский алфавит затруднял процесс обучения кыргызских студентов русскому языку, поскольку в этом случае им было необходимо изучать два алфавита: латиницу для кыргызского и кириллицу для русского. Более того, оба алфавита имели целый ряд букв, схожих по написанию и различных по произношению, что создавало некоторую путаницу и создавало препятствия на пути овладения русским языком национальными меньшинствами.

Языковая ситуация и образование в советский период

После установления советской власти в Кыргызстане происходит становление системы начального, среднего и высшего образования с кыргызским языком обучения. В 1923 году в республике уже действовало 327 школ с более 20,000 учащимися. Из них в 251 школах кыргызский был языком преподавания. В то же время, были открыты краткосрочные курсы по подготовке учителей для кыргызских школ. Вечерние школы были организованы для обучения взрослого населения чтению и письму.

Вводится всеобщее начальное образование. Постепенно оно замещается 7-ступенным и 8-ступенным средним образованием. Вместо русских и русско-кыргызских школ создаются начальные и средние школы. В начальных школах

¹⁵⁶ Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. - New York: M. E. Sharpe, 1990. - PP. 92-93.

обучались дети в возрасте 8-13 лет, в то время как в средних школах обучались дети 13-17 лет.

В 1925 году было учреждено первое специализированное образовательное учреждение – Институт народного просвещения, преобразованное позже в Педагогическое техническое училище. В 1932 году был открыт первый институт высшего образования – Киргизский государственный педагогический институт, в 1933 году – Киргизский ветеринарный институт, в 1939 году – Государственный медицинский институт, в 1951 году – Киргизский государственный университет, в 1952 году – Киргизский женский педагогический институт, в 1954 году – Фрунзенский политехнический институт, в 1955 году – Институт физической культуры и спорта, в 1967 году – Киргизский государственный институт искусств¹⁵⁷. Если до революции 1917 года только 3% кыргызов были грамотными¹⁵⁸, то в 1959 году грамотность достигает почти 100%¹⁵⁹.

Кыргызский литературный язык

Национально-языковое строительство в Кыргызстане сводилось не только к созданию письменностей. Важнейшей задачей государства стала «проблема выработки единой и наддиалектной литературной нормы, эффективной как в письменной, так и в устной сферах языка»¹⁶⁰. Кыргызский литературный язык был сформирован на базе северных кыргызских диалектов, которые были диалектами кыргызского политического и экономического центра.

С другой стороны, в процессе создания литературного языка чрезвычайно важным было формирование новой лексики, отражающей советскую и мировую культуру в терминологическом аспекте, потому что для многих предметов и понятий кыргызский язык просто не имел адекватных слов. При

¹⁵⁷ Кыргызская государственность. Статистика веков. - СС. 253-255.

¹⁵⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. - Т. 2. - С. 254.

¹⁵⁹ История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1998. - С. 304.

¹⁶⁰ Guxman M. M. Some General Regularities in the Formation and Development of National Languages//Fishman J. (ed.) Readings in the Sociology of Language. - Mouton Publishers, 1968. - P. 768.

разработке новых терминов использовались три основных источника: 1) внутренние возможности национального литературного языка (употребление «старых» слов, калькирование, описательный способ, словообразование), 2) данные диалектной лексики, 3) заимствование русских или интернациональных слов¹⁶¹.

Для упорядочения терминологии кыргызского языка специальным постановлением правительства от 8 мая 1926 года в Киргизии была создана Терминологическая комиссия. В своей деятельности эта комиссия исходила из принципов максимального использования лексических ресурсов самого кыргызского языка. Поэтому в начальный период формирования литературного языка наблюдались некоторые пуристические тенденции, когда для передачи некоторых понятий стремились создать новые слова только на базе исконно кыргызских слов, которые не всегда обладали семантикой, близкой значению данного понятия. Вторым способом словообразования было калькирование из других тюркских языков. Однако специальным пунктом ограничивалось использование терминов арабо-персидского происхождения, поскольку эти арабо-персидские слова ассоциировались с чуждой арабо-персидской культурой, от которой пытались уйти¹⁶².

В дальнейшем основным источником кыргызской национальной терминологии становится русский язык. В литературных языках центральноазиатских народов резко возрастает количество специальных слов, заимствованных из русского языка. Согласно данным тех лет, 60-70% новых научных и общественно-политических терминов приходилось на русский язык.

В результате, узбеки, киргизы, казахи, азербайджанцы и другие тюркские народы усвоили ряд звуков, ранее отсутствовавших в их языках. Последнее свидетельствовало о глубоких процессах воздействия русского языка на национальные языки. С проникновением русской и советской интернациональной лексики, в тюркских языках народов Средней Азии

¹⁶¹ Советское языкознание. - М.: Наука, 1967. - С. 269.

¹⁶² Могучий фактор национально-языкового развития. - Фрунзе: Кыргызстан, 1981. - СС. 105-106.

появились новые типы слогов, изменилась природа ударения (наряду с фиксированным ударением на последнем слоге появилось разноместное ударение); расширились словообразовательные модели, ранее отсутствовавшие в этих национальных языках. Типы синтаксических конструкций изменились в сторону развития сложных конструкций, характерных для русского литературного языка¹⁶³.

Значительно было и влияние русского языка на формирование отсутствовавших до революции функциональных стилей (научного, публицистического, официально-делового, художественного и т.д.). Особенно рельефно это проявляется в научном и официально-деловом стилях киргизского языка. Известный исследователь киргизского языка Б. Юнусалиев отмечал, что стилевые особенности научно-технической литературы и официальных документов появились и развивались всецело под непосредственным влиянием русского литературного языка¹⁶⁴.

Тем не менее, роль русского языка в формировании научного стиля киргизского языка не ограничивалась одним заимствованием научной терминологии: наряду с новыми понятиями в язык вошли и их системные отношения. Становление и развитие официально-делового стиля было обусловлено характерными для русского языка стандартизацией и унификацией административно-управленческих документов, а также лексики, фразеологии и грамматики.

Языковая политика в 30-80-е годы

Дальнейшая социально-экономическая и политическая ситуация в стране способствовала резкому усилению централизации государства. Условия для общения между представителями более ста народов страны становились все

¹⁶³ Вопросы развития литературных языков народов СССР. - М., 1964. - СС. 20-21.

¹⁶⁴ Юнусалиев Б. М. О стилевой дифференциации киргизского литературного языка//Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». - Ашхабад, 1966. - С. 53.

более разнообразными, что привело к формированию тенденции на введение советском государстве единого государственного языка. Важную роль в данном процессе сыграла смена алфавитов и унификация письменности народов страны на основе кириллицы. Тем не менее, главной мерой в языковой политике тех лет явилось активное внедрение русского языка во все сферы языковой жизни через систему образования. Так, Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных комиссаров «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 года положило начало новому этапу в советской языковой политике, основным направлением которой было распространение русского языка.

Изменение языкового курса, прежде всего, было связано с тем, что реальная языковая ситуация 20-30-х годов противоречила проводимой языковой политике. Потребность взаимопонимания в едином государстве требовала введения единого государственного языка, которым мог быть только русский. Более того, к концу 30-х годов массовые ожидания мировой революции, когда единый мировой язык должен был сменить национальные языки, сменились доктриной построения социализма в одной стране, а идеология интернационализма уступила место политике национализма¹⁶⁵.

Переход к русскому языку приводил к явному ущемлению потребности в этнической идентичности для нерусского населения. Однако, как это часто бывает в сложных процессах, внедрение русской графики, наряду с негативными обстоятельствами, имело и позитивные последствия. Во-первых, русский язык имел высокий социальный престиж у народов СССР и перевод языков народов СССР на кириллицу, безусловно, облегчал изучение русского языка. Во-вторых, знание русского языка способствовало дальнейшему профессиональному росту и карьере. В-третьих, русский язык давал большие возможности их носителям для адаптации в других социально-профессиональных группах индустриальных центров. И в-четвертых, овладение русским языком облегчало доступ к информации и знаниям,

¹⁶⁵ См. подробнее: Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. - С. 120.

поскольку русский язык выступал посредником, через которого происходило знакомство как с достижениями русской, так и мировой культур. Изменившаяся языковая ситуация была чрезвычайно благоприятна для русского и русскоязычного населения республики, которые редко предпринимали попытки овладеть кыргызским языком.

Следует отметить, что преподавание русского языка в национальных школах страны происходило и раньше. Однако вышеуказанное постановление правительства ставило задачу единой централизованной политики в обучении русскому языку со второго или третьего класса с последующим его введением с первого класса. Увеличивалось количество часов на изучение русского языка во всех национальных школах, расширялась подготовка учителей русского языка, активизировалось издание на русском языке учебной и методической литературы¹⁶⁶.

Данное постановление 1938 года означало кардинальный поворот в развитии языковой политики в стране. Если в предыдущий период основным содержанием языковой политики в СССР было развитие национальных языков, которые являлись основой обучения, образования и развития культуры народов, то с этого момента избирается курс на первенствующую роль русского языка во всех сферах общественной жизни народов СССР. Эта политика Сталина в национально-языковой области пережила своего создателя и продолжала сохраняться при отдельных частных модификациях вплоть до распада страны.

Следующим этапом русификации стала политика превращения русского языка во второй родной язык всех советских граждан. Наиболее интенсивные ее периоды пришлось на конец 60-70-х годов, период правления Брежнева Л. И. Особенно показательна в этом отношении школьная реформа 1958 года, согласно которой родители получили право выбора языка обучения для своих детей. Именно после этой реформы количество национальных школ и особенно численность учеников в них резко упала. Главной причиной этому стало

¹⁶⁶ Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. - С. 93.

желание родителей, которые ради блага детей стремились им дать такое образование, которое будет способствовать их последующей карьере. Русский язык тогда обладал большей престижностью во всех сферах жизни и его использование было необходимым просто по причине практической целесообразности.

Однако, несмотря на все эти меры по распространению русского языка и его официальное объявление в 60-е годы «вторым родным языком» каждого нерусского гражданина СССР, его знание в республике так и не стало всеобщим. Русский язык стал вторым родным языком только для городских жителей, части национальной интеллигенции и представителей управленческого аппарата. Так, по переписям 1970 и 1979 годов, только 19.1% и 29.4% кыргызов заявили, что владеют русским языком¹⁶⁷. Конечно, данные переписей нельзя абсолютизировать, поскольку, как отмечают западные исследователи, среднеазиатские народы были склонны преувеличивать свое знание русского языка, дабы продемонстрировать реализацию языковой политики на местах. В этой связи, весьма интересным представляется заявление Первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Т. Усубалиева, который в своем выступлении на всесоюзной конференции учителей русского языка национальных вузов, проходившей в 1978 году в г. Фрунзе, отметил, что значительная часть выпускников киргизских школ обладает недостаточными навыками русской речи¹⁶⁸.

Слабое знание русского языка среди кыргызов определялось не только недостатками школьного обучения, но и социально-демографическими факторами. Кыргызы проживали, главным образом, в сельской местности и областях республики. Согласно переписи населения 1970 года, кыргызы составляли 63.4% сельского населения и большинство Иссык-Кульской, Нарынской, Таласской, Ошской, Джалал-Абадской и Ошской областей. Исключением была Чуйская долина и столица республики, г. Фрунзе, где по

¹⁶⁷ Crisp S. *Census and Sociology: Evaluating the Language Situation in Soviet Central Asia*//Akiner S. (ed.) *Cultural Change and Continuity in Central Asia*. - Kegan Paul International Ltd, 1991. - P. 86.

¹⁶⁸ Русский язык в киргизской школе. - 1979. - №1. - С. 6.

переписи 1970 года проживало 24.8% и 17% кыргызов соответственно¹⁶⁹. При такой низкой урбанизации кыргызского населения и редких контактах с русскими особой необходимостью в знании русского языка не возникало.

Вопросы дальнейшего повышения качества преподавания русского языка нашли отражение в Постановлении ЦК Компартии Киргизии 1973 года «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в общеобразовательных школах республики с киргизским языком обучения». В целях реализации постановления в республике впервые в Советском Союзе была разработана система обучения русскому языку детей дошкольного возраста, были созданы специальные подготовительные классы, в которых в конце 70-х прошлого века обучалось около 16,000 детей. Широко распространились школы с параллельными классами обучения на русском и национальных языках с единым коллективом учителей и учеников, где успешнее, чем в одноязычных школах формировалась русская речевая среда, благоприятствующая ускоренному освоению русского языка. В 1979 году в 253 дневных школах данного типа обучалось около 200,000 учащихся.

Вместе с тем, в республике расширяется научная и научно-методическая работа в области преподавания и изучения русского языка в национальной аудитории, издаются учебники и учебные пособия для национальной школы по развитию и закреплению знаний русского языка и русской художественной культуры. Только в 1979 году таких учебников и учебно-методических пособий было выпущено 12 наименований. Художественная литература для школьников-кыргызов на русском языке была издана общим тиражом более 650,000 экземпляров. Эффективную научно-методическую роль играл журнал «Русский язык и литература в кыргызской школе», на страницах которого обобщался опыт передовых педагогов-русистов, публиковались методические материалы в помощь учителю. Подготовкой учителей для школ республики занимались почти все филологические факультеты вузов республики. В 1979

¹⁶⁹ Население Кыргызстана. Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах. - Кн. 2. - Бишкек, 2000. - С. 81.

году в столице республики, г. Фрунзе, был открыт новый вуз – Педагогический институт русского языка и литературы. В результате данной политики, учебный процесс в профтехучилищах, техникумах и вузах республики, то есть практически во всех учебных заведениях языкового профиля стал проводиться на русском языке¹⁷⁰.

Развитие кыргызского языка в советский период

Между тем, в годы советской власти происходит также процесс развития кыргызского языка. Коммунистической партией и правительством республики проводится большая работа по развитию кыргызского языка. В специальном постановлении ЦК КПСС Киргизии «О состоянии и мерах по улучшению преподавания киргизского языка», принятом в ноябре 1975 года, отмечается, что за годы советской власти киргизский язык из средства устного общения превратился в развитый литературный язык. Постановление предлагает конкретные меры по дальнейшему совершенствованию преподавания кыргызского языка и констатирует, что кыргызский язык успешно выполняет свои социальные функции в качестве языка пропаганды достижений советской и мировой культуры, современной науки и техники, государственных и общественных дел, на кыргызском языке издаются книги, газеты и журналы. Большие успехи были достигнуты в области кыргызской филологии. За 60 лет по кыргызскому языку было выпущено 44 различных словарей и 73 учебных пособия общим тиражом свыше 80,000 экземпляров, было опубликовано более 70 терминологических словарей по 44 отраслям знаний, увидела свет многотомная Киргизская Советская Энциклопедия. В Академии наук Киргизской ССР была проведена огромная работа по собиранию и изучению знаменитого кыргызского эпоса «Манас», не имеющего себе равных по объему среди всемирно известных эпических сказаний.

Расширение сфер применения кыргызского языка происходило в различных

¹⁷⁰ Могучий фактор национально-языкового развития. - СС. 16-18.

областях жизни. Из 25 основных сфер общественно-политической, социальной, хозяйственной, культурной и научной жизни кыргызский язык функционировал в 18 сферах. В частности, кыргызский язык являлся языком основной массы населения республики, средством межэтнического общения в республике и Средней Азии, языком делопроизводства, масс медиа, обучения в школах, среднеспециальных и высших учебных заведениях, языком науки, художественной литературы и искусства и т. д.¹⁷¹

Однако с 1959 года по 1989 год кыргызский язык не преподавался в средних школах с некыргызским языком обучения. Столица республики, г. Фрунзе, имела только одну среднюю школу с кыргызским языком обучения. 42% кыргызских детей школьного возраста не изучало родной язык и знало его лишь на уровне бытовой разговорной лексики¹⁷². Функционирование кыргызского языка было сведено к области среднего и высшего гуманитарного образования. В 1981 году только 7 из 34 научных работ по гуманитарным наукам и ни одной из 68 по естественным и техническим наукам были опубликованы на кыргызском языке¹⁷³.

Таким образом, к 80-м годам XX века в Кыргызстане сложилась противоречивая языковая ситуация, которая, с одной стороны, характеризовалась структурно-функциональным развитием кыргызского языка, а с другой, усилением позиций русского языка. Постепенное доминирование русского языка в общественно-политической и культурной жизни в республике привело к сужению функций кыргызского языка и снижению его общественно-политической роли. Вторая языковая реформа - переход на латиницу - привел к обрыву мусульманской традиции, которая подпитывала религию и культуру кыргызов. В результате третьей - внедрения кириллицы - народы Центральной Азии были отстранены от растущего этнополитического и социокультурного влияния Турции, ускорились процессы унификации и аккультурации внутри Советского Союза.

¹⁷¹ См.: Могучий фактор национально-языкового развития. - СС. 30-31.

¹⁷² Советская Киргизия. - 7 декабря 1987.

¹⁷³ Орусбаев А. Языковая жизнь Киргизии. - Фрунзе: Илим, 1990. - С. 146.

Следует отметить, что советская языковая политика не смогла понизить роль родного языка как фактора этнической идентичности. Согласно переписи 1979 года, в целом 93.1% населения страны считали родным язык своей национальности. Этот процент был выше среди титульных народов союзных республик и составлял 95% за небольшим исключением армян, украинцев и белорусов¹⁷⁴.

Языковая политика в 80-е годы

Противоречивость языковой политики в Советском Союзе долгое время существовала в скрытом виде, но в годы горбачевской перестройки и гласности вышла на поверхность. Рост этнического самосознания и потребность в этнической идентичности привели к актуализации языкового вопроса, который находился в основе кыргызского этнического и культурного пробуждения конца 80-х - начала 90-х годов прошлого столетия. Именно языковые и культурные мотивы сыграли решающую роль в формировании разного рода национальных движений. С этого момента языковая политика в СССР перестала быть единой и определяемой центром.

В ряде союзных республик уже без согласования с Москвой начали приниматься меры по расширению функций своих языков. Так, Молдавия стала первой республикой, где в 1987 году был принят закон о расширении функций молдавского языка, а в 1989 году молдавский язык был официально переведен на латинский алфавит. До распада СССР это был единственный случай смены системы письма.

Затем встал вопрос о принятии государственных законов о языках. В этом вопросе лидерами оказались Прибалтийские республики. Вслед за ними в 1989 году волна принятия законов прошла по всем союзным республикам. К маю 1990 года они были приняты во всех 14 республиках кроме РСФСР.

¹⁷⁴ Население СССР. - М., 1980. - С. 23.

В конце 80-х годов XX века лингвистическая русификация, проводимая советским государством, встретила серьезное сопротивление национальной интеллигенции Кыргызстана. В ответ на требования повышения статуса кыргызского языка в 1989 году был принят закон «О государственном языке Киргизской ССР», согласно которому кыргызский язык признавался единственным государственным языком республики. Принятие Закона о государственном языке имело целью устранить сложившееся неравенство в употреблении русского и кыргызского языков и обеспечить «всестороннее и полноценное применение кыргызского языка во всех сферах государственной и общественной жизни республики». Более того, провозглашение кыргызского языка государственным было направлено на повышение престижа кыргызского языка, прежде всего, за счет понижения статуса русского языка, имевшего более высокий социальный престиж в советский период. Помимо дерусификации принятие данного закона преследовало и политические цели. Так, с одной стороны, объявление кыргызского языка государственным языком республики означало желание реализовать децентрализацию республиканской власти от Москвы. С другой стороны, повышение статуса кыргызского языка способствовало дальнейшему развитию процессов этнического и культурного возрождения кыргызов и стало необходимым условием национально-государственного строительства.

Принятие Закона о государственном языке сопровождалось Постановлением Верховного Совета республики «О порядке введения в действие Закона Киргизской ССР «О государственном языке», по которому делопроизводство в органах государственной власти, на предприятиях и организациях, начиная с 1 января 1999 года, переводилось на государственный (кыргызский) язык.

4.2. Языковая политика и этноязыковая ситуация в независимом Кыргызстане

Языковая политика в период независимости

Государственное строительство в суверенном Кыргызстане было в значительной степени осложнено языковым многообразием. Кыргызстан – полиэтническая республика, в которой проживают представители более 90 этносов. Такое этническое многообразие обусловило функционирование в Кыргызстане нескольких десятков различных языков. Тем не менее, по количеству обслуживаемого населения и выполняемых при этом реальных функций можно выделить не более 10 языков. К ним относятся кыргызский, русский, узбекский, немецкий, украинский, татарский, уйгурский, казахский, дунганский и таджикский языки¹⁷⁵. Необходимо заметить, что перечисленные языки далеко не равнозначны в функциональном отношении. Так, к наиболее широко используемым языкам относятся три языка: кыргызский, русский и узбекский языки. Остальные языки распространены, главным образом, во внутрисемейном и внутриэтническом общении.

Вместе с тем, язык - это не просто средство коммуникации, это основной признак этнической идентичности. Возможность удовлетворять свои культурно-языковые интересы - одно из основных прав человека. Поэтому осуществление рациональной языковой политики, учитывающей права и интересы всех этнических групп, является важной частью процесса государственного строительства.

Монолингвизм или билингвизм

Языковая политика в первые годы суверенитета формировалась на основе общих тенденций национально-государственного развития, суть которого сводилась к построению национального государства и введению языка титульного этноса во все сферы языковой жизни. Начало данной политики было положено принятием закона 1989 года о государственном языке.

¹⁷⁵ Орусбаев А. Языковая жизнь Киргизии. - С.56.

Провозглашение в 1989 году кыргызского языка единственным государственным языком республики вызвало негативную реакцию этнических меньшинств, воспринявших данный акт как ущемление своих языковых и общечеловеческих прав.

Тенденция на вытеснение русского языка проявилась в дерусификации географических названий городов, поселков, сел, улиц, когда оригинальные кыргызские названия возвращались или вместо некыргызских имен ставились кыргызские. Так, Киргизия стала Кыргызстаном, а ее столица, г. Фрунзе, была официально переименована в г. Бишкек, областному центру Иссык-Кульской области, г. Пржевальску, был возвращено прежнее историческое название, Каракол, а название г. Рыбачье было просто переведено на кыргызский язык и стало Балыкчы.

В первые годы после провозглашения независимости в республике происходит повсеместный рост кыргызоязычных средств массовой информации: резко увеличиваются тиражи художественной литературы, газет и журналов на кыргызском языке и возрастает объем кыргызоязычного радио и телевидения. Значительно возрастает число школ и высших учебных заведений, где обучение проводится на кыргызском языке.

В то же время, изменение в языковой политике республики становится одной из основных причин массовой эмиграции из республики славянского населения. За период с 1989 по 1991 годы из республики выехало 145,000 русскоязычного населения. Таким образом, в результате миграции был нанесен невосполнимый ущерб народному хозяйству республики. Вследствие миграции республика лишается десятков тысяч квалифицированных специалистов, работавших в различных областях экономики, прежде всего на промышленных предприятиях, в строительстве, в энергетическом комплексе и других жизненно важных сферах. Эти и ряд других причин способствовали изменению государственной языковой политики в стране.

Руководство Кыргызстана предпринимает шаги для удержания русскоязычного населения. В 1992 году были введены коррективы в

реализацию государственной языковой политики и разрешено вести документацию на русском языке в населенных пунктах, предприятиях и организациях, где «русскоязычные» составляют 70% и более. В 1993 году был открыт Кыргызско-Российский (Славянский) Университет. Уголовный кодекс республики был дополнен новой статьей об уголовной наказуемости национальной дискриминации граждан. В парламенте и других властных структурах рассматривается вопрос о статусе русского языка как языка межнационального общения.

В ответ на усиливающуюся эмиграцию и утечку квалифицированных кадров выходит Указ Президента Кыргызской Республики: «О мерах по регулированию миграционных процессов в Кыргызской Республики» 1994 года. Указ 1994 года постановляет «в территориальных и производственных коллективах, большинство которых составляют русскоязычные граждане Кыргызской Республики, а также в тех сферах, где использование прогресса связано с применением русского языка» официальным языком, помимо кыргызского, считать русский язык. В том же указе правительству Кыргызской Республики поручалось пересмотреть график введения делопроизводства на государственном языке, в результате чего сроки перехода на государственный язык были перенесены на 1 января 2005 года.

Как показали последующие события, закон 1989 года не опирался на сколько-нибудь серьезные исследования языковой ситуации в республике, а его принятие было продиктовано политическими реалиями конца 80-х годов, когда в период национально-идеологической мобилизации последних лет существования советского государства в Кыргызстане, также как и в других республиках, доминирующими были идеи сохранения культурного наследия, расширения функций национальных языков и рост их престижа. Кроме того, кыргызский язык еще не был готов к выполнению функций государственного языка вследствие неразработанности функций в сфере делопроизводства, в сфере науки, а также понятийно-терминологического аппарата.

В период обсуждения первой Конституции суверенного Кыргызстана 1993 года научными кругами и общественностью республики поднимается вопрос о статусе русского языка. При этом одни предлагали придать русскому языку статус «официального языка» или «языка межэтнического общения», другие требовали провозгласить его вторым государственным языком, аргументируя это тем, что только государственный статус русского языка сможет предотвратить массовую эмиграцию русскоязычного населения страны. Тем не менее, принятая в 1993 году Конституция Кыргызской Республики закрепила государственный статус кыргызского языка, но отказала в признании русского языка в качестве официального языка республики. В то же время, она подчеркнула «равноправное и свободное развитие и функционирование русского и всех других языков» и запретила «ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания или невладения государственным языком» (ст. 5).

Следует отметить, что языковые вопросы Кыргызстана не ограничиваются только проблемой русского языка. К ней можно добавить и проблему узбекского языка. Активисты узбекских национально-культурных центров, а также депутаты Жогорку Кенеша узбекской национальности выдвигали предложение о придании узбекскому языку статуса официального языка, мотивируя это тем, что узбекский язык - третий язык в Кыргызстане по числу носителей. На узбекском языке свободно говорят представители других этносов в трех южных областях республики. Однако узбекскому языку было отказано в официальном статусе в связи с возможностью узбекского сепаратизма на юге республики.

Как показывает практика других многоязычных государств, признание официального статуса региональных языков редко ограничивается только языком. За признанием языка региональных групп, считающих территорию своего проживания своей исторической родиной, стоит признание этой языковой группы как нации. А признание нации открывает дорогу более

серьезным националистическим притязаниям на территориальную автономию и, в конечном счете, отделение¹⁷⁶.

В то же время, в 1998 году Указом Президента «О дальнейшем развитии государственного языка Кыргызской Республики» была одобрена Концепция развития государственного языка и образована Национальная комиссия по государственному языку. Концепция признала неосуществимость многих положений закона 1989 года и определила новую стратегию развития государственного (кыргызского) языка, главной задачей которой являлось «создание условий для его становления как полноценно обеспечивающего государственные нужды многофункционального (письменно-печатного) языка».

Образованная и утвержденная тем же указом Национальная комиссия стала коллегиальным органом, координирующим деятельность всех государственных органов и учреждений по развитию и использованию кыргызского языка. Наряду с этим, в ведение Национальной комиссии была отдана разработка программ развития государственного языка, а также нового проекта Закона о государственном языке.

Между тем, общественность республики активно поднимает вопрос в средствах массовой информации о статусе русского языка в Кыргызстане. Ответом на данную ситуацию стал принятый в 2000 году Указ Президента КР «О дополнительных мерах по регулированию миграционных процессов» помимо ряда мероприятий, направленных на стабилизацию миграционных процессов, постановил «осуществить меры по созданию благоприятных условий для изучения, развития русского языка и его историографии в Кыргызстане, а также увековечиванию имен выдающихся русскоязычных деятелей науки и производства, культуры и искусства, внесших значительный вклад в становление и развитие Кыргызской Республики».

¹⁷⁶ Kymlicka W. and Patten A. (eds.). *Language Rights and Political Theory*. - New York: Oxford University Press, 2003. - PP. 5-6.

Вскоре изменение курса государственной языковой политики в отношении русского языка окончательно оформилось в Законе «Об официальном языке Кыргызской Республики» от 29 мая 2000 года. Так, закон 2000 года определял статус русского как официального языка республики и гарантировал защиту и охрану русского языка на государственном уровне. «Ведение учетно-статистической, финансовой и технической документации в органах государственной власти, местного самоуправления и организациях на территории Кыргызской Республики» разрешалось на двух языках: государственном и официальном (ст. 11). А в декабре 2001 года после принятия парламентом законопроекта во втором чтении Президент А. Акаев подписал Закон «О внесении изменений в Статью 5 Конституции Кыргызской Республики», закрепляющий за русским языком статус официального языка.

Нужно отметить, что закон 2001 года о внесении изменений в конституцию - не первая попытка придать русскому языку статус официального. Первые попытки изменить конституцию имели место в 1996 и 1997 годах. Тогда инициатива депутатов Собрания народных представителей Жогорку Кенеша не увенчалась успехом. На этот раз инициатором признания русского языка официальным стал сам Президент страны А. Акаев, который лично подписал Закон «Об официальном языке Кыргызской Республики».

Соответствующие изменения были внесены и в статью 5 Закона «Об образовании» 1992 года. Так, редакция Закона КР от 25 июля 2002 года гласит, что «основными языками обучения являются государственный и официальный языки», «во всех образовательных учреждениях изучение кыргызского, русского и одного из иностранных языков является обязательным и регламентируется образовательными стандартами».

Принятие Закона 2000 года об официальном языке КР еще раз подчеркнуло неудачу Закона 1989 года и означало утверждение статус-кво за русским языком. В то же время, зарубежные исследователи полагают, что Закон 2000 года был направлен не только на стабилизацию миграционных процессов, но преследовал достижение, по крайней мере, двух других целей

политического характера. Первая из них заключалась в необходимости получения голосов русскоязычного населения в предстоящих президентских выборах 2000 года, другая цель состояла в том, чтобы посредством Закона заручиться поддержкой Москвы¹⁷⁷.

Таким образом, языковая политика постсоветского Кыргызстана в период ее становления носила двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, эта противоречивость была вызвана процессами национально-государственного строительства, предполагающими введение единого государственного языка. С другой стороны, это попытки признания роли русского языка и удовлетворения языковых прав русского и русскоязычного населения республики.

Следует отметить, что противоречия в языковой политике свойственны не только развивающимся странам, таким как Кыргызстан, который переживает процессы государственного строительства и становления гражданского общества. Споры вокруг языковой политики сопровождают политическую жизнь многих европейских государств. Такие государства Европы как Бельгия, Испания, Швейцария, Канада имеют давнюю историю языковых конфликтов. Даже в Соединенных Штатах, где английский язык является общепризнанным языком общественной и государственной жизни, языковые права испаноязычного населения вызывают острую полемику¹⁷⁸.

Монолингвизм

Итак, если на раннем этапе формирования языковой политики независимого Кыргызстана имела место борьба двух тенденций, монолингвизма и билингвизма, то в более поздний период тенденция к монолингвизму одержала победу.

¹⁷⁷ Megoran N. Language and ethnicity in Kyrgyzstan. - 2000. - P. 2.

¹⁷⁸ Kymlicka W. and Patten A. (eds.). - Language Rights and Political Theory. - PP. 4-5.

В сентябре 2000 года выходит Программа развития государственного языка Кыргызской Республики на 2000-2010 годы, разработанная Национальной комиссией по государственному языку и утвержденная указом президента от 20 сентября 2000 года.

Программа развития государственного языка стала основой поэтапного развития кыргызского языка и расширения сфер его использования. В ней четко сформулирована цель – «поднять государственный язык на уровень, обеспечивающий выполнение им своих непосредственных функций». Для достижения намеченной цели были «определены десять основных направлений развития государственного языка, сгруппированные по двум ступеням». На первой ступени (2000-2005 гг.) происходит «укрепление основной базы развития и использования государственного языка» посредством «стимулирования национальных устоев государственного языка», «создания нового поколения учебников и методики преподавания», «унифицирования терминологии и делопроизводства на кыргызском языке, улучшения качества переводов, расширения сфер функционирования государственного языка в научных исследованиях». На этой же ступени «предполагается перевод делопроизводства во всех региональных областях и в г. Бишкек на государственный язык».

На второй ступени Программы (2005-2010 гг.) осуществляются меры «по дальнейшему развитию приоритетных направлений первой ступени – распространение соответствующих требованиям времени передовых технологий обучения государственному языку, совершенствование учебников, закрепление терминологии по отраслям науки, поднятие официальной переводческой деятельности на профессиональный уровень, унификация деловых бумаг и бланков, интенсификация обучения кыргызскому языку представителей других национальностей».

Появление Программы развития государственного языка во многом было обусловлено теми же причинами, что и принятие Закона о государственном языке. Проведение ряда мер по поддержке русского языка и, в конечном счете,

придание русскому языку официального статуса способствовали ослаблению позиций кыргызского языка и уменьшению его роли в общественно-политической жизни. Некоторый подъем в изучении, распространении и использовании кыргызского языка, наметившийся в начале 90-х годов, в дальнейшем заметно спал. Появление данной программы в 2000 году спровоцировало социальную и межэтническую напряженность в обществе.

Интересной деталью является то, что в мероприятиях по реализации Программы развития государственного языка на 2000-2010 гг. заложена «разработка программы обучения латинской графике применительно к кыргызскому языку» в школах, средних специальных и высших учебных заведениях Кыргызстана. Следует отметить, что еще в 1993 году было объявлено о переводе кыргызского языка с кириллицы на латиницу. Однако до сих пор намерение не реализовано по причинам экономического и психологического характера. С одной стороны, введение нового алфавита требует больших финансовых затрат государства, с другой стороны, это объясняется нежеланием взрослого населения переучиваться¹⁷⁹.

Отказ от кириллицы стимулировался также политическими причинами. Кириллица ассоциировалась с традициями советского времени, от которых надо было отказаться. В свою очередь, латиница отождествлялась с дистанционированием от России, а также выходом на мировую арену. В этом плане большое влияние оказывал пример Турции. Развитие культурно-исторических и языковых связей с тюркскими народами Центральной Азии является одним из приоритетных направлений внешней политики правительства Турции.

Начиная с 1992 года, турецкие и кыргызские официальные лица подписали целый ряд соглашений в области культуры, образования и науки, предусматривавших бесплатное обучение студентов в вузах и лицеях Турции, обмен студентами, открытие Кыргызско-Турецкого университета «Манас» в г. Бишкек, а также ряда частных школ и лицеев. Для разработки учебных пособий

¹⁷⁹Алпатов В. М. 150 языков и политика 1917-2000. - СС. 62-63.

по литературе, истории, изучению языков в июле 1993 года Министерство культуры Турции и центральноазиатских стран, в том числе Кыргызстана, подготовили проект по совместному управлению тюркской культурой и искусством (ТЮРКСОЙ). Проект ориентировал государства региона на перевод их письменности на общую латинскую графику. Однако этот проект не принес желаемых результатов и был отложен до лучших времен¹⁸⁰.

Тенденция к монолингвизму четко обозначилась в новом законе о государственном языке 2004 года. В конце ноября 2003 года на заседании Законодательного Собрания Жогорку Кенеша обсуждались два проекта Закона «О государственном языке». Один проект был направлен в Парламент от имени бывшего президента Кыргызской Республики А. Акаева еще год назад и ждал своего рассмотрения. Второй проект Закона «О государственном языке» был разработан группой депутатов под руководством Б. Асанова. Оба законопроекта имели ряд различий как по объему, так и по содержанию. Согласно республиканским средствам массовой информации, президентский законопроект был более жестким и состоял из 38 статей, в то время как депутатский был более либеральным и мягким и включал всего 28 статей¹⁸¹. Тем не менее, суть обоих проектов была одна – государственный язык должен обрести главенствующую роль во всех сферах общественно-политической и культурной жизни.

В ходе обсуждения авторы депутатского законопроекта свой проект отозвали и Законодательная палата приняла президентский проект за основу. Обсуждение будущего законопроекта было весьма бурным и продолжалось несколько месяцев. Депутаты единодушно отметили необходимость принятия данного Закона, но их мнения разделились по поводу отдельных статей законопроекта, особенно по поводу статьи 10, где говорилось о том, что владение государственным языком является одним из условий приема на государственную службу любого уровня.

¹⁸⁰ Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 2003. - №2 (26). - С. 85.

¹⁸¹ Моя столица. - 24 ноября 2003.

Основную направленность государственной политики в области языка можно видеть в содержании следующих статей закона. Так, статья 7 устанавливает, что работа государственных учреждений, органов самоуправления и других организаций и институтов должна происходить на государственном языке. Статья 12 провозглашает, что в отношениях с иностранными государствами (в ходе приемов и встреч, при разработке и ратификации документов) Кыргызская Республика должна использовать государственный язык. Официальный язык может применяться в отношениях с государствами, входящими в «русскоязычный» ареал. Согласно статье 14, делопроизводство в органах государственной власти, местного самоуправления и других организациях должно вестись на государственном языке. Официальный язык применяется по мере необходимости. По статье 16 закона о языке, учетно–отчетная и финансовая документация в организациях и предприятиях ведется на государственном языке. Временно допускается использование официального языка. Согласно статье 18, государственный язык является основным языком воспитания и обучения, начиная с дошкольных детских учреждений и заканчивая средними и высшими учебными заведениями и курсами повышения квалификации, финансируемыми из государственного бюджета. Наряду с этим, в некиргызских школах в обязательном порядке вводятся «письменные переводные экзамены по кыргызскому языку из класса в класс», а в средних специальных учебных заведениях и вузах - вступительные и выпускные экзамены по госязыку. Согласно закону 2004 года, на государственном языке осуществляется также все судопроизводство, судебные процессы, дознание и предварительное следствие по уголовным делам (ст. 21), а также нотариальное оформление и записи актов гражданского состояния (ст. 23). В вооруженных силах республики и прочих воинских и военизированных формированиях обязательно использование государственного языка (ст. 22). На госязыке должны писаться этикетки и маркировка товаров, инструкции по их использованию (ст. 29). Официальный язык во всех этих случаях применяется «по мере необходимости». Выполнение Закона о государственном языке

обязаны обеспечивать руководители всех государственных ведомств и организаций, которые несут ответственность за нарушение данного закона (ст. 33)¹⁸².

Еще во время обсуждения закона политическая элита страны раскололась на два лагеря: кыргызоязычных и русскоязычных кыргызов. По мнению многих из них, закон был направлен на вытеснение русскоязычной политической элиты и замену ее кыргызоязычными политиками, что, в конечном итоге, не исключало изменения евразийских ориентиров во внешней политике. Скептики даже пророчили неминуемое обострение отношений с Россией после принятия такого радикального закона.

Вопреки ожиданиям русскоязычного населения страны, А. Акаев подписал Закон «О государственном языке» 2 апреля 2004 года, сопроводив его Указом «О дальнейшем совершенствовании государственной политики по развитию двуязычия (билингвизма) и мерах по созданию необходимых условий для эффективного функционирования государственного и официального языков Кыргызской Республики».

Указ постановил Правительству КР до 1 сентября 2004 года разработать и принять программу мероприятий по реализации законов КР «О государственном языке КР» и «Об официальном языке КР», предусмотрев в числе прочих соответствующие меры по реализации ряда задач о бюджетном финансировании реализации закона, создании материально-технических условий для овладения государственным языком гражданами КР, в первую очередь, лиц, занимающих высшие государственные должности, обеспечении должного уровня преподавания госязыка в системе образования, начиная с дошкольных до высших учебных заведений, совершенствовании системы подготовки и переподготовки кадров, переводчиков, издании на государственном языке учебно-методических пособий, терминологических словарей, разговорников и самоучителей. В число данных задач вошло также создание необходимых организационных, материально-технических условий

¹⁸² Закон «О государственном языке Кыргызской Республики». - 2 апреля 2004.

для функционирования развития официального языка, обеспечение должного уровня его преподавания в дошкольных, школьных, средних специальных и высших учебных заведениях.

Указ предусматривал поэтапный перевод (до 1 января 2015 года) делопроизводства на кыргызский язык в органах государственной власти и местного самоуправления. При этом, были определены области, районы, города и сельские местности, где делопроизводство, наряду с государственным языком, могло вестись и на официальном языке, был составлен перечень госслужащих, обязанных знать государственный язык и объявлена необходимость разработки до 1 января 2007 года требований квалификационного экзамена по знанию государственного языка, а также повышения объемов издания книг, газет и журналов, радио и телепередач, аудио и видео продукции на государственном языке, материальное стимулирование авторов учебных программ и учебников на кыргызском языке, учителей и преподавателей кыргызского и русского языков и литературы. Указ гарантировал справедливое представительство русскоязычных граждан в государственных организациях и общественном самоуправлении¹⁸³.

В своем выступлении на церемонии подписания Закона «О государственном языке КР» А. Акаев подчеркнул, что первым законом о языке, принятым за годы независимости стал закон о русском языке как официальном языке КР. Вместе с тем, «думая о стабильности, об укреплении общенационального единства», «мы в то же время не можем и не должны забывать о сохранении и развитии языка, на котором говорит более двух третей населения страны, языка народа, давшего название стране». Далее бывший президент отметил, что закон 1989 года не смог выполнить задачи полнокровного функционирования кыргызского языка. Новый закон о государственном языке подчеркивает принцип двуязычия и свободу применения как государственного, так и официального русского языка во всех

¹⁸³ Указ Президента Кыргызской Республики//Слово Кыргызстана. - 2 апреля 2004.

сферах жизни¹⁸⁴.

Несмотря на неоднократное подчеркивание первым президентом новой стратегии языковой политики, ориентированной на государственное двуязычие, аналитики и оппозиционные СМИ считают, что новый закон о государственном языке КР существенно снижает конституционный статус русского как официального языка. Так, статья 1 Закона КР «Об официальном языке КР», определяющая статус официального языка КР как «языка, используемого наряду с государственным в сфере государственного управления, законодательства и судопроизводства КР», входит в явное противоречие со статьями 7, 10 и 21 Закона «О государственном языке» 2004 года, по которым делопроизводство в органах государственной власти, местного самоуправления и других организациях, судопроизводство, судебные процессы, дознание и предварительное следствие по уголовным делам должно вестись на государственном языке. Хотя Закон «Об официальном языке» определяет статус русского языка как «языка межнационального общения, который способствует интеграции республики в мировое сообщество», статья 3 Закона «О госязыке», устанавливающая, что кыргызский язык как государственный язык считается и языком межнационального общения в республике, по существу отменяет эту функцию русского языка.

Современная языковая ситуация и образование

Нововведения затронули и саму систему образования. Так, в 1992 году был принят Закон «Об образовании», согласно которому основными языками обучения были объявлены государственный и официальный языки. Кроме того, преподавание разрешалось вести на любом другом языке (ст. 5).

К началу 2002-2003 учебного года в республике действовало 2,056 школ, в которых обучались 1,168,100 учеников¹⁸⁵. В большинстве школ (80%)

¹⁸⁴ Государственное двуязычие – наш путь//Слово Кыргызстана. - 2 апреля 2004.

республики обучение проводится на кыргызском языке. Русскоязычные школы преобладают в городах. Помимо этого, в республике функционирует 200 узбекских и 8 таджикских школ. В районах с высоким удельным весом этнических меньшинств работают школы с параллельными кыргызским, русским и другими языками обучения. Кыргызский язык как обязательный учебный предмет был введен во всех средних школах в 1989 году.

Сегодня все республиканские школы, особенно школы с кыргызским языком обучения, столкнулись с такими проблемами как нехватка и низкое качество учебников, недостаток квалифицированных кадров. По сравнению с 1990 годом, качество преподавания в школах заметно ухудшилось. В целях улучшения ситуации в 1996 году была принята национальная образовательная программа «Билим», а 1996 год был объявлен Годом образования.

В период независимости количество высших учебных заведений увеличилось в 3,8 раз и достигло 26, включая 15 негосударственных учреждений. В 2002-2003 учебном году в республике действовало 66 средних специальных заведений, в которых обучались 26,000 студентов¹⁸⁶. Оба языка, кыргызский и русский, являются языками преподавания в этих учреждениях.

В настоящее время в Кыргызстане открыто и имеется много совместных высших учебных заведений, финансируемых на межправительственном уровне: Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», Кыргызско-Русский Славянский Университет, Кыргызско-Узбекский Университет, Американский Университет – Центральная Азия, Международный Университет Кыргызстана, Кыргызско-Европейский Факультет в Кыргызском Национальном Университете, Бишкекская Международная Школа Бизнеса и Менеджмента, финансируемая международной организацией ПРООН.

Этносоциологическое исследование 2003 года

¹⁸⁵ Кыргызская государственность. Статистика веков. - С. 257.

¹⁸⁶ Кыргызская государственность. Статистика веков. - С. 259.

С целью выявления реальной этноязыковой ситуации, места и роли кыргызского и других языков в социально-коммуникативной системе кыргызстанского общества, определения степени владения населением Кыргызстана кыргызским, русским и узбекским языками, а также их предпочтений в использовании языков в различных сферах жизни, весной-летом 2003 года Центром социальных исследований при Академии Наук Кыргызской Республики было проведено этносоциологическое исследование в форме анкетирования. Материалы исследования дали следующие результаты о месте и роли кыргызского, русского и узбекского языка в различных сферах общественно-политической жизни республики.

Результаты исследования выявили, что 63% опрошенных считают кыргызский язык родным (См. Таблицу 4.1). Процент тех, кто назвал русский язык родным, несколько превышает численность этнических русских (20%). В числе тех, кто считает русский родным, находятся респонденты славянских национальностей (украинцы, беларусы), а также представители других этнических групп (немцы, корейцы, дунгане), которые подверглись значительной русификации за 70 лет советской власти.

Что касается узбекского языка, 11,7% интервьюеров назвали узбекский родным.

Остальные респонденты (5,3%) упомянули другие языки в качестве родных.

Таблица 4.1. Ответы респондентов на вопрос «Каков Ваш родной язык?» по областям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Бишкек</i>	<i>Чуйская область</i>	<i>Иссык-Кульская область</i>	<i>Ошская область</i>	<i>Джалал-Абадская область</i>	<i>Всего</i>
Кыргызский	10,4	10,1	15,8	12,9	13,8	63,0
Узбекский	0,5	0,3		5,9	5,0	11,7
Русский	7,3	8,5	3,1	0,5	0,6	20,0
Дунганский	0,1	0,4	0,3		0,1	0,9
Казахский	0,5	0,4	0,1			1,0
Татарский			0,3	0,7	0,2	1,2
Калмыкский			0,1			0,1
Уйгурский	0,2	0,1	0,3		0,2	0,8

Амхарский		0,1				0,1
Немецкий		0,1				0,1
Курдский	0,1				0,1	0,2
Таджикский	0,1					0,1
Корейский	0,6					0,6
Турецкий	0,2					0,2

По национальностям, 98.9% кыргызов, 98.9% русских, 99.1% узбеков и 88.9% других национальностей указали на язык своей национальности в качестве родного. Это еще раз подтверждает тезис о том, что для большей части кыргызов, русских, узбеков и других родной язык символизирует принадлежность к своей этнической группе и является важным элементом этнической идентичности.

В то же время, 6.5% «других» и 0.5% кыргызов упомянули русский в качестве родного языка (См. Таблицу 4.2).

7.7% «других» национальностей и 0.9% узбеков назвали кыргызский язык родным.

Таблица 4.2. Ответы респондентов на вопрос «Каков Ваш родной язык?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	98,9	0,5	0,9	7,7
Русский	0,6	98,9		6,5
Узбекский		0,5	99,1	
Другой	0,3			88,9

Одним из основных показателей, характеризующих языковую ситуацию, является степень владения тем или другим языком. Согласно национальной переписи 1999 года, удельный вес тех, кто говорит на кыргызском языке, составляет 70% населения республики. По результатам исследования, на кыргызском языке свободно говорит 70.2% всех опрошенных. Такое совпадение материалов переписи и результатов исследования доказывает

высокую степень достоверности полученных результатов.

В разрезе областей наиболее низкие показатели тех, кто говорит на кыргызском языке, в г. Бишкек (11.3%) и Чуйской области (10.4%). Кыргызский язык наиболее распространен в Иссык-Кульской (16.6%), Джалал-Абадской (16.3%) и Ошской (15.6%) областях. Такая ситуация обусловлена низким удельным весом этнических кыргызов в первый двух регионах и высоким процентом проживающих там русских, украинцев и других русскоязычных (немцы, дунгане, корейцы). В отличие от них, в трех остальных областях республики кыргызы составляют большинство населения.

Иная картина складывается в отношении русского языка. Так, большинство всех респондентов (65.4%) свободно говорит на русском языке с наибольшими показателями - в г. Бишкек (17.9%) и Чуйской области (16.2%). Несколько меньшее количество владеющих русским языком (свободно говорят) наблюдается в Иссык-Кульской области (14.8%), а наименьший процент таких - в Джалал-Абадской (8.5%) и Ошской (8%) областях.

Хотя в южных Ошской и Джалал-Абадской областях число русскоязычных незначительно, эти регионы имеют высокий процент тех, кто говорит на узбекском языке: 9.5% в Джалал-Абадской и 8.1% в Ошской областях. Высокий процент узбекоязычных здесь, главным образом, обусловлен высоким показателем этнических узбеков в этих регионах. Общая численность респондентов, свободно говорящих на узбекском языке, составила 20.5%.

Что касается владения кыргызским языком этническими кыргызами, то почти все кыргызские респонденты (97.6%) заявили, что свободно говорят на кыргызском языке, 2.2% говорят на кыргызском с затруднением и 0.2% совсем не говорят на кыргызском (См. Таблицу 4.3).

Таблица 4.3. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы говорите на кыргызском языке?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Свободно	97,6	1,6	44,4	49,2

С затруднением	2,2	22,9	46,2	23,1
Не говорю	0,2	75,5	9,4	27,7

Среди «других» национальностей половина (49.2%) свободно говорит на кыргызском, почти четверть (23.1%) с затруднением, и более четверти (27.7%) совсем не говорит.

Несколько отличаются показатели кыргызоязычных узбеков: почти половина узбеков (44.4%) свободно говорит на кыргызском, примерно столько же (46.2%) с затруднением и 9.4% узбеков совсем не говорит на кыргызском.

Наименьшую группу владеющих кыргызским языком составляют русские. Из них только 1.6% могут свободно говорить на кыргызском языке, меньше четверти (22.9%) могут говорить с затруднением и подавляющее большинство (75.5%) не говорит.

Помимо русских, наиболее многочисленную группу русскоговорящих составляют респонденты «других» национальностей. Среди них абсолютное большинство (86.1%) свободно говорит на русском языке, 10.8% с затруднением, и только 3.1% не говорит на русском языке (См. Таблицу 4.4).

Таблица 4.4. Ответы респондентов на вопрос «Как вы говорите на русском языке?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Свободно	56,5	99,5	47,0	86,1
С затруднением	35,7	0	41,9	10,8
Не говорю	7,8	0,5	11,1	3,1

Среди кыргызов более половины опрошенных (56.5%) свободно говорит на русском, более трети (35.7%) с затруднением, а 7.8% не говорит.

У узбеков процент свободно говорящих на русском языке несколько ниже, чем у кыргызов (47%), почти столько же (41.9%) говорит с затруднением и 11.1% не говорит.

Абсолютно все узбекские респонденты свободно говорят на узбекском языке.

В то же время, почти все русские респонденты не говорят на узбекском языке (98.9%) и лишь 1.1% говорит на узбекском языке с затруднением (См. Таблицу 4.5).

Таблица 4.5. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы говорите на узбекском языке?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Свободно	12,7	0	100,0	12,3
С затруднением	25,6	1,1	0	18,5
Не говорю	61,7	98,9	0	72,3

Среди кыргызов 12.7% говорит свободно на узбекском языке, четверть (25.6%) говорит с затруднением и большинство (61.7%) не говорит совсем.

Почти аналогичные цифры у представителей «других» национальностей, среди которых 12.3% говорит свободно, 18.5% говорит с затруднением и преобладающее большинство (72.3%) не говорит на узбекском языке.

Таким образом, владение тремя основными языками населением Кыргызстана зависит от региона и национальности говорящего. Наиболее широко используемым языком в республике и областях является кыргызский язык. Исключение составляют Чуйская область и г. Бишкек, что обусловлено сравнительно низким удельным весом кыргызов и высоким удельным весом русских и украинцев в этих регионах.

В отличие от ситуации в Чуйской области и г. Бишкек, среди населения остальных областей кыргызы численно преобладают. Помимо этнических кыргызов, в число кыргызыязычных входят представители других, чаще всего родственных кыргызам, тюркских этносов: узбеки, казахи, татары, уйгуры, турки, калмыки.

Что касается узбекоязычного населения, то в эту группу, прежде всего, следует отнести таджиков, демонстрирующих высокую степень владения узбекским языком, а также кыргызов и других жителей южных регионов республики.

В то же время, результаты исследования показали, что русский язык – наиболее популярен среди представителей различных национальностей республики. Исторически сложилось так, что русский язык был основным языком управления, науки, высшего образования. Для представителей многих некоренных народов: украинцев, немцев, белорусов, корейцев, евреев и других, русский язык является основным языком коммуникаций.

Известно, что степень владения тем или другим языком очень часто зависит от того, на каком языке воспитывался и обучался индивид. В этом плане важное место занимают такие социальные институты, как семья, школа и высшие учебные заведения.

Материалы социологического опроса показали, что большинство опрошенных (57.3%) воспитывались в семье на кыргызском языке, более четверти (28%) – на русском, 11.8% - на узбекском и менее 3% - на других языках. При этом, самый высокий процент воспитывавшихся на кыргызском языке наблюдается в Иссык-Кульской области (14.9%), самый низкий – в г. Бишкек (8.8%).

Больше всего респондентов, которые воспитывались в семье на русском языке, в г. Бишкек (10.3%). Наименьший показатель таких в южных областях - Ошской (1.3%) и Джалал-Абадской (1.6%). В последних двух областях высока численность тех, кто воспитывался на узбекском языке – 5.2% и 5.3% соответственно.

В разрезе национальностей были получены следующие результаты: 96.6% русских воспитывались в семье на русском языке, 90.6% узбеков - на узбекском, 87.9% кыргызов – на кыргызском, и 40% респондентов «других» национальностей - на другом языке (См. Таблицу 4.6).

Таблица 4.6. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы воспитывались в семье?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	87,9	1,6	4,3	16,9
Узбекский	1,1	1,6	90,6	3,1
Русский	9,5	96,3	4,3	52,3
Другой	0,2	0	0,9	40

В то же время, у респондентов «других» национальностей более половины (52.3%) воспитывались на русском языке.

У кыргызов этот показатель составил 9.5%. Эти кыргызы - жители столицы г. Бишкек и Чуйской области, среди которых русский язык распространен не только в межнациональном, но и во внутрисемейном и внутриэтническом общении.

Хотя язык обучения в школе тесно взаимосвязан и довольно часто определяется языком воспитания в семье, в советский период наметилась тенденция, когда родители отдавали приоритет школе с русским языком обучения. Такое поведение, во многом, оправдывалось более высоким социальным престижем русского языка и более качественным обучением, которое давали в русских школах.

По данным проведенного исследования, более половины населения республики (53.7%) обучались в школе на кыргызском языке, более трети (35.4%) - на русском, 11.4% - на узбекском и только 1.5% - на других языках.

В то же время, подавляющее большинство (83%) кыргызов, 9.2% «других», 3.4% узбеков и 2.1% русских обучались в школах с кыргызским языком обучения (См. Таблицу 4.7).

В русских школах обучались практически все русские респонденты (96.3%), более половины (69.2%) детей «других» национальностей, 17.8% кыргызов и 13.7% узбеков.

Значительное большинство (82.9%) узбеков обучались в узбекских школах. Там же обучались 6.1% «других» национальностей, 2.7% русских, 1.3% кыргызов.

Таблица 4.7. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы обучались в школе?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	83,0	2,1	3,4	9,2
Узбекский	1,3	2,7	82,9	6,1
Русский	17,8	96,3	13,7	69,2
Другой	0,2	3,2	0,9	6,1

В школах с другим языком обучения обучались только 6.1% респондентов «других» национальностей.

Необходимо отметить следующую тенденцию. После провозглашения независимости повысился статус кыргызского языка и его роль в образовательной жизни республики, в результате чего несколько возросло количество некыргызов, предпочитающих обучать своих детей на кыргызском языке. Это, во многом, объясняется естественным желанием родителей дать детям такое образование, которое будет способствовать их будущей карьере в республике, где кыргызский язык является государственным. Так, более половины кыргызов (64.6%), четверть респондентов других национальностей (24.6%), 20.5% узбеков, 15.4% русских выразили желание обучать своих детей на кыргызском языке.

Тем не менее, в сфере высшего и среднего специального образования русский язык сохраняет за собой позиции как основного языка обучения. Немаловажную роль здесь играет и слабая развитость понятийно-терминологического аппарата кыргызского языка в научной сфере, особенно в сфере естественных и технических наук.

Более половины респондентов с высшим и средним специальным

образованием (33.1%) обучалась в высших и средних специальных заведениях на русском языке¹⁸⁷. При этом самый высокий процент обучавшихся на русском языке - в г. Бишкеке (11.2%), а наименьший - в Ошской области (3.1%). Здесь необходимо отметить, что в столице, г. Бишкек, сосредоточена основная часть ВУЗов республики, поэтому наряду с горожанами сюда приезжает обучаться молодежь из других областей.

На кыргызском языке обучались 17.7% респондентов. Из них наибольший показатель в г. Бишкек (18%), а наименьший в Чуйской области (1.5%).

На узбекском языке обучалось всего 2.9% опрошенных, с максимальным показателем таких в Джалал-Абадской области (1.7%) и минимальным в Иссык-Кульской области (0.1%).

Среди кыргызских респондентов, имеющих высшее и среднее специальное образование, примерно половина (27.8%) обучалась в высших и средних специальных заведениях на русском языке, а другая половина (26.5%) - на кыргызском (См. Таблицу 4.8)¹⁸⁸.

Таблица 4.8. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы обучались в институте?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	26,5	0,5	7,7	0
Узбекский	0,8	0	18,8	1,5
Русский	27,8	51,1	18,8	58,5
Другой	0,5	2,1	0	3,1

Среди узбеков, имеющих высшее и среднее специальное образование, 18.8% обучались на узбекском, столько же на русском языке и 7.7% на кыргызском.

Практически все респонденты русской (51.1%) и других национальностей

¹⁸⁷ Здесь показатели респондентов с высшим и средним специальным образованием приводятся по отношению ко всем опрошенным. Общий процент респондентов с высшим и средним специальным образованием составил 55.9%. Сюда помимо окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, вошли те, кто имеет незаконченное высшее образование (5.7%).

¹⁸⁸ Здесь показатели респондентов с высшим и средним специальным образованием также приводятся по отношению ко всем опрошенным.

(58.5%) обучались в высших и средних специальных учреждениях на русском языке.

Таким образом, результатами исследования был подтвержден тезис о том, что язык воспитания в семье в большинстве случаев определяется этнической принадлежностью членов семьи. Исключение составили только респонденты «других» национальностей и кыргызы проживающие в г. Бишкек и Чуйской области.

В то же время, в ходе проведения социологического опроса было выявлено, что в республике сохраняется тенденция, когда родители других национальностей и городских кыргызов отдают приоритет школам с русским языком обучения. В этом случае, высокий процентный показатель респондентов, обучающихся в кыргызских школах, можно объяснить тем, что больше половины общеобразовательных школ (82.5%)¹⁸⁹ расположены в сельской местности, где преобладает кыргызское население и соответственно обучение осуществляется на кыргызском языке.

Что касается системы высшего и среднего специального образования, то здесь основным языком обучения остается русский язык.

Язык коммуникаций – это, прежде всего, язык повседневного общения с родителями, супругами, детьми, а также с друзьями и коллегами по работе.

Результаты исследования подтвердили общеизвестный тезис о том, что наибольшую устойчивость национальные языки имеют в семейной сфере. Почти все респонденты кыргызской (95.1%), узбекской (98.3%) и русской (95.7%) национальностей говорят со своими родителями на языке своей национальности. Исключение составляют лишь представители «других» национальностей, у которых более половины (56.9%) предпочитает говорить с родителями на родном языке, около половины (46.1%) на русском и 18.5% на кыргызском (См. Таблицу 4.9).

¹⁸⁹ Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. - С. 43.

Таблица 4.9. Ответы респондентов на вопрос «На каких языках Вы предпочитаете говорить со своими родителями?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	95,1	0,5	6,0	18,5
Узбекский	8,4	95,7	7,7	46,1
Русский	0,8	0,5	98,3	1,5
Другой	0,5	1,1	0	56,9

Однако есть и другие предпочтения языка общения в семье. Так среди кыргызов 8.4% предпочитает говорить с родителями на русском языке. У узбеков 7% предпочитает говорить на русском, а 6% - на кыргызском.

С супругом (супругой) на языках своей национальности говорит примерно столько же респондентов, что и в случае с родителями. 71.9% кыргызов, 69.2% узбеков, 69% русских и 35.4% респондентов других национальностей предпочитают говорить со своим мужем (женой) на родном языке¹⁹⁰.

В то же время примерно половина респондентов «других» национальностей (40%), 11.3% кыргызов и 6% узбеков предпочитают говорить со своим супругом (супругой) на русском языке. 10.8% из группы «других» национальностей предпочитают говорить с мужем (женой) на кыргызском языке (См. Таблицу 4.10).

Ситуация с языком, на котором предпочитают говорить респонденты со своими детьми схожа с вышеуказанной. Так 70.7% русских, 69.7% кыргызов, 68.4% узбеков, 27.7% «других» национальностей предпочитает говорить со своими детьми на языках своей национальности (См. Таблицу 4.11)¹⁹¹. Исключение составляют представители «других» национальностей, среди которых несколько больше респондентов, чем в случае с супругами, предпочитают говорить с детьми на русском языке (44.6%), и меньше тех, кто предпочитает говорить на кыргызском (7.7%).

¹⁹⁰ Здесь показатели респондентов, состоящих в браке, также приводятся по отношению ко всем опрошенным.

¹⁹¹ Здесь показатели респондентов, имеющих детей, также приводятся по отношению ко всем опрошенным.

Таблица 4.10. Ответы респондентов на вопрос «На каких языках Вы предпочитаете говорить со своим супругом?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	71,9	1,1	2,6	10,8
Узбекский	11,3	69,0	6,0	40,0
Русский	2,1	1,1	69,2	1,5
Другой	0,3	0	0,9	35,4

Таблица 4.11. Ответы респондентов на вопрос « На каких языках Вы предпочитаете говорить со своими детьми?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	69,7	1,1	2,6	7,7
Узбекский	11,9	70,7	6,0	44,6
Русский	0,5	2,1	68,4	0
Другой	0	0	0,9	27,7

Вызывают интерес результаты исследования о том, что преобладающее большинство опрошенных предпочитает говорить с друзьями на языке своей национальности. Так 98.9% русских, 87.2% узбеков, 87% кыргызов и 35.4% других национальностей предпочитают общаться с друзьями на языках своей национальности (См. Таблицу 4.12). Видимо это связано с тем обстоятельством, что у большинства кыргызов (88.7%), узбеков (79.5%), русских (62.9%), а также у 21.5% «других» национальностей, самый близкий друг принадлежит той же национальности.

В то же время, русский язык является средством общения с друзьями у большинства респондентов «других» национальностей (73.8%), почти трети кыргызов (30.8%) и четверти узбеков (24.8%).

Таблица 4.12. Ответы респондентов на вопрос «На каких языках Вы предпочитаете говорить с друзьями?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	87,0	2,1	21,4	35,4
Узбекский	30,8	98,9	24,8	73,8
Русский	3,3	0,5	87,2	9,2
Другой	0,4	2,1	0,9	35,4

На кыргызском языке предпочитает общаться со своими друзьями более трети респондентов «других» национальностей (35.4%) и 21.4% узбеков. Необходимо отметить, что очень часто общение между представителями родственных тюркских народов в республике, например, между казахами и кыргызами, происходит на кыргызском языке.

Общий процентный показатель респондентов, предпочитающих говорить с друзьями на кыргызском языке, составил 60%, 45% предпочитает говорить с друзьями на русском и 13% – на узбекском языке.

Совершенно иные результаты общения респондентов в трудовых коллективах. На рабочем месте русский язык используется почти в такой же степени, что и кыргызский. 45.4% предпочитают говорить на работе на кыргызском языке, 37.2% - на русском языке и 9.2% на узбекском.

При общении с коллегами на работе более половины кыргызов (65.6%), более четверти «других» (27.7%) и 16.2% узбеков предпочитают говорить на кыргызском языке (См. Таблицу 4.13).

Таблица 4.13. Ответы респондентов на вопрос «На каких языках Вы предпочитаете говорить на работе?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	65,6	2,1	16,2	27,7
Узбекский	25,6	78,7	19,7	61,5
Русский	2,4	0	60,7	9,2
Другой	0,2	0,5	0	26,1

На русском предпочитают говорить 78.7% русских, 61.5% других, четверть

кыргызов (25.6%) и 19.7% узбеков. На узбекском языке предпочитают общаться с коллегами 60.7% узбеков, 9.2% «других» и 2.4% кыргызов.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что преобладающее большинство респондентов предпочитает говорить на языке своей национальности во внутрисемейном и внутриэтническом общении. Другая ситуация складывается на рабочем месте, где значительное число опрошенных предпочитает говорить с коллегами на русском языке. Здесь в большой степени сохраняются традиции, унаследованные от советского времени, когда русский язык являлся языком делопроизводства и общения в государственных учреждениях, организациях и предприятиях. Кроме того, трудовые коллективы, в большинстве случаев, полиэтничны в отличие от членов семьи и друзей, которые чаще принадлежат одной национальности.

Исследование показало, что восприятие информации у опрошенных респондентов происходит как на родном языке, так и на русском языке.

Подавляющее большинство респондентов отдельных национальностей - 90.6% узбеков, 84.6% русских, 79.4% кыргызов, 23.1% респондентов «других» национальностей предпочитают читать художественную литературу на языке своей национальности (См. Таблицу 4.14).

Таблица 4.14. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы предпочитаете читать художественную литературу?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	79,4	0,5	11,1	12,3
Узбекский	42,4	84,6	26,5	84,6
Русский	2,2	0	90,6	1,5
Другой	0,5	2,7	0,9	23,1

В то же время, 84.6% других национальностей, 42.4% кыргызов, 26.5% узбеков предпочитают читать художественную литературу на русском языке.

Исключение составляют только респонденты «других» национальностей (12.3%), а также 11.1% узбеков, которые предпочитают читать художественную литературу на кыргызском языке.

Ситуация с языковыми предпочтениями респондентов в получении информации из СМИ аналогична ситуации с языком художественной литературы. Так 98.9% русских, 80.3% узбеков, 78.4% кыргызов и только 10.8% «других» национальностей предпочитают читать газеты и журналы на родном языке (Таблица 4.15).

В то же время, на русском языке предпочитают читать 87.6% «других» национальностей, 55.6% кыргызов, 41.9% узбеков.

На кыргызском языке предпочитают получать информацию 16.9% других национальностей и 16.2% узбеков.

Интересная картина складывается с предпочтениями респондентов относительно языка теле- и радиопередач. Превалирующее большинство респондентов предпочитает смотреть телепередачи на русском языке (89.1%). На кыргызском языке предпочитают смотреть телевидение 63.3% респондентов и 18.7% на узбекском.

Таблица 4.15. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы предпочитаете читать газеты и журналы?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	78,4	0,5	16,2	16,9
Узбекский	55,6	98,9	41,9	87,6
Русский	2,1	0	80,3	4,6
Другой	0,4	2,1	0,9	10,8

Среди кыргызов несколько больше тех, кто предпочитает смотреть телевидение на русском языке. Так, 88.4% кыргызов предпочитает смотреть на русском, 85.6% - на кыргызском, 11.9% - на узбекском (См. Таблицу 4.16).

Таблица 4.16. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы предпочитаете смотреть телевизионные передачи?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	85,6	7,0	48,7	36,9
Узбекский	88,4	98,4	72,5	93,8
Русский	11,9	0	91,5	7,7
Другой	4,6	4,9	4,4	13,8

У русских 98.4% предпочитает смотреть на русском, 7% - на кыргызском языке.

У узбеков 91.5% предпочитает смотреть на узбекском языке, 72.5% на русском и 48.7% - на кыргызском.

Среди респондентов «других» национальностей 93.8% предпочитают смотреть передачи на русском языке, 36.9% - на кыргызском, 13.8% - на другом и 7.7% - на узбекском языке.

Исследование выявило несколько меньшее число респондентов, предпочитающих слушать радио на русском языке (79.2%). На кыргызском языке предпочитают слушать радио 60.2% и на узбекском - 16.9%.

Среди респондентов кыргызской национальности 84.4% предпочитают слушать радио на кыргызском языке, 76.7% - на русском, 9.2% - на узбекском (См. Таблицу 4.17).

Среди узбеков 89.7% предпочитают слушать радио на узбекском языке, 55.6% - на русском и 34.2% - на кыргызском.

У представителей других национальностей 93.8% - слушают радио на русском языке, 33.8% - на кыргызском, 15.4% - на другом и 9.2% - на узбекском.

Таблица 4.17. Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы предпочитаете слушать

радио?» по национальностям, (%)

<i>Язык</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Кыргызский	84,4	4,3	34,2	33,8
Узбекский	76,7	97,3	55,6	93,8
Русский	9,2	0	89,7	9,2
Другой	3,2	7,9	2,6	15,4

Высокий процент телезрителей и радиослушателей русскоязычных программ свидетельствует о привычке, оставшейся от советского времени, когда большая часть информации реализовывалась посредством русского языка и русскоязычных каналов. Кроме того, в качестве причины такой ситуации можно назвать невысокое качество теле и радиопередач на кыргызском и узбекском языках, а также практическое отсутствие передач на других языках, что вынуждает значительное число респондентов смотреть телеканалы и слушать радио на русском языке.

Наряду с кыргызским, русский язык продолжает оставаться основным языком печатных изданий. Что касается средств массовой информации, то численность респондентов предпочитающих русскоязычные газеты, журналы, телевидение и радиовещание, значительно превышает число тех, кто предпочитает читать газеты и журналы, смотреть телевидение и слушать радио на кыргызском, узбекском и других языках.

Таким образом, языковая политика Кыргызстана, направленная на превращение государственного языка в основной, а в будущем и единственный язык общественно-политической и интеллектуальной жизни республики, к сожалению, преследует, главным образом, политические цели и очень часто не учитывает реальную языковую ситуацию в Кыргызстане. Несмотря на то, что кыргызский язык является наиболее распространенным среди населения республики и областей, позиции русского языка во многих сферах языковой жизни республики все еще очень значительны, а в отдельных остаются доминирующими. Кроме того, следует учитывать недостаточный пока еще

функциональный уровень развития кыргызского языка, который не позволяет вытеснить русский язык из сфер высшего образования, науки, масс медиа и новых технологий. Другим важным фактором является наличие довольно значительного числа этнических меньшинств (более 30% населения страны), которые в основном являются русскоязычными. И наконец, культурная ориентация на русский язык среди граждан Кыргызстана, в том числе кыргызов, остается достаточно высокой, поскольку сегодня русский язык – один из каналов вхождения в мировой информационный процесс и средство международной коммуникации.

ГЛАВА 5

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КЫРГЫЗСТАНА

5.1. Особенности исламизации и роль ислама в досоветский и советский периоды

Процесс исламизации Центральной Азии не был единовременным актом, а растянулся на несколько столетий. Известные европейские исследователи ислама Беннигсен А. и Эндерс Уимбуш С. выделили следующие пять периодов в распространении ислама на территории бывшего Советского Союза:

- период арабского завоевания (600-800),
- мирное распространение ислама вдоль торговых путей (800-1200),
- период монгольского нашествия (1200-1300),
- российская экспансия (1500-1900),
- советский период (1905-1928)¹⁹².

В качестве критериев предложенной выше периодизации выступили события, оказавшие существенное влияние на религиозную ситуацию в Центральной Азии и предопределившие специфичность ислама в регионе.

Период арабского завоевания

Первый этап процесса исламизации Центральной Азии связан, прежде всего, с арабским завоеванием данного региона, сыгравшим определяющую роль в распространении ислама. Завоевание Средней Азии началось с территории, называемой арабами Мавераннахр (область между реками Амударья и Сырдарья) во второй половине VII века. В 644 году был завоеван Хорасан, который стал плацдармом для дальнейших военных действий по ту сторону Амударьи¹⁹³. В 676 году арабы осадили Бухару. В 712 году был

¹⁹² Bennigsen A. Enders Wimbush S. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. - London, 1985. - P. 5.

¹⁹³ Polonskaya L., Malashenko A. Islam in Central Asia. - Ithasa Press, 1994. - P. 5.

подчинен Самарканд. В 716 году арабская армия форсировала Амударью и достигла городов Фергана и Шаш (Ташкент)¹⁹⁴.

Так, менее чем за столетие ислам стал господствующей религией на всей территории Центральной Азии. В результате упорных и кровопролитных военных действий, арабам удалось покорить Среднюю Азию. Несмотря на то, что коренное население оказало упорное сопротивление, соперничество Западного Тюркского Каганата и Китая за центральноазиатские земли, а также политическая раздробленность Мавераннахра и хроническая междоусобная борьба местных феодалов во многом облегчили победу завоевателей¹⁹⁵.

Мирное распространение ислама

Второй период исламизации начался в X веке при правлении Саманидов (875-999). Саманиды были одной из центральноазиатских правящих династий, которая основала первое централизованное и независимое от Арабского Халифата государство и приняла ислам в качестве официальной религии. При Саманидах были построены новые мечети и мавзолеи, а представители мусульманского духовенства занимали важные государственные должности.

В конце X столетия тюркская династия Караханидов (972-1212), которая управляла Восточным Туркестаном, Жетысу (Семиречье) и областью южного Тянь-Шаня, начала соперничать с государством Саманидов за влияние в Мавераннахре. В 999 году Караханиды завоевали столицу Саманидского государства - г. Бухару – и подчинили себе весь регион. Как и Саманиды, Караханиды провозгласили ислам государственной религией.

Таким образом, начиная с IX и вплоть до XIII века ислам распространялся мирным путем. Это было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, исламу покровительствовали местные династии, которые рассматривали исламскую религию как средство централизации и консолидации центральноазиатских

¹⁹⁴ Арипов М. К. Социальный идеал ислама: миф и реальность. – Ташкент, 1988. – С. 33.

¹⁹⁵ Polonskaya L., Malashenko A. Islam in Central Asia. - PP. 5-6.

народов. Во-вторых, распространению ислама способствовала популяризация данной религии арабскими купцами, которые прибывали на вновь завоеванные территории Арабского Халифата в целях торговли. Ислам проникал вдоль главных торговых путей: северо-южного пути, который находился вдоль реки Волги, известный как «Меховой путь», и западно-восточного пути, простиравшегося от Черного моря и до Китая, известный под названием «Шелковый путь»¹⁹⁶. И наконец, в-третьих, начиная с XII века, на распространение ислама в Центральной Азии значительное влияние оказывала деятельность суфийских братств, которые внесли огромный вклад в пропаганду новой веры.

Суфизм

В XII веке, когда мусульманскому миру впервые стали угрожать иноземные захватчики – кара-китаи на востоке и крестоносцы на западе - суфии взяли на себя роль защитников ислама¹⁹⁷. Центральноазиатский суфизм сумел включить ислам в систему местных верований и подогнать древнетюркские культы под требования ислама.

В исламизации центральноазиатского региона в целом, и кочевого населения в частности, большую роль сыграли такие суфийские ордена как Кубравийя, Ясавийя, Накшбандийя. Данное обстоятельство и предопределило преобладающее влияние в кочевой среде неортодоксального ислама, в котором органично соединились элементы традиционных доисламских и более поздних суфийских представлений. В отличие от ряда других мусульманских регионов, суфийские братства Центральной Азии не считались еретическими, как и не было четкого деления между официальным и «народным» исламом. Кроме того, суфии в Центральной Азии были активными участниками общественно-политической жизни региона.

¹⁹⁶ Bennigsen A. Enders Wimbush S. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. - P. 6.

¹⁹⁷ Bennigsen A. Enders Wimbush S. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. - University of California Press, 1985. - P. 2.

Кубравийское братство было основано в XII веке в Хиве. Оно сыграло решающую роль в исламизации монгольских правителей, которые завоевали Центральную Азию в XIII веке. В 1873 году Кубравийя была полностью вытеснена Накшбандийским орденом и до сегодняшнего времени сохранилась лишь среди крестьян. Могила основателя Кубравиского братства, Наджмуддина Кубра, сегодня одно из самых популярных мест паломников.

Другим суфийским орденом, сыгравшим большую роль в распространении ислама среди кочевников Центральной Азии, был Ясавийа. Его основателем был Ходжа Ахмед Ясави, уроженец города Сайрама (Исфиджаба). Ясави называли «вторым после Мухаммеда святым», а город Туркестан – Малой Меккой. Ясави и его последователи проповедовали идею ислама на тюркских языках. Более того, последователи Ясави старались учитывать и менталитет местного кочевого населения, в частности, большую раскрепощенность женщин кочевников¹⁹⁸.

Наибольшую популярность среди суфийских братств завоевала деятельность Накшбандийского ордена, основанного Бахаутдином Накшбандом, который родился в деревне недалеко от Бухары. Представители братства были настолько влиятельными, что могли даже вмешиваться в политику Тимуридов. В течение 40 лет они были фактическими правителями региона. В XV веке при Ходже Ахроре традиция вмешательства духовных авторитетов в политику окончательно одержала верх. Братство сыграло исключительную роль в исламизации Мавераннахра, особенно кыргызских и казахских кочевых племен, а также в популяризации ислама среди населения Восточного Туркестана¹⁹⁹. Накшбандийский ислам отвечал духовному настроению самых различных слоев мусульман, поскольку органично сочетал в себе нормы шариатского и обычного права – адата, широко впитавшего доисламские верования и обычаи.

¹⁹⁸ См.: Исмаилова С. Религия в общественно-политической жизни Казахстана//Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4 (5). – С. 46.

¹⁹⁹ См.: Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.– С. 187.

Период монгольского нашествия

Третий период исламизации начался с монгольским нашествием в XIII веке и продолжался до середины XVI века. На начальном этапе данного периода монгольские правители, будучи яркими приверженцами буддизма и христианства, проводили жесткую антиисламскую политику.

Однако начиная с конца XIII века, религиозная ситуация в Центральной Азии меняется. Главной задачей монгольских правителей становится установление мира на завоеванных ими территориях. В этих целях они обращаются за поддержкой к ортодоксальному мусульманскому духовенству и суфийским шейхам. К началу XIV века все монгольские правители Золотой Орды и Чагатайского ханства принимают ислам и провозглашают его государственной религией. Поэтому все три суфийских ордена продолжают играть значительную роль в сохранении и распространении ислама среди центральноазиатских народов и в монгольский период. Даже после обращения монголов в ислам суфизм остается важным политическим и социальным фактором, представляющим «народный» аспект ислама в противоположность официальному мусульманскому духовенству. Именно в этот период ислам перестает быть религией правителей и становится популярной массовой идеологией.

Российская колонизация

Четвертый период исламизации начинается после присоединения Центральной Азии к Российской империи во второй половине XIX столетия и заканчивается установлением советской власти в центральноазиатском регионе в 1917 году. В период российской колонизации положение ислама в Центральной Азии во многом определялось отношением к нему российских властей, которые были очень непостоянными.

К XIX веку исламские ценности, традиции и нормы поведения выступали

главными регуляторами общественных отношений в Центральной Азии. Центральноазиатский регион являлся одним из признанных центров мусульманского мира благодаря существованию здесь крупных богословско-правовых мусульманских школ и течений, развитой системы образования, высокообразованных теологов и самобытной мусульманской архитектуры. Местная мусульманская архитектура была представлена многочисленными соборными и квартальными мечетями, медресе и мектебами. Существовавшие в Центральной Азии феодально-деспотические государства того времени строились на началах ислама, а их правители носили такие титулы как «наместник» или «тень Аллаха на земле».

Русские приступили к завоеванию Центральной Азии в 1855 году, сразу же после окончания завоевательных войн на Кавказе. В 1855 году они захватили Чимкент, в 1865 году – Ташкент, в 1873 году навязали протектораты Бухарскому и Хивинскому ханствам. В 1875 году вторглись в Кокандское ханство и в следующем году упразднили его. В 1873-1884 годах российские войска захватили туркменскую территорию и около 1900 года - Памир. В результате, к началу XX века вся территория Центральной Азии была включена в состав Российской империи.

На начальном этапе колонизации царские власти старались не вмешиваться в религиозную жизнь населения, а наоборот, ввиду некоторых практических соображений даже сохранили сеть шариатских судов, даровали мусульманскому духовенству целый ряд привилегий, субсидировали строительство мечетей, мектебов и медресе, организовывали и финансировали паломничество мусульман в Мекку, издавали Коран и другие мусульманские книги. В 1788 году правительство Екатерины II учредило Оренбургское мусульманское духовное управление в г. Уфе, задачей которого стало управление мусульманским населением в пределах всей империи.

В то же время, Россия инициирует несколько мер по децентрализации и ликвидации высших религиозно-административных институтов Туркестана. Мусульманское духовенство теряет свои доминирующие позиции и вынуждено

подчиниться местной царской администрации. Так, например, сохраняя локальные шариатские суды в городских кварталах и селах, русская администрация упраздняет консолидирующий их институт верховных судей (кази-колон). Не закрывая мечетей и медресе, российские власти отменяют институт шейх-ул-ислам – высшего авторитета в религиозных вопросах. Согласно закону, изданному в 1886 году, *вакфы*²⁰⁰ передаются в собственность тех, кто их обрабатывает, и облагаются государственным налогом. Новые мечети, мектебы и медресе запрещается строить без получения специального разрешения местной администрации. Таким образом, по отношению мусульманского населения Туркестана царским правительством практикуется особая форма «конфессионального» апартеида и сегрегации²⁰¹.

Во время российской колонизации значительное влияние на духовную культуру кочевников Центральной Азии, как с точки зрения его ознакомления с классическим исламским наследием, так и в плане его просвещения в целом, оказали связи с татарами Поволжья - наиболее грамотных из мусульман России. Именно на этих мусульман царская власть возлагала надежды как на проводников пророссийских идей в кочевой среде. Всего по переписи 1897 года, в Казахстане и Кыргызстане насчитывалось 25,000 башкир и 559,000 татар – достаточно большая группа лояльно настроенных к российской власти мусульман. В 1910 году в Пржевальске, Пишпеке и Оше уже проживало около 2,200 татар²⁰².

Татарские муллы добились большего успеха, чем узбекское духовенство, поскольку выдвигали невысокие требования и не взимали мусульманских налогов. Более того, они знали грамоту, в том числе и русскую, и понимали язык коренного населения и их обычаи. Татары часто исполняли роль посредников между колониальными властями и местными. Они были инициаторами создания «новометодных» школ, где практиковалось преподавание светских наук наряду с мусульманскими.

²⁰⁰ Вакф – земельная собственность мечетей и медресе.

²⁰¹ Шукуров Ш., Шукуров Р. О воле к культуре//Центральная Азия и Кавказ. – 1998. – №1. – С. 166–167.

²⁰² Ярков А. П. Очерк истории религий в Кыргызстане//http://siteistok.host.net/kg/bibl/yrkov_Religy/00.htm

В конце XIX века в среде татар формируется новое мусульманское реформаторское движение, которое получает название «джадидизм». Родоначальником этого движения стал И. Гаспринский (1815-1914), который, опасаясь прямого вмешательства в политику, пропагандировал «культурный ислам». В отличие от своих предшественников, Мергани, Насири и Фейзхани, Гаспринский предложил такую программу действий, под влиянием которой простое реформирование ислама трансформировалось в широкое культурное и политическое движение, направленное на модернизацию мусульманской системы образования, создание единого тюркского языка и достижение общего культурного прогресса тюркских и мусульманских народов Российской империи. Позже идеи пантюркизма и панисламизма распространяются на Кавказе и в Центральной Азии.

Осознавая скрытые националистические притязания джадидов, правительство Александра II ограничивает въезд татар в регион. С этого времени исламская религия начинает представлять потенциальную силу для российских властей и угрожать целостности всей империи. Таким образом, начиная с 80-х годов XIX века, политика России по отношению к исламу становится более жесткой и неприкрытой, ориентированной на «торжество идеи русского национализма»²⁰³. На законодательном и на практическом уровнях предпринимаются действия, призванные ограничить религиозную свободу мусульман Центральной Азии. В результате специального постановления, контроль над Туркестаном переходит из ведения Министерства иностранных дел к Министерству внутренних дел России, то есть к полицейским органам.

Во-первых, с целью ограничения ислама и распространения русского влияния в регионе российские власти приходят к выводу о необходимости превращения мусульманской школы в русскую. Для этого в Центральной Азии открываются русско-туземные школы, в которых преподавание проводится на

²⁰³Цит. по: Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане// Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4 (5). – С. 28.

русском языке, что исключает саму возможность изучения канонов ислама. К 1909 году в Центральной Азии было основано 89 русско-туземных школ, в которых обучались 2,552 учеников коренной национальности²⁰⁴

Во-вторых, если на ранних этапах колонизации официальные власти препятствовали переселению русских и украинских крестьян в Центральную Азию, то теперь начинается их планомерная миграция. Первая волна миграции имела место до 90-х годов XIX века. Второй этап миграции начался в 1910 году с осуществлением аграрной реформы Столыпина. В результате данных мероприятий, число русских и украинских поселений в регионе значительно выросло. Новые мигранты принесли с собой свою культуру в виде православных церквей и православного духовенства.

Исламизация кыргызов

Процессы обращения кыргызов в ислам нельзя рассматривать вне общего контекста исламизации Центральной Азии. Вместе с тем, для исламизации кыргызов характерен ряд своих особенностей и специфических черт.

Первые мусульмане-проповедники исламской религии появились на территории современного Кыргызстана в начале VIII века. Об этом свидетельствуют археологические находки 1998 года на городище Ак-Буура на территории современного г. Ош²⁰⁵.

Большую роль в распространении ислама на территории современного Кыргызстана сыграла битва между арабскими и китайскими войсками на реке Талас в 751 году. Местные народы выступили на стороне арабов, что и предопределило исход сражения, которое имело огромное историческое значение для истории Центральной Азии. Сотысячная китайская армия была наголову разбита, а китайские войска примерно тысячу лет не появлялись у ее границ, что обеспечило развитие мусульманской религии в регионе²⁰⁶.

²⁰⁴ Naghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. – Macmillan Press Ltd., 1997. – P. 8.

²⁰⁵ Урманов Э.А Ислам и кыргызы. - Бишкек: Илим, 2001. - С. 3.

²⁰⁶ Введение в историю кыргызской государственности. - С. 42.

Первое знакомство кыргызов с исламом произошло на рубеже X-XI веков, о чем сообщает ал-Марвази (XII в.): «У кыргызов в обычае сжигать своих умерших; они утверждают, что огонь очищает и делает их чистыми. Это было их обычаем с древних времен, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых»²⁰⁷. Ученые считают, что это были кыргызы, переселившиеся в IX веке с Енисея на Восточный Тянь-Шань, находившийся в то время под контролем Караханидов.

В начале XII века ослабевшее государство Караханидов завоевали каракитаи (кидани) – народ Восточной Азии. Особенностью их религиозной политики была в том, что они покровительствовали всем существовавшим здесь религиям и не выделяли не одну из них.

С нашествием монголов в начале XIII века положение ислама упрочивается. Это, во многом, было связано с веротерпимостью новых завоевателей, которые не ставили целью насаждать какую-то одну религиозную систему.

Дальнейшее укрепление ислама произошло в период правления Туглук-Тимура, одного из правителей государства Моголистан, который в 1354 году сам принял ислам и объявил его государственной религией. Он насаждал ислам среди поданных насильственным путем. Мухаммед Хайдер и Абу-л-Гази сообщают о том, что новую религию в один день приняли 160 тысяч человек²⁰⁸.

Ревностными распространителями ислама были могольские ханы XV века, особенно умерший в 1416 году Мухаммед-хан, заставлявший всех своих подданных носить чалму, непослушным вбивали в голову гвозди²⁰⁹.

Однако несмотря на все усилия могольских ханов, большинство кыргызов оставались язычниками. Это отмечает османский историк XVI века Сейфи Челеби: «Они не кафиры (неверные) и не мусульмане. Умерших они не зарывают в землю, а кладут в гроб, который подвешивают на растущие у них

²⁰⁷ Ал-Марвази. Табаи ал-хаяван (Природа животных). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №1820//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек, 1996. – С. 40.

²⁰⁸ См. Караев О. Государство Хайду. Чагатайский улус. Могулистан. - Бишкек, 1995. - СС. 52-54.

²⁰⁹ Бартольд В.В. Кыргызы (Исторический очерк)//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек, 1996. - С. 106.

деревья: кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются»²¹⁰.

Интенсивное проникновение ислама в среду кыргызов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII-XVIII веков. Наиболее значительным событием, оказавшим свое влияние на приобщение кыргызов к исламу, нужно считать переселение значительной массы кыргызов в пределы Ферганы в XVII веке в период захвата кыргызских земель ойратскими феодалами. В Фергане кыргызы попали в сферу деятельности узбекского мусульманского духовенства, которое начало усиленно обрабатывать рядовых кочевников, обращая их в ислам. Процесс принял еще более активные формы с момента захвата кыргызских земель Кокандским ханством.

Помимо всякого рода проповедников – дервишей, ходжей и ишанов, большую роль в насаждении и распространении ислама, играла кыргызская феодальная знать (манапы, бии), которая стремилась использовать ислам в качестве идеологического воздействия на простых кочевников. С этой целью манапы приглашают к себе узбекских мулл, которые на первых порах обучали букару (простолюдинов) основным обрядам и молитвам, необходимым для совершения намаза.

После присоединения кыргызских территорий к Российской империи позиции ислама здесь еще больше усилились. Рассчитывая на поддержку кыргызской родовой знати, российские власти весьма толерантно относились к исламу. Они не вмешивались в частную жизнь кочевого народа, базирующуюся на комплексном использовании *шариата*²¹¹ и *адата*²¹², тем самым поощряя распространение ислама среди кыргызских племен. Если в 1876 году на севере Кыргызстана была единственная мечеть, то в 1885 году в Пишпекском уезде насчитывалось 16 мечетей, в г. Каракол – 3 мечети, в Иссык-Кульском уезде – 1 мечеть. За период с 1883 по 1914 годы количество мечетей в Ошской волости увеличилось со 102 до 154²¹³.

²¹⁰ Сейфи Челеби. Таварих (Хроники). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №5176//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек, 1996. - С. 54.

²¹¹ Шариат - мусульманское право.

²¹² Адат - обычное право, доисламская система правил поведения.

²¹³ Урманов Э. А. Ислам и кыргызы. - С. 8.

Так, обращение кыргызов в ислам заняло длительный период времени. Начавшись в эпоху Караханидов, усилившись во времена господства моголов и получив новый импульс в период Российской империи, этот процесс не был логически завершен с началом секуляризации и пропаганды массового атеизма в советский период.

Советский период

С установлением советской власти на территории Центральной Азии начинается новый пятый период в развитии ислама.

В отношении к исламу советской власти можно выделить несколько этапов. Первый этап начинается после установления советской власти и продолжается до 1928 года. Это было время утверждения и упрочения советской власти в регионе. Для него характерен поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой, которую большевики рассчитывали использовать для укрепления своей власти. Доминирующей тенденцией второго этапа (1928-1941) стало противостояние между советской властью и исламом, а также предпринимаемые попытки подавить религию. Третий этап (1941-1959) с некоторыми оговорками можно назвать «религиозной оттепелью», он характеризуется более толерантным отношением властей к исламу. Для четвертого этапа характерно новое ужесточение позиции государства к религии. Этот этап охватывает период с 1959 по 1964 годы. На пятом этапе (1964-1979) отношения между государством и исламом вновь нормализуются. И последний шестой этап (1979-1989) начинается с Исламской революцией в Иране и завершается принятием закона о свободе совести в 1988 году.

Следует сразу оговориться, что политика советской власти в отношении ислама проводилась в рамках общей религиозной политики. Все концептуальные положения этой политики разрабатывались центральным правительством в Москве и направлялись в республики. После этого все

решения относительно религиозных государственных структур дублировались союзными республиками.

На первом этапе своего правления советская власть была очень непостоянна в своем отношении к исламу. Двойственность советской политики выражалась в прямо противоположных тенденциях: с одной стороны - стремление сотрудничать, с другой - ожесточенная борьба.

Противоречивость советских взглядов на религию можно проследить по содержанию следующего ряда документов.

Так, в обращении Совета народных комиссаров РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 года было сказано: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Знайте, что ваши права, также как и права других народов России, находятся под могущественной защитой революции и ее органов, Советов рабочих, солдат и крестьян».

С другой стороны, в декабре 1917 - феврале 1918 годов принимается серия декретов, направленных на секуляризацию советского общества. Это, прежде всего, Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 (31) декабря 1917 года, в котором подчеркивается, что «церковный брак наряду с обязательным гражданским является частным делом брачующихся». Другой Декрет СНК от 23 января от 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» четко разделяет гражданские и религиозные обязанности и устанавливает приоритет гражданских обязанностей, не допускает преподавание религиозных дисциплин в государственных, общественных и частных школах, подчиняет все церковные и религиозные общества общим положениям о частных обществах и союзах²¹⁴.

Советская власть, установленная насильственным путем, была принята далеко не всеми группами центральноазиатского общества. В ответ на революционное насилие возникло вооруженное сопротивление в форме

²¹⁴ Декреты Советской власти о религии и церкви//Атеистические чтения. - 1986 - Вып. 16. - СС. 4-5.

басмаческого движения, участниками которого стали крупные землевладельцы, местные фабриканты, мусульманское духовенство и весьма значительная часть крестьянства. Основной идеей басмачества было восстановление исламского халифата и исламской государственности. Гробницы пиров и мазары становились опорными пунктами контрреволюционеров.

Наиболее активным басмаческое движение было в Ферганской долине Центральной Азии, где действовало более 30,000 басмачей²¹⁵. Западный исследователь Рывкин М. считает, что басмаческое движение, начавшееся как бандитское, постепенно переросло в национально-освободительное движение Туркестана, а война между басмачами и русской армией была не просто политической борьбой между большевиками и их врагами, но и священной войной между русскими и мусульманами²¹⁶.

В целях послабления режима, 18 мая 1922 года принимается постановление «О Туркестанско-Бухарских делах», предусматривающее возвращение некоторых вакуфных земель религиозным организациям, восстановление местных судов, легализацию конфессиональных школ. Пятница объявляется выходным днем мусульман.

Коммунисты начинают привлекать на свою сторону местную мусульманскую элиту и открывают ей доступ к государственному управлению. Одной из попыток легитимировать новую власть стал подготовленный делегатами Съезда народов Востока в Баку в сентябре 1920 года «Проект шариата», в которых авторы предприняли попытку приспособить шариат к новым условиям. «Советских шариатистов», утверждавших, что коммунизм и шариат не противоречат друг другу, в 1921 году поддерживал и народный комиссар по делам национальностей И. Сталин²¹⁷.

ЦК РКП(б) предписывает партийным комитетам и политотделам в своей работе среди народов Востока учитывать религиозный и национальный факторы и проявлять «большую осторожность в борьбе с религиозными

²¹⁵ Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления//Под ред. Т. Койчуева. – Бишкек, 1994. – С. 148.

²¹⁶ Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge. - New York, 1990. - P. 38.

²¹⁷ Малащенко А. В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996. – СС. 39–47.

предрассудками». В частности, в 1920 году в одной из инструкций ЦК РКП(б) было зафиксировано: «С религиозными предрассудками у них нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее размыиванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов читален, познаний по истории земли и человека и, главным образом, указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия»²¹⁸.

Примечательно, что вплоть до начала кампании тотальной атеизации, то есть до 30-х годов XX века, среди кочевого населения Центральной Азии продолжался процесс распространения ислама, что выражалось в неуклонном росте числа мечетей и служителей ислама. Например, с 1919 по 1928 годы в Чуйском, Каракольском, Джалал-Абадском и Нарынском кантонах была построена 141 мечеть, в 1926 году только в Джалал-Абадском кантоне насчитывалось 200 имамов, причем 72 из них имели высшее духовное образование²¹⁹. Согласно другим источникам, за 9 лет после революции в Нарынском кантоне было построено 25 мечетей. За эти же годы в Каракольском и Чуйском кантонах было построено 11 и 61 мечеть соответственно²²⁰.

Итак, попытки найти компромисс с исламом с целью укрепления режима в мусульманских регионах имели место только на заре советской власти. Затем началась всеобщая атеизация, в результате которой институциональное духовенство было фактически уничтожено.

Второй этап начинается с момента создания в конце 20-х годов прошлого столетия организации «Союз воинствующих безбожников СССР». Эта организация занималась систематической научно-атеистической пропагандой в республиках Средней Азии. Кроме того, ей предписывалось принимать надлежащие меры по пресечению религиозной активности, а именно «разоблачать ислам как орудие классового порабощения, прислужника

²¹⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. - Т.2. - М., 1983. - С. 8.

²¹⁹ См.: Абдылдаев М. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. - Бишкек, 1991. - С. 105.

²²⁰ См.: Урманов Э. Ислам в Кыргызстане (XIX-XX вв.)//Сборник статей слушателей ШБЭ. - Вып. 2. - Бишкек: Фонд «Сорос - Кыргызстан», 2000. - С. 3.

байства»²²¹.

Второй этап знаменуется окончательным установлением тоталитарного режима в советском государстве и началом коллективизации. Преследование ислама, закрытие тысяч мечетей и мусульманских учебных заведений, уничтожение наиболее образованного мусульманского духовенства повсеместно сопутствует коллективизации. Согласно некоторым данным, число мечетей и конфессиональных школ в Центральной Азии за это время сократилось на 14,000²²².

В период между 1928 и 1938 годами Коммунистическая партия избавилась от всех мусульманских националистических лидеров. Последние были обвинены в том, что являлись националистами, шпионами, контрреволюционерами, и расстреляны. Многие видные мусульманские деятели тоже были арестованы и брошены в тюрьмы. С этого времени ислам начинает действовать в подполье.

Начиная с 1926 года в официальных документах появляется тезис об «антисоветском характере» мусульманства, а с 1927 года речь идет уже не столько об «антирелигиозной агитации и пропаганде», сколько о «мерах борьбы с исламом», которому придается статус «классового врага трудящихся».

6 апреля 1929 года Президиум ВЦИК принимает постановление «О религиозных объединениях», которое действует вплоть до 1990 года. Постановление утверждает ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что «религиозные общества не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих, преимущественно в пределах молитвенного здания», и что следует «вытеснить религиозные объединения из всех сфер жизни общества, где до этого они имели право действовать»²²³. Вводится антирелигиозная пропаганда в школах и специальным постановлением 1929 года запрещается преподавание

²²¹ КПСС в резолюциях, решениях, съездов, конференций и пленумов ЦК. - Т. 3. - М., 1984. - С. 176.

²²² Haghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. – P. 23.

²²³ См.: Иманова С. Этнонационализм: история и реальность. – Бишкек 2001. – С. 46.

ислама на любом уровне.

Третий этап в отношениях советской власти к исламу связан с началом Великой Отечественной войны. Для этого этапа характерно более терпимое отношение к религии. Необходимость мобилизации огромных людских ресурсов и сплочения общества в борьбе против общего врага заставила советское руководство пойти на некоторые уступки.

В 1943 году создается Среднеазиатское Духовное управление мусульман (САДУМ). С одной стороны, «создание САДУМ имело достаточно прозрачную цель: организовать централизованный контроль за состоянием религиозной ситуации в соответствующих регионах»²²⁴. С другой стороны, сложившаяся в исламе теологическая система, была несовместима с каким-либо «верховным институтом», заведомо превращая САДУМ в чуждый для ислама институт. Это двойственное положение САДУМ, когда оно должно было быть формально независимым от государства и одновременно оставаться «подконтрольным и подотчетным» ему органом, воспринималось в глазах большинства верующих как часть государственной бюрократической системы.

Однако, несмотря на упомянутую двойственность своего положения САДУМ способствовало более тесным контактам как духовенства, так и простых верующих. В условиях почти полного отсутствия контактов с зарубежным исламским миром САДУМ осуществляло интеграцию верующих внутри региона. В 1946 году САДУМ было позволено иметь свое ежеквартальное издание.

В 1944 году мусульманам вновь разрешается совершать паломничество в Мекку. В 1945 году открывается исламский университет Мири-л-Араб в Бухаре. Практикуется целый ряд ранее запрещенных мусульманских ритуалов. В этот период количество мечетей постепенно вырастает до 3,000²²⁵.

После победы Советского Союза над Германией, политические, экономические и культурные связи с мусульманскими странами расширяются.

²²⁴ Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада/Многомерные границы Центральной Азии. - М., 2000. – С. 55– 56.

²²⁵ Naghayeghi M. Islam and Politics in Central Asia. – PP. 27-28.

Мусульманское духовенство отправляется за рубеж для проведения прокоммунистической пропаганды и, наоборот, принимает официальных мусульманских лиц из других стран. Лучшие студенты Мири-л-Араб получают возможность обучаться в зарубежных мусульманских центрах, главным образом, в египетском университете Аль-Азхар.

Начало четвертого этапа, которое пришлось на правление Н. С. Хрущева, ознаменовалось новым ужесточением политики в отношении ислама. В 60-е годы XX века происходит новая кампания гонений на ислам. Однако в отличие от своих предшественников, Хрущев не принимает никаких новых документов, а концентрирует все свои усилия на выполнении уже существующих законов в области антирелигиозной пропаганды. В этот период базисным документом в борьбе с религией становится постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», опубликованное 7 июня 1954 года. Количество действующих мечетей снова сокращается с 1,500 в 1958 году до менее чем 500 в 1968.

С отставкой Хрущева и назначением Л. И. Брежнева на пост генерального секретаря КП СССР начинается пятый этап. Отношения государства и церкви в этот период нормализуются. И хотя Брежнев также сосредоточился на соблюдении религиозных законов, основной акцент был сделан на атеистическое образование, нежели на прямое наступление на религию. В 1977 году были внесены изменения в Конституцию, отразившие менее враждебное отношение к религии. В частности, в статье 52 фраза «свобода антирелигиозной пропаганды» была заменена на «свободу атеистической пропаганды».

Для последнего шестого периода характерно проведение новой антиисламской кампании.

В конце 70-х годов прошлого столетия в мусульманские регионы СССР начинают проникать идеи исламского радикализма. Это было связано как с исламской революцией 1979 года в Иране, так и с протестом мусульманского мира против советского вторжения в Афганистан. Опасаясь, что события в

Афганистане могут отразиться на советских мусульманах и привести к появлению стойких, решительно настроенных «мусульманских диссидентов», власти предпринимают соответствующие меры.

В 1988 году принимается инициированный М. С. Горбачевым закон о свободе совести, который и завершает 70-летнее противостояние государства и религии в советском обществе. С конца 80-х годов начинается период религиозной свободы, который продолжается и по сей день.

Особенности ислама в Центральной Азии

Процесс исламизации Центральной Азии имел специфический характер и был обусловлен рядом факторов.

Во-первых, специфичность ислама Центральной Азии объясняется тем, что население Центральной Азии не являлось гомогенным, а состояло из кочевого и оседлого населения, хозяйственно-культурный тип которых основывался на иных принципах и условиях, поскольку они находились на разных социально-экономических уровнях и имели свои духовные и социокультурные потребности и ценности. На всем протяжении исторического сосуществования оседлого и кочевого населения они противопоставляли себя друг другу, что иногда приводило к вооруженным конфликтам между ними.

Во-вторых, ислам в Центральной Азии столкнулся с различными культурно-идеологическими системами, среди которых был огромный пласт автохтонных древних тюркских верований центральноазиатских народов, в чьей основе лежало поклонение природе и почитание предков, магия, обожествление неба (тенгрианство), зороастризм и манихейство. К началу исламизации в регионе также существовали буддизм и христианское учение в форме несторианства. Однако ни одна из этих религий не стала господствующей или государственной религией. Взаимодействие разных культурных традиций неизбежно порождало синкретизм. В период исламизации произошло сращивание традиционных верований и обрядов с

мусульманством. В результате адаптации местных культурно-религиозных верований, ислам в Центральной Азии приобрел специфические черты, которые отличают от ислама арабского мира и других историко-культурных ареалов.

В-третьих, в Центральной Азии утвердился суннитский ислам ханафитского толка (мазхаба). Учение ханафитов – одной из четырех богословско-правовых школ в суннитском исламе – начинает доминировать в большинстве районов Центральной Азии к периоду монгольского нашествия в XIII веке. Положения сыграли большую роль в сложении центральноазиатской формы бытования ислама. Так, несмотря на формальное признание теократического характера государства, деятельность государства и духовных лиц в Центральной Азии на практике происходила отдельно. Именно центральноазиатские ханафиты изначально внесли изменения в вопрос о запрете на сотрудничество духовных лиц с представителями светской власти, который был снят в конце IX века факихом Абу-л-Лайсом ал-Хафизом ас-Самарканди²²⁶.

И в-четвертых, в Центральной Азии господствовал неортодоксальный суннизм, связанный с суфизмом, или так называемый «народный ислам». Чаще всего его элементы обнаруживаются в похоронных, свадебных и праздничных обрядах.

Особенности ислама среди кыргызов

Процесс распространения ислама среди кыргызов также имел ряд особенностей.

Исламизация населения Центральной Азии в первую очередь коснулась земледельческо-оседлых районов. Узбеки, таджики, южные кыргызы, оседлые туркмены приобщились к исламу на несколько веков раньше, чем кочевые народы - казахи и северные кыргызы. Именно в земледельческо-оседлых

²²⁶ Муминов А. Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5). – С. 78.

районах ислам получил наибольшее распространение, что и отразилось в дальнейшем. Однако большая часть как оседлого, так и кочевого населения, продолжала придерживаться традиционных верований.

Во-первых, специфика ислама среди кыргызов обуславливалась особенностями кочевого образа жизни. Такой образ жизни исключал контроль над кыргызами извне и на протяжении веков не давал возможности исламу основать институты, необходимые для идеологического воздействия, тем более, что разрозненные племена кыргызов были малочисленны и жили некомпактно в горной местности. Кыргызы оставались кочевниками вплоть до завоевания края Российской империей. Сначала на оседлость перешли южные кыргызы, тогда как северные племена стали оседлыми только в 30-годы XX столетия в период коллективизации. Отсутствие у кочевников стационарных поселений и постоянные сезонные переезды не благоприятствовали строительству многочисленных культовых сооружений и соблюдению религиозных обрядов. Находясь на периферии мусульманской цивилизации, кочевники не вступали в хозяйственные, политические и культурные контакты с мировыми мусульманскими центрами.

Так, родоплеменные отношения препятствовали распространению ислама среди кыргызов. Из-за боязни ассимиляции в конгломерате племен и народов Центральной Азии, кыргызы очень четко придерживались принципов, правил и ценностей трайбалистского общества. История всех кочевых народов показывает, что лишь те из них, кто при отсутствии государственности наиболее последовательно придерживались принципов трайбализма, сумели сохранить свою этническую самостоятельность и целостность. Другие же – гунны, саки, усунь, половцы – сформировавшиеся почти одновременно с кыргызами, растворились среди иных этнических образований или стали известны под другими этническими названиями²²⁷.

Известно, что ислам не привился в завершенном виде и среди других

²²⁷ Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана//Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - №3 (9). - С. 148.

кочевников Центральной Азии – казахов и туркмен. Даже в колыбели ислама - Аравии - к середине XVIII века исламские представления и нормы шариата были незначительно распространены среди кочевых арабских племен, а доисламские обычаи и верования оказывали большое влияние на духовную жизнь кочевников. Более того, процесс исламизации среди кыргызов носил вторичный характер, поскольку первыми проповедниками среди кыргызов были не арабы и персы, а узбеки и татары.

Во-вторых, непостоянное присутствие политической элиты, заинтересованной в утверждении ислама. На территории Кыргызстане появлялись различные этносы и племена, создавались государства, сменявшие друг друга. Одни правители провозглашали ислам государственной религией, другие оставались равнодушными или враждебными к нему. То есть процесс распространения носил спорадический характер. Кыргызы по причине отсутствия своего государства и, следовательно, общенациональной силы и идеи, склонялись то к Китаю и калмыкам, то к Коканду и Кашгару, то к России и казахам. Главным фактором в этом служило предоставление кыргызам политической самостоятельности. Промежуточное положение между крупными участниками международной политики в Центральной Азии позволяло кыргызам сохранять независимость и самобытность.

5.2. Исламское возрождение и этноконфессиональная ситуация в суверенном Кыргызстане

Исламское возрождение

После развала СССР и обретения суверенитета каждая страна центральноазиатского региона была поставлена перед уникальной и чрезвычайной сложной задачей построения аутентичного собственным традициям и культуре государства. Возникла проблема взаимоотношений

ислама и государства, так как в течение тринадцати веков ислам был политической основой государственных образований на территории современной Центральной Азии, главным регулятором социальных отношений, важнейшим компонентом культурной, цивилизационной, этнической самоидентификации, сердцевиной мировоззрения и образа жизни населения этих территорий.

Исламское возрождение в Центральной Азии было в значительной степени обусловлено этническим ренессансом конца 80-начала 90-х годов прошлого столетия. Рост национализма и этнического самосознания способствовал возрождению мусульманских традиций, что проявилось в желании центральноазиатских народов ощутить себя не только полноценными нациями, но и полноценной конфессиональной общностью.

Характеризуя процессы, связанные с исламом в Кыргызстане, специалисты нередко используют термин «исламское возрождение». Ряд исследователей считают данное понятие некорректным и не отражающим реальных процессов. Здесь, видимо, более уместным будет применение термина «реисламизация», поскольку процессы, происходившие в Кыргызстане, как и во всей Центральной Азии, связаны не столько с возрождением, сколько с восстановлением полноценности ислама и легитимизации его существовавших в полуподпольном состоянии религиозных и общественных структур²²⁸.

Несмотря на репрессии ислама в советский период, ислам в Центральной Азии «остался жив». И в советский период ислам оставался регулятором социальных отношений и оказывал существенное влияние на формирование общественного сознания. Однако это был так называемый «бытовой ислам» - санкционированные шариатом нормы поведения в быту и семье.

В то же время, «высокий» догматический ислам был разгромлен. Мечети были разрушены, система исламского образования была полностью упразднена, а высший слой мусульманского духовенства уничтожен. Более того, ислам в

²²⁸ См.: Малашенко А. Религия в общественно-политической жизни стран Центральной Азии (к постановке проблемы)//Центральная Азия и Кавказ. - №6(12). - 1997. - С. 58.

Центральной Азии был лишен права принимать участие в политической жизни республик. В результате, центральноазиатский ислам стал «ущербным» по отношению к исламу на Ближнем Востоке, с которым он был органически взаимосвязан.

Процессы, произошедшие в 90-е годы XX столетия в Центральной Азии и соответственно в Кыргызстане, являются очередным этапом эволюции ислама в регионе, обусловленного распадом СССР. Характерными чертами данного этапа являются:

- Резкое увеличение численности тех, кто считает себя мусульманами;
- Небывалый рост числа мечетей;
- Значительное увеличение количества исламских образовательных учреждений и студентов в них;
- Официальное признание мусульманских праздников;
- Издание исламских книг и другой литературы;
- Установление официальных контактов с мусульманскими странами и присоединение к международным исламским организациям;
- Рост исламских политических движений.

С конца 80-х годов XX века в республике наблюдается рост религиозного, в частности мусульманского, самосознания. Резко возросло число тех людей, которые считают себя мусульманами. Так, по данным экспертов Государственной комиссии по делам религий при Правительстве Кыргызской Республики, 80-84% населения Кыргызстана назвали себя мусульманами²²⁹.

Реисламизация в Кыргызстане была также отмечена возвращением мечетей мусульманской общине и строительством новых. Если в 1991 году по республике действовало 39 мечетей, то в 2003 году их число увеличилось до 1,600²³⁰. Из них, более 1,000 мечетей функционирует на юге республики: в

²²⁹ Омаров Н. М. К проблеме становления поликонфессионального общества в суверенном Кыргызстане//Ориентир. Аналитический бюллетень Международного института стратегических исследований при Президенте КР. – 2003. - №1. -С. 7.

²³⁰ См.: Мамаюсов О. Ш. Вопросы (проблемы) религии на переходном периоде. - Бишкек, 2003.

Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях.

Если в начале 90-х годов XX века в республике не было ни одного мусульманского учебного заведения и местные священнослужители обучались в мусульманских учреждениях Бухары и Самарканда, то в настоящее время в Кыргызской Республике действует 8 исламских высших учебных заведений. Среди них есть совместные межгосударственные учебные заведения, в том числе Кыргызско-Иранский и Кыргызско-Кувейтский университеты. Помимо этого, с 1993 года в Ошском университете открыт теологический исламский факультет, финансируемый турецким фондом «Дианет Вакфы». Аналогичный факультет действует в Кыргызско-Турецком университете «Манас». В систему исламского образования в республике входят также 38 действующих медресе.

В 2001-2002 учебном году в зарубежных исламских центрах обучались 284 граждан Кыргызстана, в том числе в египетском университете «Аль-Азхар» – 155, Турции – 84, Пакистане – 22, Сирии – 24, Кувейте – 5, Саудовской Аравии – 4, Иордании – 3, Ливии – 1²³¹.

Эти изменения обусловили создание целого ряда новых институтов, занимающихся религией и, прежде всего, исламом. После обретения независимости было создано собственное Духовное Управление Мусульман Кыргызстана (ДУМК), объединяющих 9 казыятов (территориальные структуры). Вопросы, связанные с отправлением религиозных культов в республике, стали регулироваться Законом КР «О свободе вероисповедания и о религиозных организациях» 1991 года. Закон предоставляет свободу совести каждому гражданину Кыргызстана и провозглашает его право исповедовать любую религию. В настоящее время подготовлен новый проект закона о религии, который, по мнению экспертов ОБСЕ, более адаптирован к современным реалиям. В частности, новый закон налагает некоторые ограничения на права религиозных меньшинств и запрещает религиозным организациям, не прошедшим официальную регистрацию, заниматься

²³¹ Омаров Н. М. К проблеме становления поликонфессионального общества в суверенном Кыргызстане - С. 10.

религиозной деятельностью²³².

Указом Президента КР в марте 1996 года в структуре правительства создан специальный орган, ответственный за формирование и реализацию государственной политики в отношении религий. Государственная комиссия по делам религий при Правительстве Кыргызской Республики осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики. В соответствии с пунктом 11 статьи 16, «каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, религиозной или атеистической деятельности. Каждый вправе свободно исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Пункт 3 статьи 8 декларирует: «Религия и все культы отделены от государства». В пункте 2 статьи 15 Конституции говорится: «...никто не может подвергаться какой-либо дискриминации, ущемлению прав и свобод по мотивам происхождения, пола, расы, национальности, языка, вероисповедания, политических и религиозных убеждений».

Ислам и традиции

Как уже отмечалось, процесс реисламизации в Кыргызстане обусловлен ретрадиционализацией. Именно ретрадиционализация создает почву для реисламизации. Доминирование процесса ретрадиционализации в странах Центрально-азиатского региона над процессом реисламизации было отмечено М. Эсеновым в докладе на конференции «Тенденции развития ислама в Центральной Азии»²³³. Процессы реисламизации и ретрадиционализации центрально-азиатского общества происходили на фоне отрицания марксистской идеологии, введения демократических институтов, либерализации экономики, а также резкого падения жизненного уровня основной массы населения.

Кыргызстан советского и постсоветского времени продолжает оставаться

²³² Anderson J. Religious Liberty in Transitional Societies. The Politics of Religion. - Cambridge University Press, 2003. - P. 155.

²³³ Сафронов Р. Тенденции развития ислама в Центральной Азии (К итогам конференции Центра стратегических и политических исследований США)//Центральная Азия и Кавказ. - 1999. - №4 (5). - С. 9.

традиционным обществом, в котором традиции и обычаи играют доминирующую роль. Несмотря на советскую политику секуляризации и атеизации, культурные традиции и обычаи и в советское время продолжали оставаться регулятором общественных отношений и общественного сознания.

Как во многих развивающихся странах, традиционное и современное, старое и новое в Кыргызстане сосуществуют вместе, так, что иногда трудно определить, где начинается одно и заканчивается другое. Люди как будто живут в двух мирах, в прошлом и настоящем. Общество базируется на группе, которой подчиняется индивидуум. Зависимость от клана и общества культивирует коллективные ориентации, а также желание поддерживать существующие социальные отношения. Постепенно меняется социальный статус личности, она оттесняется на второй план, реставрируется родоплеменная, клановая и региональная структура общества, а значимые политические, экономические вопросы решаются в плоскости племенных, клановых и региональных институтов власти.

В условиях переходного периода ислам становится мощным фактором преодоления массового отчуждения и социального неравенства, психологическим якорем в нестабильные периоды социальных трансформаций. Он становится попыткой противопоставить западной индивидуалистской культуре свои культурно-религиозные традиции, сохранить свою национальную самобытность и восстановить чувство собственного достоинства. Вследствие повышенной стабильности традиционных институтов и представлений люди продолжают оценивать новое с позиций старых и привычных формул; они обращаются к прошлому, чтобы найти разрешение проблем сегодняшних, которые не требуют болезненных изменений. Поэтому современное сосуществует в их сознании с традиционным, меняя форму и содержание.

Опыт Чечни, Таджикистана, Афганистана, да и многих других стран Азии и Африки свидетельствует о необходимости скрупулезного учета этнических,

конфессиональных, родовых, племенных, сословных, кастовых и прочих патриархальных связей «естественной социальности», которые на Востоке сплошь и рядом доминируют над отношениями классовыми или иными, определяемыми сугубо экономической или узкополитической заинтересованностью²³⁴.

Ислам и этническая идентичность

Ислам был и остается одним из важнейших элементов кыргызской национальной идентичности, наряду с принадлежностью к единому этносу, государству, общим историческим прошлым и языком. Однако сила исламского компонента в национальной идентичности не всегда приносит убежденное чувство принадлежности к более широкой наднациональной мусульманской общности. В отношении мусульман Центральной Азии, которые приобрели национальную идентичность при Советской власти, исламская идентичность должна рассматриваться в ее взаимосвязи с этнической и национальной категориями.

Для кыргызского общества характерно отождествление этнического и религиозного начал, поэтому очень часто в общественном сознании кыргызов национальные традиции воспринимаются как мусульманские, а мусульманские традиции как национальные. Сегодня даже те, кто не относит себя к истинным мусульманам, считают своим долгом соблюдать мусульманские праздники и обряды. Даже в период Российской колонизации и советское время власти воспринимали обе исламскую и этническую идентичности как единое целое.

Говоря о возросшем значении исламского фактора в этнокультурной жизни кыргызов следует выделить два основных его уровня (по классификации Малашенко А.)²³⁵.

²³⁴ Социальный облик Востока. - М., 1999. - С. 73.

²³⁵ Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. - М., 2001. - СС. 82-83.

На первом личностном уровне речь идет о вере во всевышнего, об изменении в мировоззрении индивида. Здесь обращение к религии, прежде всего, означает избавление от советского мировоззрения. В значительно меньшей степени это связано с противопоставлением себя верующим других конфессий.

Второй уровень, на котором реализуется влияние ислама на этническую идентичность, - традиционно-обрядовый. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских нормативов поведения, в том числе разного рода запретов. На этом уровне групповой идентификации ислам является одним из элементов кыргызской этнической идентичности, наряду с языком, родовой принадлежностью, общностью исторической судьбы и территории.

Конкретизируя эти уровни, можно отметить, что первому уровню свойственны проявления собственного религиозного сознания, на другом же актуализируется так называемая секуляризованная религиозность, которая играет роль этнокультурного идентификатора²³⁶.

В постсоветский период ислам становится фактором легитимации почти всех социальных форм и действий. Это происходит потому, что в кыргызстанском обществе традиции, обычаи, ритуалы и обряды еще не утратили своего значения в качестве регуляторов общественного мнения и поведения людей. Кыргызстан пока еще остается традиционным обществом, где мораль предписывает совершать одни поступки и воздерживаться от других, уважать определенные свободы, проявлять приверженность конкретным ценностям. Здесь сказываются особенности ислама, который играет роль морально-нравственного фактора, формирующего ценностные представления людей и регулирующего отношения между ними. Забегая вперед, отметим, что в Кыргызстане преобладает второй тип религиозности и верующих, не связанный с регулярной культовой практикой.

²³⁶ Курбанов Г. Религия в постсоветском Дагестане: социологические аспекты//Центральная Азия и Кавказ. – 2002. - №6(24). - С. 152.

Ислам в Кыргызстане, как и других регионах Центральной Азии, главным образом, сконцентрирован в семейно-бытовой сфере. Это проявляется в том, что несмотря на высокий уровень грамотности и образованности, большинство мусульман Центральной Азии не знает основных пяти столпов ислама: *шахада* (произнесение основной формулы ислама и вера в ее истинность), совершение пятикратной молитвы каждый день, пост в месяц Рамадан, *закят* (пожертвование в пользу бедных), *хадж* (паломничество). Знание пяти столпов ислама отражает религиозность мусульманина на индивидуальном уровне и люди, исправно выполняющие их, составляют не более одной сотой части взрослого населения Центральной Азии, то есть гораздо меньше общего числа тех, кто считает себя мусульманами²³⁷. Основное же население Центральной Азии придерживается его обрядовой формы, в которой собственно исламские традиции сплетаются с доисламскими обычаями. «Народный ислам» включает в себя обычаи и нормы поведения, предписанные шариатом и адатом с рождения человека до его смерти. В сознании людей правоверный мусульманин тот, кто живет согласно этому сценарию.

Кыргызские обряды можно разделить на «календарные» и «семейные». Семейные обряды обычно включают три больших ритуальных цикла: детский, свадебный и похоронно-поминальный. Циклы сменяют друг друга, фиксируя наиболее важные события в жизни каждого человека.

Однако ритуалы не сводятся только к празднованию событий. Эти обряды имеют гораздо более широкий социальный смысл, обращенный не столько к инициатору торжества, сколько ко всей общине. Исполнение обрядов – своеобразный долг каждого. С точки зрения кыргызов, подобные обряды публично демонстрируют и определяют положение семьи в обществе, укрепляют социальные взаимоотношения между родственниками, друзьями, соседями. Свой новый социальный статус члены семьи должны продемонстрировать всему тому кругу людей, с которым происходит их

²³⁷ Бердыев М. Ислам – «проводник» иранизмов в тюркскую кочевую культуру// Центральная Азия и Кавказ. – 1997. - №12.

постоянное общение. Не совершить обряд и не предложить угощения – позор, и члены семьи предпочитают влезть в долг, но соблюсти обычай. Сила традиций такова, что никто не может уклониться от них, не рискуя своим добрым именем.

Другая отличительная черта кыргызов при проведении подобных мероприятий – их небывалая щедрость, которая обычно объясняется следованием мусульманским традициям. Для этих целей забивается много скота, расходуются большие денежные средства. Но, говоря о больших затратах, которые несет с собой проведение таких мероприятий, исследователи забывают упомянуть и о компенсации, которая сопровождает каждое подобное событие. Как правило, гости приносят с собой соответствующие суммы денег или ценные подарки, чтобы компенсировать расходы семьи. Позже, семья должна вернуть деньги или подарки эквивалентной стоимости, когда друзья и родственники пригласят их на собственное торжество.

К «календарным» обрядам можно отнести соблюдение мусульманских религиозных праздников *Орозо айт* и *Курман айт*, объявленные официальными нерабочими днями в Кыргызстане. Тем не менее, в народной среде эти праздники ассоциируются с языческими представлениями кыргызов. Религиозный пост *орозо* связывается с культом предков. Окончание поста, *Орозо айт*, отмечается как поминание умерших предков. В этот день жарят *боорсок*²³⁸ и угощают ими других. Пища, съедаемая в этот день, считается посвященной духам предков. Мужчины едут на кладбище умерших родственников и читают там молитву.

Мусульманский праздник *Курман айт*, праздник жертвоприношения, традиционно считается праздником живых. Семья забивает жертвенное животное и приглашает на угощение соседей и родственников.

Доисламский фестиваль *Нооруз* повсеместно отмечается в странах Центральной Азии. С получением независимости республики этот день был

²³⁸ Боорсок – кусочки жаренного теста.

провозглашен официальным праздником. Нооруз приветствует приход весны и начало нового года 21 марта, в день весеннего равноденствия. В этот день кыргызы варили специальное блюдо из пшеницы, разжигали костры, через которые прыгали, окуривали людей и дома дымом горячей арчи. Нооруз – свидетельство влияния доисламской культуры зороастризма на культуру народов Центральной Азии.

Распространение ислама в Кыргызстане

Необходимо отметить, что степень исламизации различных регионов Кыргызстана неодинакова. Она, во многом, зависит от этнического состава населения, проживающего в регионах. По степени влияния ислама, Кыргызстан можно разделить на три географических зоны.

Первая зона включает город Бишкек и Чуйскую долину. В этой зоне всегда велика была доля народов европейского происхождения (русских, украинцев, немцев), которые проживали, в основном, в городах, при этом кыргызы в этой зоне составляли меньшинство и жили в сельской местности. Города Чуйской долины с развитой инфраструктурой, высоким уровнем образования и многонациональным населением обусловили установление здесь умеренной формы ислама.

Вторая зона – северные области республики (Иссык-Кульская, Таласская и Нарынская области), в которых проживают в основном представители кыргызской национальности. Исторически, эти зоны были населены кочевниками, которые приняли ислам поздно, в XVII-XVIII веках, что и предопределило поверхностное отношение их к исламу, преобладание «бытового ислама» с элементами шаманизма и местных языческих культов.

Наибольшая часть мусульманского населения сконцентрирована в южных областях республики, расположенных в Ферганской долине. Эта зона наиболее

исламизирована по причине численного преобладания здесь узбекского и кыргызского населения над немусульманским. Кроме того, оседлые узбеки всегда были «лучшими» мусульманами, чем кыргызские кочевники. Население Ферганской долины, окруженной высокими горами, географически изолировано от остальной части Кыргызстана. Поэтому с давних пор местное население имело более тесные связи с жителями соседних Узбекистана и Таджикистана, живущих в долине, чем с остальным населением Кыргызстана. Последнее обстоятельство обусловило более мусульманский юг Кыргызстана и менее мусульманский север.

Ферганская долина, расположенная на смежных территориях Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, является наиболее уязвимой и взрывоопасной зоной Центральной Азии. Независимость трех государств привела к разделу некогда единой экономической и культурной области на три отдельные части. Раздел долины нарушил экономический обмен, подорвал культурные и семейные связи, создав дополнительные трудности для местных жителей. В дополнение ко всем этим изменениям, высокая плотность населения, его крайне бедственное социально-экономическое положение, нестабильность, порожденная войнами в Таджикистане и Афганистане, создали благоприятную почву для возникновения здесь исламизма и экстремизма.

Исламский фактор в политике

Исламское возрождение 80-90-х годов прошлого столетия означало не только возвращение ислама к дореволюционному уровню, легитимизацию исламских институтов и возрождение «высокого» догматического ислама, но и появление и активизацию исламских политических движений. Политизация ислама – явление постсоветского периода, обусловленное исламской традицией и современной ситуацией в регионе. В исламе нет деления на духовное и светское, ислам - это тотальная религия, охватывающая все сферы

общественной жизни, включая политику²³⁹. Политизация ислама – это реакция в ответ на острый и всеобщий социальный кризис. В условиях кризиса люди обращаются к традиционным ценностям, в частности, к исламу.

На первом этапе самостоятельного развития государств Центральной Азии произошла определенная исламизация политики и огосударствления ислама. Важным свидетельством этого является принесение присяги на Коране первым президентом Кыргызской Республики А. Акаевым каждый раз, когда он избирался на пост президента.

В то же время, руководство страны обращалось к исламу не только в связи с вопросами внутренней политики, но и при формулировании внешнеполитического курса. Так, приверженность исламу демонстрировалась всякий раз, когда требовалось подчеркнуть или подкрепить идею общей религиозной идентичности, солидарности между мусульманскими странами. Так, на первом этапе независимого существования Кыргызстан активизировал свои отношения с Турцией, Пакистаном, Ираном, Саудовской Аравией, стал полноправным членом Организации Исламская конференция (ОИК), Организации экономического сотрудничества (ОЭС) и других международных исламских организаций.

Следует отметить, что сотрудничество с зарубежными мусульманскими странами является не только выгодным для экономики. Это сотрудничество предполагает и искреннее тяготение Кыргызстана к остальному мусульманскому миру и, в свою очередь, зарубежные мусульманские государства также признают Кыргызстан его составной частью.

Таким образом, ислам становился легитимным участником политических процессов, создавая прецедент использования ислама не только правящими политиками. Активными участниками политического процесса стали представители официального и неофициального духовенства. Неофициальное духовенство стало набирать политический вес практически во всех республиках

²³⁹ Малашенко А. Религия в социально-политической жизни Центрально-азиатских государств//Центральная Азия и Кавказ. - 1997. - №6. - СС. 58-59.

Центральной Азии.

Уже в конце 80-х – начале 90-х годов в Центральной Азии, преимущественно в Таджикистане и Узбекистане, начали появляться новые политические движения, в корне отличавшиеся от традиционных. Эти политические объединения заявляли о своей религиозной (исламской) политической платформе и идеологических установках. Так, в 1990 году в Астрахани была создана Всесоюзная исламская партия возрождения с отделениями во всех центральноазиатских республиках. В начале 90-х годов прошлого века исламские организации Таджикистана и Узбекистана пытались выдвинуть своих кандидатов в состав парламента и на пост президента.

В тоже время, только некоторые из данных политических образований находили поддержку во всех регионах государства. Большинство организаций функционировало на субрегиональном или на локальном уровнях. Как пишет Р. Абазов, по формам политической мобилизации религиозные организации подразделялись на следующие группы²⁴⁰:

- Организации, которые пытались сформировать массовые религиозные партии.
- Организации, ориентированные на не прямое участие в политических процессах.
- Локальные группы.

В отличие от Узбекистана и Таджикистана, где сформировались Исламские политические партии, в Кыргызстане не было создано самостоятельной политической партии на религиозной почве. Согласно Закону Кыргызской Республики «О политических партиях», создание политической партии в республике на религиозной основе запрещено, религиозные организации не должны преследовать политические цели и задачи.

В тоже время, необходимо отметить усиливающуюся тенденцию взаимовлияния религии и политики в Кыргызстане, что проявилось в

²⁴⁰ См.: Абазов Р. Многопартийность и исламские организации в Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №5(6). – С. 148.

образовании Исламской демократической партии (ИДП), лидером которой стал известный журналист Н. Мулладжанов. В июне 2002 года в республиканских СМИ прошла информация о поддержке создания Исламской демократической партии молодыми самостройщиками г. Бишкек.

Таким образом, в Кыргызской Республике религиозные организации представлены второй группой, включающей исламские культурные центры и религиозно-культурные объединения. Их сторонники придерживаются либеральных и умеренных взглядов. Их деятельность носит легальный характер, они имеют устоявшийся круг членов, свои печатные издания, публикуются в средствах массовой организации, участвуют в различных общественных акциях. К настоящему времени в Кыргызстане осуществляют свою деятельность более 10 исламских религиозных фондов и обществ. Исламский культурный центр, имевший некоторый крен в сторону политики, был образован в начале 90-х годов XX века.

«Хизб ат-Тахрир»

Политизация ислама в Кыргызстане, происходящая под влиянием событий в Таджикистане и Узбекистане, проявилась в активизации деятельности международной политической организации «Хизб ат-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения) на юге республики.

Эта религиозная политическая партия была основана в 1952 году известным религиозным деятелем Таки ад-дин Набхани ал-Фаластини (1909-1979). Сегодня партия «Хизб ат-Тахрир» имеет свои филиалы в Египте, Иордании, Тунисе, Кувейте, Палестине, Турции и даже Западной Европе. Практически во всех странах их деятельность нелегальна. В настоящее время активность «Хизб ат-Тахрир» распространилась и на государства Центральной Азии.

У партии имеется свой интернет-сайт, который она использует для распространения идей джихада, призывая к борьбе против неверных правящих режимов в мусульманских странах. Конечная цель партии -

создание исламского халифата на территории всех мусульманских стран.

В 1992-1994 годах ячейки «Хизб ут-Тахрир» появились в городах Узбекистана - Фергане, Андижане, Ташкенте, а в 1998-2000 годах – в Таджикистане и Кыргызстане. По данным разных источников, численность партии в республиках Центральной Азии составляет десятки тысяч человек²⁴¹. Особенно активна деятельность партии в Ферганской долине.

В Кыргызстане деятельность партии активизировалась в середине 90-х годов прошлого века благодаря узбекским андижанским и наманганским эмиссарам. По данным правоохранительных органов Кыргызской Республики, в 2002 году на профилактическом учете состояло более 2,000 сторонников партии²⁴².

Деятельность «Хизб ат-Тахрир» сконцентрирована, главным образом, на юге республики, в Ошской и Джалал-Абадской областях, и находит поддержку у узбекской части населения²⁴³. Активисты партии имеют здесь большую свободу действий, чем в Узбекистане, что приводит к значительной дестабилизации обстановки в кыргызской части Ферганской долины.

Основная деятельность партии направлена на агитационно-пропагандистскую работу. Отрицая насильственные методы борьбы с существующим режимом, его члены конспиративно распространяют литературу религиозного направления на арабском языке, узбекском и кыргызском языках.

По своему социально-демографическому составу центральноазиатский филиал партии преимущественно состоит из представителей безработной молодежи. Основной костяк партии составляют лица, обучавшиеся в религиозных школах, а также представители студенческой молодежи и интеллигенции.

Помимо пропагандистской работы, «Хизб ат-Тахрир» стремится к сотрудничеству с другими исламистскими движениями, в частности, с оппозиционным движением Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Однако

²⁴¹ Ботобеков У. Внедрение идей партии «Хизб ат-тахрир ал-ислами» на юге Киргизии//Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. – С. 141

²⁴² См.: Курманов Э. Деятельность «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане//Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №3(21). – С. 141.

²⁴³ Курманов Э. Деятельность «Хизб ут-Тахрир» в Кыргызстане. – С. 142.

вторжение террористов в Баткенскую область Кыргызстана вынудило «Хизб ат-Тахрир» открыто отмежеваться от ИДУ. А после событий 11 сентября 2001 года многие члены партии, испугавшись широких репрессий по всей Центральной Азии, ушли в более глубокое подполье. Тем не менее, спустя некоторое время партия вновь активизировалась, причем не только в распространении листовок, но и рекрутировании своих новых членов²⁴⁴.

За период с 1999 года до 2002 года в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях сотрудники милиции и органы национальной безопасности задержали более 286 молодых людей (более 100 из них привлечены к уголовной ответственности). У них было изъято большое количество листовок партии «Хизб ат-Тахрир», а также аудио-видеокассет и книг экстремистского содержания.

В то же время, в самом секуляризованном северном регионе республики, Чуйской области, были задержаны 2 человека, конфисковано 30 листовок и 8 книг, проповедующих идеи партии «Хизб ат-Тахрир». Подсудимые были обвинены по двум статьям Уголовного кодекса республики: статье 299 ч. 1 «Возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды» и статье 147 «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

Наблюдались факты явного вмешательства партии «Хизб ат-Тахрир» в политическую жизнь страны. Так, 3 неизвестных человек в масках совершили налет на дом мэра города Узген – Б. Салиева. Они избили его и принуждали отказаться от участия в выборах главы местных органов власти, которые должны были состояться 16 декабря 2001 года. Милиция Узгенского района арестовала всех 3 виновных. Все они были узбеками по национальности. Кроме того, было установлено, что один из нападавших был гражданином Узбекистана, и двое были членами подпольной партии «Хизб ат-Тахрир»²⁴⁵.

В июне 2001 года начальник управления Службы национальной безопасности Т. Раззаков заявил о том, что в последнее время в Кыргызстане наблюдается рост религиозного экстремизма. По его словам, только в первом

²⁴⁴ См.: Курманов Э. Деятельность “Хизб ат-Тахрир” в Кыргызстане//Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №3(21). – С. 142.

²⁴⁵ См.: Аналитический отчет по материалам социологического исследования «Молодежь и религия». - Бишкек, 2002. - С.17-18.

квартале текущего года в стране было задержано около 40 религиозных активистов с более чем 1,500 листовок партии «Хизб ат-Тахрир», зафиксировано 28 фактов разжигания межрелигиозной вражды и 3,000 человек поставлены на учет. Он также сообщил, что ежегодно из Саудовской Аравии в Кыргызстан доставляется около 10,000 книг с религиозной пропагандой и около 300 граждан Кыргызстана проходят обучение в радикальных религиозных медресе Пакистана.

Раззаков предложил парламенту Кыргызстана внести поправки в статью Уголовного кодекса о разжигании межрелигиозной розни, а правительству - разработать специальную программу по борьбе с религиозным экстремизмом. По мнению Раззакова, прошедшие судебные процессы продемонстрировали слабость доказательной базы и действия обвиняемых трудно было квалифицировать по названным статьям Уголовного кодекса. Например, в Узбекистане за «антигосударственную деятельность» членов партии «Хизб ат-Тахрир» осуждали на сроки от 8 до 15 лет, в Таджикистане – от 8 до 11 лет. В Кыргызстане же их приговаривают на 2-4 года, но чаще всего они отделяются штрафом, а не тюремным заключением.

В соответствии с постановлением правительства №510 от 22 августа 2000 года, в Законодательное собрание Жогорку Кенеша был направлен проект закона «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Кыргызской Республики», в котором шла речь о дополнениях к статье 299 ч. 1 УК, а конкретнее – о мерах наказания за изготовление, хранение и распространение экстремистской литературы, содержание которой направлено на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды.

В этом же направлении работает и Духовное управление мусульман Кыргызстана. Так, в ДУМК создан отдел пропаганды и агитации, который ведет последовательную пропагандистскую деятельность по предотвращению проникновения экстремизма в ряды мусульманской общины республики. В целях профилактики религиозного экстремизма руководство и сотрудники Госкомиссии по делам религий проводят встречи и семинары по всей республике.

Факторы политического ислама в Кыргызстане

Анализ роста политического ислама в Центральной Азии после распада СССР позволяет выделить следующие внешние и внутренние причины политического ислама в регионе²⁴⁶.

Политический ислам в Центральной Азии появился еще в 70-е годы прошлого века как следствие «исламского бума» 60-70-х годов прошлого столетия на Ближнем Востоке²⁴⁷. Появление в СМИ статей о политическом исламе и деятельности религиозных организаций арабских стран таких как «Братья-мусульмане» в Египте, развитие научно-технического сотрудничества с государствами Ближнего Востока, Исламская революция 1979 года в Иране и движение моджахедов в Афганистане способствовали проникновению политического ислама в Центральную Азию.

К внешним факторам, повлиявшим на развитие политического ислама в регионе уже в годы независимости, можно отнести восстановление контактов с исламским миром, а также широкомасштабное строительство мечетей и медресе зарубежными исламскими донорами. В регион хлынул поток религиозной литературы и мусульманских миссионеров, представлявших незаконно действующие радикальные движения других стран.

Хотя внешние факторы и были достаточно вескими, но все же не они были решающими в возникновении политического ислама в Центральной Азии. Только внешние причины не смогли бы обусловить распространение политического ислама в регионе, если бы на то не было соответствующих внутренних причин. Поэтому внешние факторы необходимо рассматривать в их тесной взаимосвязи с внутренними.

Первым внутренним фактором, стимулировавшим возникновение политического ислама в центральноазиатском регионе, стала перестройка. В

²⁴⁶ См.: Эсенаманова Н. С. Ислам в Центральной Азии: история и современность. - Бишкек, 2003.

²⁴⁷ См.: Назиров Д. Политический ислам в Центральной Азии: Истоки и этапы становления//Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №4(28). – С. 181.

результате перестройки, демократические процессы, начатые Горбачевым в 1985 году, спровоцировали активизацию уже существующих и формирование новых политических движений.

Другим внутренним фактором стал социальный. Социальный фактор в виде общего системного кризиса, трудностей экономического переустройства общества, понижения социального статуса целых слоев общества привел к разочарованности огромных масс людей и обусловил их недовольство официальной политикой. Как следствие, единственный выход из создавшейся ситуации начал видеться им в возврате к тем аутентичным исламским ценностям, которые были утрачены в советский период. Речь идет о своего рода поиске «исламской альтернативы», которая становится все более востребованной среди самых разных слоев общества²⁴⁸. Эта «исламская альтернатива» зиждилась на стремлении восстановить социальный порядок, который существовал при первых четырех праведных халифах.

Третьим фактором является демографический. В силу своей традиционности и религиозной непросвещенности, самыми восприимчивыми к радикальным исламским учениям стали сельское население и молодежь, составляющие основную часть жителей в регионе. Различного рода секты и нетрадиционные религиозные учения, в том числе экстремистского толка, начинают манипулировать сознанием этих людей, их незнанием основных догматических принципов ислама.

Четвертой причиной роста влияния политического ислама является духовный вакуум. После ухода марксизма с общественно-политической и идеологической сцены возник идеологический вакуум, куда устремились различного рода идеологические и религиозные учения. В этих условиях, люди стали взывать к традиционным символам и ценностям, которые давали им ощущение устойчивости.

И в качестве последнего фактора политического ислама можно назвать

²⁴⁸ См.: Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5). – С. 61.

использование ислама в политических целях правящими элитами и различными местными оппозиционными силами. Примером тому могут служить Таджикистан и Узбекистан, где после развала СССР ислам становится силой, мобилизующей оппозицию на политическое противостояние номенклатурной элите. Именно в Таджикистане и Узбекистане сформировались оппозиционные исламские политические организации такие как Движение Исламского Возрождения Таджикистана (ДИВТ), впоследствии ставшее костяком Объединенной Таджикской Оппозиции (ОТО), и Исламское Движение Узбекистана (ИДУ).

Таким образом, после распада Советского Союза и образования новых независимых государств в Центральной Азии появились силы, которые предприняли попытку создания исламских государств в регионе. И если в советский период ислам был лишен права легитимного участия в политической жизни, то с конца 80-х - начала 90-х годов XX века он начинает претендовать не только на роль культурно-цивилизационного, но и политического фактора.

Этноконфессиональная ситуация в Кыргызстане после независимости

Хотя мусульманская община является наиболее массовой в республике по числу последователей, на территории Кыргызстана проживают и другие этносы, которые традиционно исповедуют христианство. По данным Госкомиссии по делам религий, в 2003 году около 14-15% граждан Кыргызстана исповедовало христианскую религию²⁴⁹.

В настоящее время в Кыргызстане насчитывается 44 храма и прихода Русской Православной Церкви, из них один женский монастырь. Храмы и приходы Русской Православной Церкви имеются во всех областях Кыргызстана. Тем не менее, наибольшее их количество сосредоточено в Чуйской (20 храмов) и Иссык-Кульской (11 храмов) областях, что обусловлено

²⁴⁹ Омаров Н.М. К проблеме становления поликонфессионального общества в суверенном Кыргызстане//Ориентир. Аналитический бюллетень Международного института стратегических исследований при Президенте КР, 2003, №1, С. 7.

историко-географическими особенностями расселения этнических славян в республике.

В советский период и ранее ислам и православие воспринимались как этнические религии, принадлежностью к которым определялась этноконфессиональная идентификация этносов Кыргызстана. Так, кыргызы, узбеки, уйгуры, дунгане, и таджики считались мусульманскими этносами, а русские, украинцы, белорусы – православными. Сегодня этнорелигиозная ситуация кардинально изменилась. Наблюдается появление смешанных религиозных общин (протестантских, евангелических и других), в которых представители различных этносов, мусульманских и христианских, исповедуют общие духовные ценности.

Наиболее серьезную альтернативу православному христианству представляет протестантизм. В республике насчитывается 218 молельных домов протестантского направления. Протестантство представлено 11 различными течениями. Наиболее значимые среди них – свидетели Иеговы (7,000 членов), баптисты (3,000 членов), пятидесятники (1,500 членов), а также адвентисты, пресвитериане, лютеране²⁵⁰.

До середины 90-х годов традиционную этническую базу протестантизма в республике составляли немцы, проживающие на севере Кыргызстана. Однако, в связи с массовой эмиграцией немцев (70 %) на свою историческую родину, с 1995 года начинается процесс расширения протестантских общин за счет коренного кыргызского населения. По данным Госкомиссии по делам религий, в 2003 году в республике было зарегистрировано около 20,000 кыргызов-протестантов.

В то же время, начиная со второй половины 90-х годов прошлого века в Кыргызстан проникают новые нетрадиционные религии такие как Саентологическая и Универсальная Церкви, община евангельских христиан–пресвитериан «Эммануил», пресветерианская церковь «Саран», «Церковь

²⁵⁰ Омаров Н.М. К проблеме становления поликонфессионального общества в суверенном Кыргызстане. - СС. 8-9.

объединения (Муна)», общество сознания Кришны и многие другие. Финансируемые религиозными организациями США, Германии, Южной Кореи, они приобретают все большую популярность среди местного населения. Многие из этих центров занимаются благотворительной деятельностью: участвуют в строительстве школ и больниц, раздают гуманитарную помощь. В таких религиозных школах богословие преподается наряду с общими школьными дисциплинами.

Зарубежные миссионеры стремятся адаптировать богослужение для местного населения, упростить ритуалы. Одним из наиболее привлекательным факторов является языковая доступность. Во многих общинах, например евангельских христиан-баптистов, устраиваются специальные молитвенные собрания на кыргызском языке. Имеется Библия на кыргызском языке – *Инжыл*. Публикуются различные буклеты с духовными песнями и открытки с выдержками из Библии на кыргызском языке²⁵¹.

Особой популярностью среди кыргызов пользуется община Бахаи, имеющая 18 местных Духовных Собраний, объединенных в Национальное Духовное Собрание. Учение Бахаи ассимилирует и вбирает в себя духовные ценности различных религиозных систем. Бахаи не отрицают других богов и пророков и пропагандируют традиционные общечеловеческие ценности добра и нравственности. В Кыргызстане община Бахаи возникла в 1992 году и в 1997 году была зарегистрирована Министерством юстиции. Национальным Духовным Собранием проводятся семинары и конференции, на которых Бахаи делятся своим опытом. Например, в декабре 1999 года на базе Национальной библиотеки Кыргызской Республики была проведена конференция «Воспитание нравственности у детей и юношества (из опыта Бахаи)». Помимо членов общины в конференции участвовали преподаватели школ, колледжей,

²⁵¹ Галиева З. Проблемы и противоречия современного поликонфессионализма в Кыргызстане//Труды Института Мировой Культуры. - Вып. 3 «Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана». - Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003. - СС. 159-160.

вузов, а также представители творческой интеллигенции²⁵².

Кроме того, в республике действует 3 общины католиков, 2 иудейских религиозных общины, 2 буддийских общины. Распространение этих религиозных учений происходит в основном на севере и в столице республике, в то время как на юге наблюдается активизация деятельности радикальных исламских группировок фундаменталистского толка.

Большинство новообращенных протестантов, бахаитов и представителей других нетрадиционных религиозных течений – женщины, что, прежде всего, объясняется тем обстоятельством, что женщины являются наиболее уязвимой частью населения и пытаются найти духовную опору в религии. Возможно и то, что их привлекают более демократичные, нежели мусульманские, нормы поведения в быту и семье.

В силу указанных этноконфессиональных особенностей Кыргызстана проблема межконфессиональных отношений проецируется на межэтнические отношения. Тесная связь религии и этноса выражается в неприязненном отношении к смене традиционной этноконфессиональной принадлежности. Нередки столкновения на бытовом уровне между кыргызами-мусульманами и кыргызами-протестантами. Так, кыргызы-мусульмане предлагают такие меры борьбы с вероотступниками: не выделять земли под огороды, не давать воду для полива, отключить электроэнергию. Иногда подобные конфликты принимают более радикальные формы. В частности, жители поселка Актюз Кеминского района требовали выселить из села кыргызов-протестантов²⁵³.

Особенно часты столкновения во время проведения похоронных церемоний. Так, в селе имени Усубалиева Нарынской области при похоронах представителя секты Иегова, Замира Истиева, кыргыза по национальности, произошел конфликт между тремя сторонами: местными жителями – кыргызами, представителями секты Иегова и родственниками покойного.

²⁵² Громова С. М. Вера Бахаи в системе мировых религий//Труды Института Мировой Культуры. - Вып. 3 «Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана». - Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003. - С. 166.

²⁵³ Дело №. - 13 апреля 2002.

Кыргызы-мусульмане во главе с местным имамом запретили хоронить покойника по мусульманскому обычаю²⁵⁴. С начала 2002 года на территории Кыргызстана действует постановление мусульманского руководства, согласно которому кыргызов нетрадиционных религий запрещается хоронить на мусульманских кладбищах. Это решение вызвало волну протеста со стороны протестантских организаций, которые восприняли его как нарушение прав человека, в частности его права на свободу совести и вероисповедания.

Этносоциологическое исследование 2003 года

Результаты этносоциологического исследования, проведенного в 2003 году, выявили следующую этноконфессиональную картину.

Религия в Кыргызстане представлена двумя традиционными конфессиями: мусульманской и христианской. По результатам исследования, 76.7% опрошенных назвали себя мусульманами, 15.1% - христианами, 0.2% отнесли себя к иудаизму и 7.2% не исповедовали никакой религии. Необходимо отметить, что полученные результаты идентичны данным Госкомиссии по делам религий, что позволяет нам говорить о высокой репрезентативности и достоверности результатов исследования.

Согласно национальностям цифры распределились следующим образом: 100% узбеков, 96.3% кыргызов, 70.8% респондентов «других» национальностей назвали себя последователями ислама (Таблица 5.1). К христианскому вероисповеданию отнесли себя 70.8% русских и 15.4% «других» опрошенных. 3.1% других национальностей назвали себя иудеями.

Хотя 92% респондентов считают себя приверженцами трех религий: ислама, христианства и иудаизма, численность тех, кто выполняет необходимые религиозные предписания составляет лишь 77.4% (Таблица 5.2). Только четверть (25.7%) регулярно придерживается религиозных правил, а 51.7%

²⁵⁴ См.: Аналитический отчет по материалам социологического исследования «Молодежь и религия». - С. 16.

опрошенных следует им не всегда. 14.3% вовсе не выполняет религиозных предписаний и 7.8% затруднились ответить.

Таблица 5.1. Ответы респондентов на вопрос «Какую религию Вы исповедуете?» по национальностям, (%)

<i>Религия</i>	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Ислам	96,3	0,5	100	70,8
Христианство	0,5	73,8	0	15,4
Иудаизм	0	0	0	3,1
Не исповедую никакой	3,0	25,1	0	9,2
Другое (Затрудняюсь ответить)	0,2	0,5	0	1,5

Таблица 5.2. Ответы респондентов на вопрос «Выполняете ли Вы религиозные предписания?» по областям, (%)

	<i>Бишкек</i>	<i>Чуйская область</i>	<i>Иссык-Кульская область</i>	<i>Ошская область</i>	<i>Джалал-Абадская область</i>	<i>Всего</i>
Выполняю всегда	4,4	7,2	3,6	5,5	5,0	25,7
Выполняю, но не всегда	10,5	7,6	12,1	10,1	11,4	51,7
Не выполняю	2,4%	4,7	2,5	2,8	1,9	14,3
Затрудняюсь ответить	2,7	0,2	1,7	1,6	1,6	7,8

Численность тех, кто совершает молитвы, еще меньше. 15.5% респондентов умеют молиться и совершают молитвы ежедневно и 34.4% молятся нерегулярно. В то же время, 0.4% умеют молиться, однако не молятся, а 13.9% не умеют молиться и не молятся (Таблица 5.3).

Таблица 5.3. Ответы респондентов на вопрос «Умеете ли Вы молиться и как часто Вы молитесь?» по областям, (%)

	<i>Бишкек</i>	<i>Чуйская область</i>	<i>Иссык-Кульская область</i>	<i>Ошская область</i>	<i>Джалал-Абадская область</i>	<i>Всего</i>
Умею молиться и молюсь каждый день	3,0	3,0	2,1	3,2	4,2	15,5
Умею молиться, но молюсь нерегулярно	8,0	5,7	6,3	6,5	7,9	34,4
Умею молиться, но не молюсь	2,9	2,7	2,5	4,0	1,8	0,4
Не умею молиться и не молюсь	6,1	8,4	8,9	6,2	6,0	13,9

Хуже всего дело обстоит с посещением молельных домов (Таблица 5.4). 9.9% опрошенных ходят в мечеть или церковь раз в неделю, 7.6% ходят раз в месяц, 29.1% - время от времени и 52.8% не посещают молельных домов совсем.

Таблица 5.4. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы ходите в мечеть (церковь и другие молельные дома)?» по областям, (%)

	<i>Бишкек</i>	<i>Чуйская область</i>	<i>Иссык-Кульская область</i>	<i>Ошская область</i>	<i>Джалал-Абадская область</i>	<i>Всего</i>
Раз в неделю	2,1	1,5	1,1	2,4	2,8	9,9
Раз в месяц	2,4	1,2	1,2	0,8	2,0	7,6
Время от времени	6,7	6,4	5,3	5,8	4,9	29,1
Не хожу	8,8	10,9	12,1	10,7	10,3	52,8

В разрезе национальностей были получены следующие результаты.

Наиболее религиозные - узбеки, поскольку они имеют самые высокие показатели тех, кто выполняет все религиозные предписания и ходит в мечеть (Таблицы 5.5 и 5.6). 41% узбеков регулярно придерживаются всех религиозных правил и 44.4% соблюдают их, но не всегда. 28.7% узбеков посещают мечеть, 3.5% делают это раз в месяц и 15.7% - время от времени.

Таблица 5.5. Ответы респондентов на вопрос «Выполняете ли Вы религиозные предписания?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Выполняю всегда	25,9	13,3	41,0	33,8
Выполняю, но не всегда	55,2	49,5	44,4	41,5
Не выполняю	12,8	24,5	7,7	12,3
Затрудняюсь ответить	6,1	12,8	6,8	12,3

Таблица 5.6. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы ходите в мечеть (церковь и другие молельные дома)?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Раз в неделю	8,1	2,7	28,7	15,4
Раз в месяц	8,3	9,1	3,5	4,6
Время от времени	29,0	42,8	15,7	16,9
Не хожу	54,5	45,5	52,2	63,1

Вторую группу наиболее религиозных респондентов составляют представители «других» национальностей. В эту группу входят дунгане, уйгуры, украинцы, татары, казахи, таджики, турки и другие более малочисленные этнические группы. 33.8% из них всегда соблюдают все религиозные предписания и 41.5% делает это не всегда. 15.4% посещает мечеть или церковь раз в неделю, 4.6% - раз в месяц и 16.9% - время от времени.

Кыргызы занимают третье место по степени религиозности. 25.9% из них

всегда соблюдают религиозные правила и 41.5% делают это не всегда. 8.1% посещают молитвенные дома раз в неделю, 8.3% - раз в месяц и 29% делают это время от времени.

После приобретения независимости в республике наблюдается рост религиозного самосознания. Курс на демократизацию, а также идеологический и духовный вакуум, возникший после крушения коммунистической идеологии, способствовал усилению интереса к религии среди различных этносов. В результате, численность тех, кто имеет Коран, Библию, Тору или другие религиозные книги в доме, значительно возросла. Несмотря на это, только 16.2% опрошенных прочитали эти книги полностью, 49.1% читали только отдельные главы и страницы и 34.4% абсолютно не знакомы с ними.

При этом наибольший показатель читавших Коран (Библию, Тору) полностью наблюдается у респондентов «других» национальностей - 23.1% (Таблица 5.7). У кыргызов велик процент тех, кто читал отдельные главы и страницы (52.1%). И узбекские интервьюеры имеют наибольшее число тех, кто не читал Коран совсем.

Таблица 5.7. Ответы респондентов на вопрос «Читали ли Вы Коран (Библию и другие религиозные книги)?» по национальностям, (%)

	<i>Кыргызы</i>	<i>Русские</i>	<i>Узбеки</i>	<i>Другие</i>
Да, читал полностью	15,1	19,1	13,7	23,1
Да, читал отдельные страницы и главы	52,1	44,1	46,2	41,5
Не читал совсем	32,8	36,7	40,2	33,8

С конца 80-х годов паломничество к святым местам приобрело небывалую популярность. Кыргызские кочевники совершали паломничество к святым местам задолго до их обращения в ислам. Наибольшей популярностью у кыргызов пользуется гора Тахт-и-Сулейман в г. Ош, куда во время

мусульманских праздников стекаются сотни паломников со всей Центральной Азии.

После становления независимого государства резко возросла численность тех, кто совершает хадж в Мекку. Ежегодно 3,000 паломников ездит в Саудовскую Аравию на хадж.

По данным исследования, 11.5% респондентов совершают паломничество к святым местам. Среди них 14.7% кыргызов, 13.7% узбеков, 6.1% «других» национальностей и 1.6% русских.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что многие верующие в Кыргызстане не соблюдают требования, предписываемые религиями. Большая их часть придерживается ритуальной стороны религии. Отдавая предпочтение религиозным ритуалам, последователи различных религий не могут подчиниться комплексу строгих религиозных правил и следовать им в своей повседневной жизни. Таким образом, в религии они, прежде всего, выделяют национально-идентификационный элемент. Приверженность религии, в их понимании, в значительной степени способствует формированию их этнической идентичности.

Исламский фактор в социально-политической жизни Кыргызстана

Итак, учитывая важность исламского фактора в общественно-политической жизни Кыргызстана, необходимо отметить некоторую ограниченность сфер его проявления.

Так, ислам не играет консолидирующей роли на этнонациональном уровне. Проведение демократических преобразований в Кыргызстане происходит параллельно с возрождением традиционной общественной структуры трайбализма. Региональные, клановые, племенные интересы имеют приоритет над приверженностью общей религии.

Ислам не является фактором консолидации кыргызстанского общества. Это объясняется присутствием многочисленного русскоязычного населения в

республике (17%), а также попытками создания гражданского общества, выраженными в формуле «Кыргызстан – наш общий дом».

Ислам не является государственной религией в Кыргызстане. Конституция Кыргызской Республики провозгласила Кыргызстан светским государством, в котором религия и политика разделены.

Несмотря на апелляцию к исламской традиции на уровне официальной идеологии, а также вступление Кыргызстана в ряд мусульманских организаций, ислам не является фактором межгосударственной консолидации центральноазиатских государств на региональном уровне. Лидеры центральноазиатских государств редко обращаются к теме религиозной общности.

Тем не менее, несмотря на некоторую ограниченность, исламский фактор в Кыргызстане отрицать невозможно. Ислам был и остается частью системы духовных ценностей, регулятором общественных отношений. «Культурный ислам», а не «политический ислам», призван сыграть определяющую роль в развитии общества. Постсоветское развитие государств Центральной Азии еще раз доказало необходимость учета влияния культурных традиций и ценностных ориентацией на социально-экономические и политические институты. Культурно-конфессиональные традиции, будучи менее динамичными, придают устойчивость более подвижному слою экономических и политических отношений. При этом, модернизация экономической и политической сфер жизни представляет собой не переход к западной модели общества, а к новой модели развития, сочетающей в себе универсальные достижения мировой цивилизации и самобытные национальные формы.

Кыргызстан, как и другие государства Центральной Азии, в своей основе консервативен. Революционные доктрины, будь то марксистского или исламского толка, не имеют здесь большого влияния. Традиционные структуры обладают высокой инерцией и менее всего поддаются внутренней трансформации, они были и останутся определяющей основой центрально-

азиатского общества. Очевидно, что Кыргызстан будет преодолевать свою советскость, а его общество станет функционировать в соответствии с законами, и деформированными, рыночной экономики и учетом специфики местных конфессиональных и этнокультурных традиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После распада СССР и обретения Кыргызстаном государственной независимости в научных и общественно-политических кругах, а также в среде гражданского общества, резко возрастает интерес к истории, культуре и традициям кыргызского народа. В этом ряду особое место занимает проблема формирования кыргызской национальной государственности, которая по праву является одной из наиболее актуальных и сложных в отечественной истории.

Сегодня наша страна поставлена перед уникальной и чрезвычайной сложной задачей построения аутентичного собственным традициям и культуре государства. С одной стороны, при определении будущего государственного устройства необходимо учитывать степень готовности Кыргызской Республики к общественно-политическим новациям, исходя из общемировой системы ценностей, прав и свобод личности. С другой, необходимо брать во внимание культурно-цивилизационный фундамент кыргызского общества, особенности его образа жизни и менталитета. Каждая нация должна сохранять и развивать присущие ей этнокультурные особенности, но только в русле мирового интеграционного процесса.

Либерализация социально-политической и общественной жизни и курс на демократизацию и соблюдение прав человека способствовали росту этнического самосознания всех этносов Кыргызстана. В то же время, суверенизация республики и введение института президентского правления сопровождалась рядом серьезных изменений в этнической ситуации республики, политизацией этнического фактора, поляризацией населения по этническому признаку.

Сегодня кыргызстанское общество стоит перед актуальным вопросом интеграции всего общества. Суть интеграционного процесса состоит в том, чтобы объединить людей, принадлежащих различным социальным, национальным и территориальным общностям на основе взаимной выгоды, выработки общих интересов, целей и ценностей. И первым шагом в этом

направлении должна быть социокультурная интеграция, предусматривающая развитие и взаимопроникновение национальных культур, традиций и религий различных этнических групп.

Известно, что нормальная этнополитическая ситуация в стране в значительной степени складывается в результате государственной национальной политики, направленной на утверждение гражданского мира и национального согласия. В основу этой политики необходимо положить признание приоритета прав человека, свободное развитие каждой этнической общности в рамках демократических процессов, осознание того, что в условиях многонациональной республики ни один этнос не может удовлетворять свои интересы за счет ущемления интересов другого, понимание того, что народ Кыргызстана - это органическое единство кыргызов и представителей всех других национальностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

1. АБАЗОВ Р. Многопартийность и исламские организации в Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №5(6).
2. АБДУЛАТИПОВ Р. Г., БОЛТЕНКОВА Л. Ф., ЯРОВ Ю. Ф. Федерализм в истории России. - Т. 1. – М., 1992.
3. АБДЫЛДАЕВ М. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Бишкек, 1991.
4. АКАЕВ А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». - Бишкек, 2003.
5. АКАЕВ А. Кыргызстан в Центральной Азии и СНГ: проблемы и перспективы//Год планеты. - Вып. 1994. - М.: Республика, 1994.
6. АЛ-МАРВАЗИ. Табаи ал-хаяван (Природа животных). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №1820//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек, 1996.
7. АЛПАТОВ В. М. 150 языков и политика 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. - М., 2000.
8. Аналитический отчет по материалам социологического исследования «Молодежь и религия». - Бишкек, 2002.
9. АРИПОВ М. К. Социальный идеал ислама: миф и реальность. – Ташкент, 1988.
10. БАБАДЖАНОВ Б. О фетвах САДУМ против «неисламских обычаев»//Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. –М., 2001.
11. БАБАДЖАНОВ Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада//Многомерные границы Центральной Азии. - М., 2000.
12. БАРТОЛЬД В. В. Киргизы (Исторический очерк)//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек, 1996.
13. БАРТОЛЬД В. В. О национальном размежевании в Средней Азии//Восток. - 1991. - №5.
14. БЕЙШЕМБАЕВА А. Р. Менталитет кыргызского народа в условиях модернизации. Автореферат кандидатской диссертации. - Бишкек, 2005.
15. Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. - Бишкек, 2000.
16. БЕРДЫЕВ М. Ислам – «проводник» иранизмов в тюркскую кочевую культуру//Центральная Азия и Кавказ. – 1997. - №12.
17. БЕРДЯЕВ Н. А. Русская идея и судьба России. - М., 1997.
18. БЖЕЗИНСКИЙ З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М., 1999.
19. БОРИСОВ Ю., ДМИТРЕНКО В., ЖУРАВЛЕВ В., КРАСОВИЦКАЯ Т., НЕНАРОКОВ А. Национальный вопрос на перекрестке мнений в 20-е года. - М., 1992.

- 20.БОРОДАЙ Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. - М., 1996.
- 21.БОТОБЕКОВ У. Внедрение идей партии “Хизб ат-Тахрир ал-ислам” на юге Киргизии//Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001.
- 22.БРОМЛЕЙ Ю. В. Очерки теории этноса. - М., 1983.
- 23.БРОМЛЕЙ Ю. В. Подольный Р. Г. Человечество – это народы. - М., 1990.
- 24.БРОМЛЕЙ Ю. В. Теория, история, современность. - М., 1987.
- 25.БРОМЛЕЙ Ю. В. Этнос и этнография. - М., 1973.
- 26.В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX в. - Ч. 1-2. - М., 1994.
- 27.ВАСИЛЬЕВ Л.С. История Востока. В 2-х томах. - М., 1994.
- 28.Введение в историю кыргызской государственности. - Бишкек: Илим, 1994.
29. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР. - М., 1987.
- 30.Вопросы развития литературных языков народов СССР. - М., 1964.
- 31.ВОРОНКОВ В., ОСВАЛЬД И. Постсоветские этничности//Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. - СПб., 1998.
- 32.Второй курултай народа Кыргызстана//Отв. Ред. Н.А. Омуралиев. - Бишкек, 1998.
- 33.Выбор Центральной Азии в цивилизационном пространстве. Курс лекций. - Бишкек: Илим, 1996.
- 34.ГАЛИЕВА З. Проблемы и противоречия современного поликонфессионализма в Кыргызстане//Труды Института Мировой Культуры. - Вып. 3 «Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана». - Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003.
- 35.ГЕЛЛНЕР Э. Пришествие национализма. - М., 1991.
- 36.Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства). - М., 1993.
- 37.ГРОЗИН А., ХЛЮПИН В. Национальная безопасность Казахстана: проблемы и перспективы. - М., 1999.
- 38.ГРОМОВА С. М. Вера Бахаи в системе мировых религий//Труды Института Мировой Культуры. - Вып. 3 «Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана». - Бишкек-Лейпциг: Илим, 2003.
- 39.ГРЮНЕБАУМ Г.Э. Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет: Пер. с англ. - М.: Наука, 1981.
- 40.ГУМИЛЕВ Л. Н. Этногенез и биосфера земли. - Ленинград, 1990.
- 41.ДАНИЛЕВСКИЙ Н. Я. Россия и Европа. - М., 1991.
- 42.Декреты Советской власти о религии и церкви//Атеистические чтения. – 1986. - Вып. 16.
- 43.ДЖУМАНАЛИЕВ А. Политическое развитие Кыргызстана (20-30-е годы). - Бишкек, 1994.
- 44.ДЖУНУШАЛИЕВ Д., ПЛОСКИХ В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана//Центральная Азия и Кавказ – 2000. – №3 (9).
- 45.ДЖУНУШАЛИЕВ Д. Время созидания и трагедий. 20-30-е годы XX в. - Бишкек, 2003.

46. ДРОБИЖЕВА Л. И., АКЛАЕВ А. Р., КОРОТЕЕВА В. В., СОЛДАТОВА Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. - М., 1996.
47. ДРОБИЖЕВА Л. М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства. - М., 1994.
48. Евразийский путь политогенеза: развитие государственности в степных и кочевых обществах // Диалог цивилизаций. - Вып. 2 «Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (По материалам Международной конференции)». - Бишкек, 2003.
49. Евразия. Народы, культуры, религии. - 1995-96. - №1.
50. ЕРАСОВ Б. С. Социальная культурология. - М., 1994. - Ч. 2.
51. Закон «О государственном языке Кыргызской Республики». Бишкек, 2 апреля 2004.
52. Запад-Незапад и Россия в мировом контексте. Материалы «круглого стола» // МЭ и МО. - 1996. - №12.
53. ЗАРУБИНА Н.Н. Самобытный вариант модернизации // СОЦИС. - 1995. - №3.
54. ЗОТОВ В. Китай. дух Лэй Фэна против буржуазной либерализации // Иностранная литература. - 1990. - №8.
55. ИМАНОВА С. Этнонационализм: история и реальность. Бишкек, 2001.
56. Ислам: Энциклопедический словарь. - М., 1991.
57. ИСМАИЛОВА С. Религия в общественно-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. - 1999. - 4(5).
58. История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек. 1998.
59. КАРАЕВ О. Государство Хайду. Чагатайский улус. Могулистан. Бишкек, 1995.
60. КОЙЧУЕВ Т., БРУДНЫЙ А. Независимый Кыргызстан: третий путь. - Бишкек: Илим, 1993.
61. КОМАРОФФ ДЖ. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994.
62. Конституция Кыргызской Республики. Бишкек, 1996.
63. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Том 2-3. М., 1981.
64. КРИВЕЦ Е. А. Проблема самобытности ислама // Восток - 1995 - №6.
65. КРОНГАРТ Г. Л. Население Кыргызстана во второй половине XIX - начале XX вв. Бишкек, 1997.
66. КУЗЕЕВ Р. Г. Национальные движения и федерализм в России // Советская этнография. 1993. № 6.
67. КУРБАНОВ Г. Религия в постсоветском Дагестане: социологические аспекты // Центральная Азия и Кавказ, 2002, 6(24).
68. КУРМАНОВ Э. Деятельность “Хизб ут-Тахрир” в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. - 2002. - №3(21). - С.

69. КУРМАНОВ З. К. Политическая борьба в Кыргызстане. 20-е годы. Бишкек, 1997.
70. Кыргызская государственность. Статистика веков. Бишкек, 2003.
71. Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления // Под ред. Т. Койчуева. – Бишкек, 1994.
72. ЛЕВИН З. И. О пределах радикальности «исламского социализма» (арабские страны) // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. - Сб. ст. - М.: Наука, 1985.
73. МАЛАШЕНКО А. В. Мусульманская цивилизация: движение и инерция // Восток. - 1994 - №4.
74. МАЛАШЕНКО А. В. Мусульманский мир СНГ. – М., 1996.
75. МАЛАШЕНКО А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5).
76. МАЛАШЕНКО А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001.
77. МАЛАШЕНКО А. Религия в общественно-политической жизни стран Центральной Азии (к постановке проблемы) // Центральная Азия и Кавказ. №6(12) 1997.
78. МАЛАШЕНКО А. Религия в социально-политической жизни Центрально-азиатских государств // Центральная Азия и Кавказ. 1997. №6.
79. МАМАЮСУПОВ О. Ш. Вопросы (проблемы) религии на переходном периоде. Бишкек, 2003.
80. МАСОВ Р. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. Душанбе, 1988.
81. Материалы Международного семинара «Политическое развитие Центральной Азии и Центральной Европы: сходства, различия, пути сотрудничества» // Центральная Азия. - 1997. - №4.
82. МИРКАСЫМОВ Б. Фактор салафизма в Центральной Азии и на Северном Кавказе. // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №3(27).
83. МОВКЕБАЕВА Г. А. Национализм как проблема исторического исследования // История и культура Центральной Азии и Казахстана. Алматы, 1998.
84. Могучий фактор национально-языкового развития. Фрунзе: Кыргызстан, 1981.
85. МОИССЕЕВ Н. Н. Цивилизация на переломе. Пути России. - М., 1996.
86. МУМИНОВ А. Традиционные и современные религиозно-теологические школы в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5).
87. МУХАЕВ Р. Т. Политология. - М., 1998.
88. НАЗИРОВ Д. Политический ислам в Центральной Азии: Истоки и этапы становления // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – №4(28).
89. НАККАШ А. Х. Доктрина «исламской экономики» в изложении теологов Высшего совета по делам ислама) // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. - Сб. ст. - М.: Наука, 1985.
90. Население Кыргызстана. Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах. Кн. 2. Бишкек, 2000.
91. Население СССР. М., 1980.

92. ОЖУКЕЕВА Т. О. XX век: возрождение национальной государственности Кыргызстана. Бишкек, 1993.
93. ОМАРОВ Н. М. К проблеме становления поликонфессионального общества в суверенном Кыргызстане // Ориентир. Аналитический бюллетень Международного института стратегических исследований при Президенте КР, 2003, №1.
94. ОРЛОВА И.Б. Евразийская цивилизация. - М., 1998.
95. ОРУСБАЕВ А. Языковая жизнь Киргизии. Фрунзе: Илим, 1990.
96. Основные итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. Бишкек, 2000.
97. ПЛОСКИХ В. М. История кыргызской государственности: итоги и перспективы исследования // Диалог цивилизаций. Вып. 2 «Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (По материалам Международной конференции)». Бишкек, 2003.
98. ПОЛЯН П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. [http://www/memo.ru/history.deport/](http://www.memo.ru/history.deport/)
99. ПРИМАКОВ Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
100. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. – Бишкек, 1995.
101. Религия и общественная мысль стран Востока. - М.: Наука, 1974.
102. Русский язык в киргизской школе. 1979. №1.
103. РЫБАКОВ С. Е. Нация и национализм. М., 2001.
104. РЫБАКОВ С. Е. Философия этноса. М., 2001.
105. САКС И. Прежние модели исчерпаны. Нужны новые // СОЦИС. - 1995. - №8.
106. САФРОНОВ Р. Тенденции развития ислама в Центральной Азии (К итогам конференции Центра стратегических и политических исследований США) // Центральная Азия и Кавказ. 1999. 4 (5).
107. СЕЙФИ ЧЕЛЕБИ. Таварих (Хроники). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №5176 // Кыргызы. Источники. История. Этнография. Бишкек, 1996.
108. Советское языкознание. М.: Наука, 1967.
109. Современный философский словарь. - М.- Минск, 1998.
110. Социальный облик Востока. М., 1999.
111. СТАЛИН И. Марксизм и национальный вопрос. М., 1939.
112. СТАРОСТИН Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. - М., 1981.
113. СТЕПАНЯНЦ М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX и XX веков. - М., 1992.
114. СУЛТАНГАЛИЕВА А. Эволюция ислама в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4(5).
115. ТАХИРОВ Ф. Т. Пятнадцать вопросов и ответов по шариату // Таджик. гос. нац. ун-т. – Душанбе, 1997.

116. ТИШКОВ В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма). Этнографическое обозрение. 1998. №5.
117. ТИШКОВ В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России. История и современность. М., 1997.
118. ТИШКОВ В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
119. ТИШКОВ В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
120. ТОЙНБИ А. Мир и Запад // Цивилизация перед судом истории: Сб. ст. СПб., 1995.
121. ТОЙНБИ А. Постижение истории. М., 1991.
122. УРМАНОВ Э. А. Ислам и кыргызы. Бишкек: Илим, 2001.
123. УРМАНОВ Э. Ислам в Кыргызстане (XIX-XX вв.) // Сборник статей слушателей ШБЭ. Вып. 2. Фонд “Сорос – Кыргызстан”. Бишкек, 2000.
124. ФИЛИППОВА М. И. «Исламский бум» глазами ориенталистов и социологов США // Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. - Сб. ст. - М.: Наука, 1985.
125. ФУРМАН Д. Армянское национальное движение. История и психология // Свободная мысль. 1992. № 16.
126. ХАНТИНГТОН С. Столкновение цивилизаций?//ПОЛИС. - 1994. - №1.
127. ХОДНЕВ А. Национальный вопрос в контексте мирового порядка. История и современное состояние // Исторические аспекты межнациональных отношений и мировой опыт. М., 2000.
128. Цивилизации и культуры. Научный альманах. М., 1994. Вып. 1.
129. «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликация: Дискуссия // Политические исследования. 1995. №1.
130. ЧЕШКО С. В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. №6.
131. Численность и различия народов мира. М., 1962.
132. ЧОТООЕВ З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии//Центральная Азия и Кавказ, 2003, №2 (26).
133. ЧОТОНОВ У. Суверенный Кыргызстан: выбор исторического пути. - Бишкек, 1995.
134. ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Минск, 1997.
135. ШУКУРОВ Ш., ШУКУРОВ Р. О воле к культуре // Центральная Азия и Кавказ. –1998. – №1.
136. ЭЛЕБАЕВА А. Б. Межэтнические отношения в постсоветских государствах Центральной Азии. Бишкек, 2001.
137. ЭЛЕБАЕВА А. Б., ОМУРАЛИЕВ Н. А., ДЖУСУПБЕКОВ А. Д. Ошский межэтнический конфликт. Бишкек, 1991.
138. ЭЛЕБАЕВА А., ОМУРАЛИЕВ Н. Межэтнические отношения в Кыргызстане: динамика и тенденция развития // Центральная Азия. 1998.

№3(15).

139. ЭЛЕБАЕВА А., ПУХОВА М., ЧОТАЕВА Ч. И ДР. Политическая трансформация. Опыт Кыргызстана в мировом контексте. Бишкек, 2002.
140. ЭРИКСОН Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
141. ЮНУСАЛИЕВ Б. М. О стилевой дифференциации киргизского литературного языка//Тезисы докладов конференции «Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР». Ашхабад, 1966.
142. ЯКОВЕЦ Ю.В. История цивилизаций. - М., 1997.
143. ЯРКОВ А. П. Очерк истории религий в Кыргызстане// http://siteistok.host.net.kg/bibl/yrkov_Religy/00.htm
144. XXI век – век процветания, дружбы и консолидации народа Кыргызстана. Материалы Третьего курултая народа Кыргызстана // Ред. кол. Бегалиев С., Омуралиев Н., Фукалов А. Бишкек, 2000.

На английском языке:

1. ABAZOV R. Central Asian Republics' Search for a «Model of Development»//Central Asia in transition. Papers presented at the Pre-Symposium to the 1998 Slavic Research Center Summer Symposium. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University, 1998.
2. ANDERSON B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of ARMSTRONG J. Nations before Nationalism. The University of North Carolina Press, 1982.
3. ANDERSON J. Religious Liberty in Transitional Societies. The Politics of Religion. Cambridge University Press, 2003.
4. Arab civilization. N. Y., 1988.
5. BANTON M. Racial Theories. Cambridge University Press, 1987.
6. BARTH F. 'Ethnic Groups and Boundaries', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Ethnicity. Oxford University Press, 1996. P.
7. BENNIGSEN A. ENDERS WIMBUSH S. Muslims of the Soviet Empire: a Guide. London, 1985.
8. BENNIGSEN A., ENDERS WIMBUSH S. Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union. University of California Press, 1985.
9. BENNIGSEN A. Several nations or one people? Ethnic consciousness among Soviet Central Asian Muslims // Survey. 1979. Vol. 24. No 3.
10. Van den BERGHE P. L. The Ethnic Phenomenon. New York, 1987.
11. BERNARD CH., KHALIDZAD Z. Secularization, Industrialization, and Khomeini's Islamic Republic // Political Science Quarterly. 1979. 2.
12. BRASS P. R. 'Ethnic Groups and Ethnic Identity Formation', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Ethnicity. Oxford University Press, 1996.

13. COHEN A. 'Ethnicity and Politics', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). *Ethnicity*. Oxford University Press, 1996.
14. CRISP S. 'Census and Sociology: Evaluating the Language Situation in Soviet Central Asia', in Akiner S. (ed.). *Cultural Change and Continuity in Central Asia*. Kegan Paul International Ltd, 1991.
15. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE, Copenhagen, 5-29 June 1990, <http://www.osce.org/docs/english/1990-1999/hd/cope90e.htm>
16. EDWARDS J. *LANGUAGE, SOCIETY AND IDENTITY*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
17. ELEBAYEVA A., OMURALIEV N., ABAZOV R. *The Shifting Identities and Loyalties in Kyrgyzstan: The Evidence from the Field // Nationalities Papers*. 2000. Vol. 28. No 2.
18. FISHMAN J. 'Ethnicity as Being, Doing, and Knowing', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). *Ethnicity*. Oxford University Press, 1996.
19. FISHMAN J. (ed.). *Handbook of Language and Ethnic Identity*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1999.
20. GEERTZ C. 'Primordial ties', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). *Ethnicity*. Oxford University Press, 1996.
21. GELLNER E. *Nations and Nationalism*. Basil Blackwell, 1983.
22. GIBB H. A. R. *The Heritage of Islam in the Modern World // International Journal of the Middle East Studies*. Vol. 1. 1970. 1.
23. Glazer N. and Moynihan D. P. (eds.). *Ethnicity: Theory and Experience*. Harvard University Press, 1975.
24. GLEASON G. *The Central Asian States: Discovering Independence*. Westview Press, 1997.
25. GUXMAN M. M. 'Some General Regularities in the Formation and Development of National Languages', in Fishman J. (ed.). *Readings in the Sociology of Language*. Mouton Publishers, 1968.
26. KEDOURIE E. *Nationalism*. Forth, Expanded edition. Blackwell Publishers, 1993.
27. KYMLICKA W. AND PATTEN A. (EDS.). *Language Rights and Political Theory*. New York: Oxford University Press, 2003.
28. HECHTER M. 'Rational Choice Theory and the Study of Race and Ethnic Relations', in Rex J. and Mason D. (eds.). *Theories of Race and Ethnic Relations*. Cambridge University Press, 1986.
29. Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). *Ethnicity*. Oxford University Press, 1996.
30. HOBSBAWM E. 'The Nation as Invented Tradition', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). *Nationalism*. Oxford University Press, 1994.
31. HUTCHINSON J. AND SMITH A. D. (eds.). *Nationalism*. Oxford University Press, 1994.
32. MEGORAN N. *Language and ethnicity in Kyrgyzstan*. 2000.
33. *Nationalism*. Revised edition. Verso, 1991.
34. POLONSKAYA L., MALASHENKO A. *Islam in Central Asia*. Ithasa Press, 1994.

35. RENAN E. 'Qu'est-ce qu'une nation?', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Nationalism. Oxford University Press, 1994.
36. RYWKIN M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. New York: M. E. Sharpe, 1990.
37. SABOL S. The creation of Soviet Central Asia: the 1924 national delimitation // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14. No 2.
38. SHILS E., 'Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties', British Journal of Sociology, Vol 8, 1957.
39. SMITH W. C. Islam in modern history. - L., 1963.
40. SMITH A. 'The Crisis of Dual Legitimation', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Nationalism. Oxford University Press, 1994.
41. SMITH A. D. The Ethnic Origins of Nations. Basil Blackwell, 1986.
42. The Convention on the Protection of National Minorities.
<http://fpphr.iatp.org.ge/librari/helsinki/EN-RTF-en-9-b-2.htm>
43. Weber M. Economy and society. Los Angeles, 1978.
44. WEBER M. 'The Nation', in Hutchinson J. and Smith A. D. (eds.). Nationalism. Oxford University Press, 1994.